BX 9798
.S47R46

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

CPO

ЛЮДИ БОЖЬИ

И

СКОПЦЫ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

(ИЗЪ ДОСТОВѢРНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ И ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ)

Н. В. РЕУТСКАГО.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К°., у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.
1872.

1102
1293

ЛЮДИ БОЖЬИ И СКОПЦЫ.

Reutskiĭ, N

ЛЮДИ БОЖЬИ

и

СКОПЦЫ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

(ИЗЪ ДОСТОВѢРНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ И ПОДЛИННЫХЪ БУМАГЪ)

Н. В. РЕУТСКАГО.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К°, У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1872.

BX 9798
S47R46

Въ древности возникали религіозно-мистическія секты, сильныя софистической діалектикой, умомъ и энергіей своихъ представителей; но обсуждаемыя и обличаемыя всенародно, онѣ изчезали съ изумительной быстротою. У насъ, напротивъ секты, самыя дикія по своимъ вѣрованіямъ, бѣдныя и внутреннимъ содержаніемъ и внѣшними вождями ихъ, благодаря тайнѣ, дѣлаютъ изумительные успѣхи въ народѣ. Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ то же время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а полицейскими. (Изъ предисловія къ трактату проф. Казанск. Академіи г. Добротворскаго: „Люди Божіи").

ID Арп. 16-1472

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашемъ уложеніи находится цѣлый раздѣлъ, трактующій о законо-нарушеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ преступленій противъ вѣры. Однимъ изъ отдѣловъ этихъ законоположеній предусмотрѣны разные случаи совращеній православныхъ въ одну изъ сектъ, признанныхъ законодательствомъ особенно вредными. При прежней системѣ судебнаго преслѣдованія и отправленія правосудія, подобнаго рода законо-нарушенія или вовсе ускользали отъ преслѣдованія, или, если и подвергались ему, то, въ большинствѣ случаевъ, тѣмъ или другимъ путемъ, успѣвали избѣгнуть справедливой кары закона. Съ выступленіемъ же на арену дѣятельности новой системы судебнаго преслѣдованія и отправленія правосудія, основанной на судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 г., обстоятельства измѣнились. Дѣятельность новой прокуратуры и суда отнеслась ко всѣмъ безъ исключенія законо-нарушеніямъ съ должнымъ безпристрастіемъ и вниманіемъ. Вслѣдствіе этого, остававшіяся долго безгласными, нѣкоторыя законо-нарушенія, заключающіяся въ совращеніи православныхъ въ вышепомянутыя секты, чуть не одновременно обнаружены и подверглись законному преслѣдованію почти во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебные уставы 20 ноября. Такимъ образомъ судебное преслѣдованіе коснулось секты Хлыстовъ и Скопцовъ, какъ наиболѣе отличающейся духомъ неукротимой пропаганды. Въ виду этого, такъ сказать, повсемѣстнаго законнаго преслѣдованія случаевъ совращенія православныхъ въ скопчество, оказалось необходимымъ возможно-отчетливѣе уяснить себѣ истинный характеръ и значеніе той секты, противъ которой, по своей обязанности, законно вооружились прокуратура и юстиція. Въ то же время, сама собою, сказалась необходимость, путемъ историческаго и практическаго анализа, выяснить,

Ирк 72

достаточны ли однѣ мѣры законнаго преслѣдованія къ прегражденію дальнѣйшаго развитія ереси и не могутъ ли быть одновременно, съ равною пользою, приняты и другія мѣры къ достиженію той же цѣли. Хотя, до настоящаго времени, было издано нѣсколько трактатовъ и изслѣдованій о Хлыстахъ и Скопцахъ, но всѣ они имѣли въ виду или исключительно литаратурныя стремленія, или лишь оглашеніе и обличеніе вреднаго направленія секты. Уясненіе же причинъ, положившихъ начало и поддержавшихъ развитіе ея, а также указаніе болѣе или менѣе радикальныхъ способовъ къ пресѣченію этого развитія, въ изданныхъ доселѣ сочиненіяхъ, почти не имѣлись въ виду.

Мысль объ этомъ явилась въ нынѣшнемъ Министерствѣ Юстиціи, по поводу множества возникшихъ въ его вѣдомствѣ слѣдственныхъ дѣлъ о Хлыстахъ и Скопцахъ. Поэтому мною предположено, по мѣрѣ возможности, написать такое изслѣдованіе объ этой сектѣ, которое имѣло бы въ виду, кромѣ отчетливаго уясненія характера и значенія ея, и указаніе способовъ къ болѣе или менѣе конечному пресѣченію дальнѣйшаго ея развитія. Приступая къ этому труду, я поставилъ своею задачею отнестись съ полнымъ безпристрастіемъ къ предмету его. Иниціативою этого труда я обязанъ Его Сіятельству Г. Министру Юстиціи Графу Константину Ивановичу Палену и его же просвѣщенному содѣйствію я обязанъ и самою возможностію выполнить этотъ трудъ.

Авторъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЖЬИ ЛЮДИ *).

I.

Скопцы существовали и у древнихъ народовъ и въ средніе вѣка, существуютъ и въ настоящее время въ Азіи и въ Италіи; но никогда и нигдѣ, кромѣ Россіи, они не составляли плотно-организованной секты. Въ древнемъ мірѣ, какъ и въ настоящее время у Азіатскихъ народовъ, скопчество составляло лишь необходимую принадлежность гаремовъ, и только. Скопчество же Византійской Имперіи главнымъ образомъ являлось какъ слѣдствіе политическихъ переворотовъ и государственныхъ смутъ. Итальянскіе кастраты составляютъ классъ людей, половая потребность которыхъ съ малыхъ лѣтъ приносится въ жертву искусству—пѣнію.

Совершенно иной характеръ и значеніе имѣетъ скопчество или, какъ сами скопцы выражаются, «скопечество» въ Россіи. Наши скопцы, «бѣлые голуби», «Люди Божіи» составляютъ секту, и секту религіозно-политическую; наше русское скопчество есть ересь, соединенная съ гражданскимъ преступленіемъ членовредительства и извѣстнымъ анти-государственнымъ и анти-соціальнымъ направленіемъ.

---

*) Считаю долгомъ выразить мою глубокую благодарность его с-ву князю Алексѣю Борисовичу Лобанову-Ростовскому и г. библіотекарю Чертковской библіотеки Петру Ивановичу Бартеневу, просвѣщенному содѣйствію которыхъ я обязанъ указаніями на нѣкоторыя весьма важныя свѣдѣнія по предмету этого труда.

Мы не имѣемъ цѣли вдаваться въ дальнѣйшія отвлеченности и соображенія по этому предмету, и обращаемся прямо къ исторической и бытовой сторонѣ его, которыя яснѣе всякихъ отвлеченныхъ умозрѣній покажутъ настоящее значеніе и характеръ русской секты скопцовъ.

Исторія скопцовъ неразрывно связана съ исторіей такъ называемыхъ «Людей Божіихъ» или, по простонародному названію, «хлыстовъ» [1]). Скопчество выродилось изъ хлыстовщины, какъ крайнее ея проявленіе, такъ сказать, вѣнецъ зданія, и въ настоящее время составляетъ съ нею одно нераздѣльное цѣлое. И скопцы, и хлысты называютъ себя теперь общимъ именемъ «Людей Божіихъ», въ противоположность «мірскимъ» т. е. православнымъ и раскольникамъ разныхъ толковъ; и скопцы, и хлысты собираются вмѣстѣ на молитвенныя сборища, имѣютъ общія религіозныя пѣсни, обряды, преданія, вѣрованія и ожиданія. Въ общей массѣ Людей Божіихъ скопцы занимаютъ тоже мѣсто, какое прежніе пустынники занимали въ средѣ монашества старинныхъ временъ. И хлысты, и скопцы считаютъ себя «вѣрными, праведными», «монахами; но сверхъ того скопцы называются еще и «страдателями», и «великими страдателями». Это названіе неоспоримо присвояется скопцамъ, какъ ими самими, такъ и хлыстами.

Вопросъ о томъ, откуда занесено къ намъ, или какимъ образомъ родилось у насъ ученіе хлыстовъ, до настоящаго времени не былъ разрѣшенъ. Г. Добротворскій въ своемъ трактатѣ о Людяхъ Божіихъ, высказываетъ лишь предположеніе, что ученіе ихъ занесено къ намъ съ Запада, чрезъ запорожскихъ казаковъ и Польшу. Протоіерей Рудаковъ въ своей Исторіи православной церкви (СП.Б. 1866 г.), прямо говоритъ, что эта ересь есть отпрыскъ квакерства, занесеннаго къ намъ въ концѣ XVII вѣка иноземцемъ Кульманомъ.

Сообразивъ ученіе Кульмана съ ученіемъ Людей Божіихъ, я прихожу къ тому же заключенію, какъ и про-

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи я стану называть ихъ этимъ именемъ, т. е. хлыстами.

тоіерей Рудаковъ. Таже мысль проводится и въ оффиціальныхъ документахъ, касающихся этого предмета: въ слѣдственномъ дѣлѣ о Кульманѣ онъ и его послѣдователи прямо названы квакерами; секта Людей Божіихъ, открытая въ 1733 и 1744—1752 гг., прямо названа въ слѣдственныхъ документахъ квакерскою ересью, а слѣдственная комиссія о хлыстахъ, открытыхъ въ Москвѣ въ 1837 году, положительно выводитъ происхожденіе вѣроученія Людей Божіихъ отъ ереси Кульмана. На такое происхожденіе секты Людей Божіихъ указываютъ и миѳическія сказанія ихъ о чудесной жизни и страданіяхъ лже-Саваоѳа ихъ Данилы Филиповича и лже-Христа Ивана Тимофѣевича Суслова. Основаніемъ этихъ баснословныхъ сказаній, неподтверждаемыхъ рѣшительно никакими историческими данными, могли служить для Людей Божіихъ лишь воспоминанія о трагической кончинѣ Кульмана и еще отдаленнѣйшихъ казняхъ первыхъ противниковъ патріарха Никона. Но не одно только ученіе Кульмана послужило источникомъ этой ереси. Въ основаніе ея равно легли и вѣрованія учениковъ Капитона Даниловскаго и многіе пункты ученія, выработаннаго Поморскимъ безпоповщинскимъ согласіемъ.

Для большей ясности не лишнимъ будетъ бросить взглядъ на сущность ученія хлыстовъ, на происхожденіе и характеръ вѣроученія Поморцевъ, Капитоніанъ и ереси Кульмана.

Догматическое ученіе Людей Божіихъ заключается въ слѣдующемъ: они вѣруютъ, что первоначально Господь Богъ сошелъ на землю въ Римѣ и Іерусалимѣ и насадилъ вѣру Христіанскую на землѣ. Съ тѣхъ поръ вѣра Христова сіяла много лѣтъ; за тѣмъ стала падать и падала триста лѣтъ, когда наконецъ появился Антихристъ отъ монашескаго чина и окончательно истребилъ всю вѣру Христову и всѣ таинства на землѣ. Тогда, по молитвѣ Людей Божіихъ, сошелъ на землю самъ Богъ Саваоѳъ въ лицѣ крестьянина Юрьевскаго уѣзда Данилы Филиповича, чтобы просвѣтить свѣтомъ истинной вѣры Россію, далъ божество Ивану Тимофѣевичу Суслову, сдѣлавшемуся чрезъ то истиннымъ Сыномъ Божіимъ Іису-

сомъ Христомъ. Для довершенія дѣла спасенія людей Господь Саваоѳъ далъ міру двѣнадцать заповѣдей, а Христосъ Иванъ Тимофѣевичъ учредилъ Святыя бесѣды и радѣнія, посредствомъ которыхъ Духъ Святый вселялся въ избранниковъ своихъ—пророковъ и чрезъ нихъ самъ руководилъ дѣломъ спасенія Людей Божіихъ. Данила Филиповичъ отвергъ всякое писаніе книжное и письменное откровеніе, повелѣвъ людямъ исключительно руководствоваться лишь велѣніями Святаго Духа, возвѣщаемыми чрезъ пророковъ. Всякій шагъ, всякое дѣяніе человѣка должны быть руководимы пророчествомъ, какъ единственнымъ откровеніемъ и источникомъ всякой человѣческой мудрости. Вѣра Людей Божіихъ, по ученію ихъ, есть единая истинная вѣра Апостольская, едино царство Христово, царство правды и любви. Высшая степень совершенства, цѣль, къ которой должны стремиться Люди Божіи, должны заключаться въ достиженіи таинственной смерти объ Адамѣ и таинственнаго воскресенія о Христѣ. Для этаго Людямъ Божіимъ первоначально предписывается усиленный постъ, цѣломудріе, самоистязаніе, неустанное произнесеніе молитвы Господней и радѣніе. Для окончательнаго же достиженія указанной цѣли необходимо обратить сердце свое въ истинный храмъ Божій, возжечь въ немъ тлѣющую въ сердцѣ каждаго человѣка искру божества, умертвить въ себѣ все земное, отречься отъ самаго себя, отъ всѣхъ даровъ природныхъ и благодатныхъ, совершенно убить въ себѣ всякую волю, всякое желаніе земнаго и небеснаго, возноситься духомъ и тѣломъ лишь къ Богу и желать лишь одного: вселенія въ себя воли божественной. Исполнившій все это таинственно умираетъ объ Адамѣ и затѣмъ таинственно воскресаетъ о Христѣ, то есть теряетъ свою волю, вмѣсто которой вселяется въ него воля Духа Святаго. Таинственно воскресшій не имѣетъ своей воли, своего «я», а во всѣхъ своихъ мысляхъ, желаніяхъ и дѣяніяхъ водится Духомъ Святымъ, и всякая его мысль, слово или дѣло, суть не его собственныя, а Духа Святаго. Считая храмомъ Божіимъ сердце человѣка, Люди Божіи отрицаютъ видимыя церкви православныя, православныхъ пастырей и церковныя та-

инства и если наружно исполняютъ православные обряды, то лишь «страха ради Іудейскаго».

Нравственное вѣроученіе Людей Божіихъ заключается въ слѣдующихъ предписаніяхъ: вина и пива не пить, въ воскресные и праздничные дни никуда не ходить, а проводить время въ моленіяхъ и радѣніяхъ; строго соблюдать посты, пѣсень мірскихъ не пѣть, на мірскія увеселенія и пляски не ходить, матерными словами не браниться, не произносить имени діавола, не красть ни единой полушки, неженатымъ не жениться, а женатымъ разжениться, то есть жить мужу съ женой какъ братъ съ сестрой, другъ друга не судить, любовь творить, Святому Духу вѣрить [2]).

Теперь я постараюсь бросить краткій взглядъ на происхожденіе Поморскаго безпоповщинскаго согласія и Костромскаго толка Капитона Даниловскаго и показать, на сколько ученіе этихъ толковъ послужило источникомъ для вѣроученія Людей Божіихъ.

До патріарха Никона почти вся Русь крестилась двуперстнымъ сложеніемъ, употребляла сугубую, а не трегубую аллилуію, творила крестные ходы по солнцу, а не противъ солнца, творила молитву Господню словами: «Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ,» а не «Сыне Божій», совершала чинъ богослуженія по старопечатнымъ книгамъ, наполненнымъ описками, а изрѣдка и вставками, — плодомъ неумѣстной религіозной ревности малограмотныхъ переписчиковъ и неискусныхъ справщиковъ печатныхъ книгъ. Всѣ эти уклоненія и ошибки появились на Руси издавна, отчасти освящены были опредѣленіями Стоглаваго Собора и ко времени патріарха Никона успѣли пріобрѣсти авторитетъ древности. Противъ этихъ-то уклоненій и ошибокъ, со всею силою своего желѣзнаго ха-

---

[2]) Дѣло о хлыстахъ, задержанныхъ въ 1837 г. въ Москвѣ у Борисовой

Дѣло о хлыстахъ, взятыхъ въ 1844 г. въ Москвѣ у Мавры Ивановой,

Дѣло о хлыстахъ, задержанныхъ въ 1844 г. у мѣщанина Евграфова. Архивъ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора.

Люди Божіи, изслѣдованіе проф. Добротворскаго. Казань 1869 г.

Полное Истор. Извѣстіе Іоаннова. С. П. Б. 1855 г.

рактера и непреклонной воли возсталъ патріархъ Никонъ. Онъ твердо рѣшился, чего бы то ни стоило, очистить священныя книги и весь чинъ русскаго церковнаго богослуженія, отъ всѣхъ тѣхъ уклоненій, которыми въ то время русская православная церковь разнилась отъ такой же греко-восточной. Патріархъ Никонъ зналъ, что въ защитникахъ старины онъ встрѣтитъ такихъ же непреклонныхъ противниковъ и съ такимъ же желѣзнымъ характеромъ, какимъ обладалъ самъ; но ревность къ вѣрѣ и чистотѣ Христіанскаго ученія побуждала его не отступать отъ того дѣла, на которое воздвигали его долгъ и совѣсть. Состоялись соборныя опредѣленія 1654 и 1655 гг. объ исправленіи священныхъ книгъ и несогласныхъ съ греко-восточною церковью обрядовъ. Наконецъ 23 апрѣля 1656 года, Никонъ торжественно на Соборѣ провозгласилъ троеперстное сложеніе, четвероконечный крестъ, трегубую аллилуію и предложилъ для церковнаго употребленія новоисправленные Служебникъ и Скрижаль. Закипѣла неумолимая вражда противъ Никона и его предпріятія, со всѣмъ ожесточеніемъ и фанатизмомъ тогдашняго времени; возстали справщики книгъ при патріархѣ Іосифѣ, протопопы Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ Костромской, Даніилъ Темниковскій, Логинъ Муромскій, священники: Лазарь Романовскій, Никита Суздальскій, діаконъ Ѳедоръ Ивановъ. Въ церквахъ, на площадяхъ и на торжищахъ, они ругали Никона и горячо убѣждали народъ хранить «древнее благочестіе», двуперстное сложеніе, восьмиконечный крестъ и тому подобное. Ревностнѣйшіе изъ нихъ въ глаза обличали и поносили Никона. Ихъ поддерживали епископъ Коломенскій Павелъ, архимандриты: Московско-Покровскій Спиридонъ Потемкинъ, Троицкій Адріанъ, Лужецкій Мисаилъ; игумены: Златоустовскій Ѳеоктистъ, Переяславскій Антоній, Тихвинскій Досиѳей, большая часть иноковъ, священниковъ, діаконовъ и мірянъ. Сторону ихъ держали сама царица, ближняя ея боярыня Ѳеодосія Прокофьевна Морозова, ея сынъ Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ, ея сестра княгиня Евдокія Прокофьевна Урусова, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, князья Иванъ Хованскій, Иванъ Воротынскій и другіе.

Въ тоже время многіе приверженцы старины выступили съ ожесточенною пропагандою въ провинціяхъ. Изъ первыхъ открытою проповѣдью возсталъ противъ Никона въ Костромскомъ и Вязниковскомъ предѣлахъ пустынножитель Капитонъ, уроженецъ дворцоваго села Даниловскаго, Костромскаго уѣзда. Капитонъ былъ человѣкъ неграмотный. Какъ только пронесся слухъ о новоисправленіяхъ, Капитонъ первый началъ гремѣть противъ Никона, и, увлекшись своею проповѣдью, отвергъ видимые храмы, единеніе съ православною церковью и сталъ убѣждать народъ не принимать отъ пастырей церковныхъ ни благословенія, ни требъ, ни таинствъ. Онъ обходилъ Костромскіе, Кинешемскіе и Вязниковскіе предѣлы и распространялъ свое ученіе по рѣкамъ Волгѣ и Клязьмѣ. Напрасно посылали изъ Москвы военныя команды для поимки его: они не могли задержать его. Капитонъ умеръ спокойно въ Вязниковской пустыни около 1690 года.

Съ неменьшею ревностію возбуждали народъ въ Муромѣ архимандритъ Антоній, въ Кириловскомъ монастырѣ и окрестныхъ пустыняхъ старецъ Іоасафъ, въ Владимірскомъ уѣздѣ бывшій наборщикъ печатнаго двора Іоаннъ, въ Нижегородскомъ монахъ Бизюковскаго монастыря Ефремъ Потемкинъ, въ Соловецкой обители и окрестныхъ пустыняхъ іеромонахъ Ѳеоктистъ и старцы Герасимъ Ѳирсовъ и Епифаній и т. д.

Между тѣмъ въ Москвѣ взаимное раздраженіе дошло до крайнихъ предѣловъ и повело къ розыскамъ и казнямъ противниковъ Никона. Павелъ Коломенскій лишенъ епископскаго сана, битъ батогами и сосланъ въ Палеостровскій монастырь. Нероновъ лишенъ скуфьи, разстриженъ и сосланъ въ Кольскій острогъ. Даніилъ Костромской разстриженъ и заточенъ въ Астрахань. Даніилъ Темниковскій разстриженъ и заключенъ въ Спасоновый монастырь. Логинъ разстриженъ, но во время разстриженія плевалъ въ лицо Никону, за что посаженъ на цѣпь, битъ метлами и шелепами и заключенъ въ Богоявленскій монастырь. Аввакумъ сосланъ съ начала въ Тобольскъ, а потомъ на Амуръ въ Албазинскій острогъ.

Все это было въ 1656 году, а въ 1658 г. и самъ патріархъ Никонъ палъ, оставилъ патріаршій престолъ, и удалился въ свой Новый Іерусалимъ. Тѣмъ не менѣе послѣдовалъ соборъ 1666 года, объявившій анаѳему всѣмъ противящимся опредѣленіямъ соборовъ 1654, 1655 и 1656 г. Не раскаявшихся и послѣ этаго ослушниковъ постигли новыя казни. Аввакумъ, возвращенный было изъ ссылки въ Москву, Симбирскій протопопъ Никифоръ, попъ Лазарь и Соловецкій инокъ Епифаній биты кнутомъ, у послѣднихъ троихъ урѣзаны языки, и всѣ четверо сосланы въ Пустозерскъ. Здѣсь впослѣдствіи времени (1681 г., 1 апрѣля, въ великій пятокъ) всѣ они были всенародно сожжены, при чемъ Аввакумъ, до послѣдняго издыханія, убѣждалъ народъ креститься двуперстно. Нѣкоего Ѳедора Юродиваго повѣсили на рѣкѣ Мезени; Исаію, дворецкаго боярина Салтыкова, сожгли; подвергли розыску боярыню Морозову и ея сына, княгиню Урусову били батогами, развели съ мужемъ и разлучили съ дѣтьми, князя Хованскаго также били батогами. Но сопротивленіе соборнымъ опредѣленіямъ не только не прекращалось, но день ото дня усиливалось; произошелъ извѣстный бунтъ иноковъ Соловецкой обители и прибывшихъ въ нее Астраханскихъ казаковъ изъ шайки Разина. Послѣ 10-ти лѣтней осады, обитель въ 1678 году была взята, и главные виновники возмущенія казнены смертію, а менѣе виновные разосланы въ Кольскій и Пустозерскій остроги. Но еще во время осады многіе иноки и пустынножители, скрывшись изъ осажденной обители, разбрелись по пустынямъ Поморья. Въ числѣ ихъ инокъ дьяконъ Игнатій, долго скитавшись по городамъ и селамъ, поселился въ Повѣнецкихъ предѣлахъ близь Саро-озера. Сюда прибылъ къ нему ученикъ Досиѳея, бывшаго игумена Тихвинскаго Никольскаго монастыря, дьячекъ Шумскаго погоста Даніилъ Викуловъ. Преслѣдуемый и здѣсь, Игнатій съ собравшеюся къ нему братіей удалился въ Палеостровскій монастырь и тамъ 4 марта 1687 года со всѣми своими учениками предался самосожженію.

Между тѣмъ Даніилъ Викуловъ, еще до ухода Игнатія, удалился странствовать. Къ нему присоединились вскорѣ оставшійся на Саро-озерѣ Харитонъ Мартыновъ и другіе бѣглецы, и они поселились въ урочищѣ Старомъ Заводѣ. Въ тоже время, приверженцы старой вѣры, изъ нижегородскихъ предѣловъ, изъ Москвы и изъ другихъ мѣстностей, пробравшись въ отдаленное поморье, селились по рѣкѣ Выгѣ, по рѣчкѣ Ковжѣ, у Таго-озера, у Воло-озера и т. д. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ у нихъ былъ старецъ Корнилій (бывшій ключаремъ при патріархѣ Филаретѣ и надзирателемъ узниковъ духовнаго званія при патріархѣ Іосифѣ, жившій потомъ въ Ниловой пустыни и возмутившій иноковъ ея противъ начальства). Онъ основался на рѣкѣ Выгѣ въ особомъ скиту, въ Верховскихъ лѣсахъ. Къ Данилѣ Викулову между тѣмъ присоединился извѣстный расколоучитель, потомокъ князей Мышецкихъ, Андрей Денисовъ съ своей сестрою Соломоніею. Въ 1695 году, вслѣдствіе пожара, истребившаго ихъ келіи и всѣ запасы, Данило Викуловъ и Андрей Денисовъ съ братіею переселились на рѣку Выгу къ скитнику старцу Захарію Степанову. Здѣсь, осенью тогоже 1695 года, они, съ благословенія старца Корнилія, учредили общежительство, построили келіи, особыя столовыя для мущинъ и женщинъ, часовню, трапезу и т. п. Сюда прибыли къ нимъ въ 1697 г. скитники Толвуйскаго погоста и отецъ Андрея Денисова съ двумя другими сыновьями, Семеномъ и Иваномъ. Такимъ образомъ создалась знаменитая Выговская обитель, которая, подъ руководствомъ и управленіемъ Даніила Викулова и Андрея Денисова, получила правильное и прочное устройство.

Въ 1700 году эти Выгорѣцкіе пустынножители, положившіе начало Поморскому безпоповщинскому согласію, выработали слѣдующія, совершенно тождественныя съ нравственнымъ вѣроученіемъ возникшей въ это время секты Людей Божіихъ, правила своего общежительства: 1) Въ воскресные и праздничные дни въ лѣсъ не ходить, а проводить время въ моленіи и богослуженіи. 2) По средамъ и пяткамъ принимать пищу одинъ разъ,

а въ прочіе дни по два раза. 3) Неженатымъ не жениться, а женатымъ жить съ женами, какъ съ сестрами. 4) Не пить вина и пива. 5) Пѣснь мірскихъ не пѣть, въ карты, на органахъ, на дудкахъ не играть, матерными словами не браниться и на мірскія увеселенія не ходить. 6) Чужаго не брать, а если кто чужое возметъ и не возвратитъ, связанъ будетъ на землѣ и на небѣ. 7) Мущинамъ рубахъ красныхъ и брюкъ коломенковыхъ, а женщинамъ сапоговъ и платковъ красныхъ и повязокъ золотыхъ не носить и т. п. [3])

Теперь обратимся къ Кульману и посмотримъ, какія религіозныя вѣрованія, тождественныя съ ученіемъ Людей Божіихъ, занесъ онъ въ Русскую землю и какъ они, въ соединеніи съ ученіемъ Капитоніанъ и Поморцевъ, образовали секту Людей Божіихъ.

Квиринъ Кульманъ родился въ Бреславлѣ 15 февраля 1651 г. Еще въ ранней юности Кульманъ жилъ исключительно въ мірѣ фантазій и видѣній. Уже тогда у него явилось убѣжденіе въ его апостольскомъ яко бы призваніи. Слушая право въ Іенѣ и Лейпцигѣ, Кульманъ мечталъ о громадныхъ ученыхъ изданіяхъ, которыя, будучи просвѣтлены духомъ Христіанской религіи, должны были замѣнить человѣчеству всѣ, добытые до того времени, плоды наукъ. Увлекшись затѣмъ сочиненіями мистиковъ Аѳанасія Кирхера и Реймунда Луллія, Кульманъ сталъ искать высшей мудрости въ наукѣ сочетаній. Отъ круговъ Луллія онъ ожидалъ разрѣшенія всѣхъ тяготившихъ умъ его вопросовъ. Затѣмъ онъ самъ составилъ вращающійся кругъ, о которомъ говоритъ такъ: «въ моемъ движущемся кругу одно слово стоитъ то въ верху, то въ срединѣ, то

---

[3]) Житіе протопопа Аввакума СПБ. 1861 г. стр. 21—23, 24, 25, 70—79. Исторія Выговской пустыни СПБ. 1862 г. стр. 37—48, 95—115. Исторія Русскаго раскола епископа Макарія СПБ. 1855 г. стран. 158—165, 167—175, 196—213, 243, 244, 253—261. Розыскъ Дмитрія Ростовскаго. Москва, 1855 г. стр. 566—571, 574—579. Полное Историческое Извѣстіе протоіерея Іоаннова СПБ. 1855 г. ч. II, стр. 3—13, 39—52. Раскольничьи дѣла XVIII ст. г. Есипова. СПБ. 1861 г. стр. 108—117, 270—286.

въ низу»... Въ Лейденѣ Кульманъ познакомился съ твореніями Якова Бёма, и это рѣшило дальнѣйшую судьбу его. Прочитавши «Великую Тайну» Бёма, Кульманъ отрекся отъ проповѣдуемаго лютеранскою церковью Христіанскаго ученія, проклялъ науку и всякую книжную мудрость и беззавѣтно отдался мистическому ученію. Плодомъ этого новаго направленія является его книга «Воскресшій Бёмъ» (1679 г.). Фамильное имя свое «Kohlmann» онъ сталъ объяснять мистически отъ слова kühl, прохладный, будто онъ призванъ «прохладить», т. е. спасти міръ. Обращаясь къ курфирстамъ и князьямъ, Кульманъ предвѣщаетъ имъ близкое паденіе земныхъ царствъ и пришествіе того Христа, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали патріархи, пророки, апостолы и всѣ святые. Изъ Лейдена его изгнали, и онъ принужденъ вести скитальческую жизнь. Онъ ѣдетъ въ Амстердамъ, Грёйнингенъ, Гамбургъ, Любекъ. Сюда пріѣхала къ нему пожилая вдова Магдалина Линдау съ двумя взрослыми дочерьми и сыномъ, руководившаяся будто бы откровеніями. Вспомнивъ предсказаніе нѣкоего Коттера о зміѣ, изрыгающемъ пламень на жену, у которой невинный ребенокъ съ чудесною будущностію, Кульманъ видитъ этаго чудеснаго ребенка въ сынѣ Магдалины Линдау. И вотъ, будучи 24-хъ лѣтъ отъ роду, онъ женится на Магдалинѣ Линдау. Но нищета преслѣдуетъ его и не даетъ возможности приступить къ исполненію замысла обратить Турокъ въ Христіанство, съ чего должно было начаться осуществленіе новаго царства. Наконецъ въ Лондонѣ англичанинъ Джонъ Бетгорстъ далъ Кульману средства поѣхать въ Константинополь. Тогда Кульманъ приступаетъ къ очищенію себя и своего семейства: установляетъ въ своей семьѣ постъ, общую молитву трижды въ день и пѣніе прохладительныхъ псалмовъ при каждомъ ударѣ колокола. Въ мартѣ 1678 г. Кульманъ съ семействомъ двинулся въ путь. Но здѣсь мечтателя ожидалъ рядъ разочарованій: семья перестала его слушаться; въ Мальтѣ онъ чуть не утонулъ, изъ Смирны Кульманъ, почти въ рубищѣ, пріѣзжаетъ въ Константинополь. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ видѣть султана, но проповѣдь его навлекла на него гоненіе. Нищій и опо-

зоренный, въ апрѣлѣ 1679 г. онъ возвратился тайкомъ въ Амстердамъ. Въ этомъ же 1679 г. Кульманъ познакомился въ Лондонѣ съ Московскимъ уроженцемъ, живописцемъ Оттономъ Гениномъ, отецъ котораго служилъ подполковникомъ въ рейтарскихъ полкахъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Генинъ говорилъ ему, что «Московское государство славно, людно, всѣмъ изобильно и что ученыхъ людей въ немъ любятъ и пріемлютъ». Въ головѣ Кульмана родилась и окрѣпла мысль отправиться съ своею проповѣдью о новомъ царствѣ въ Россію. Но лишь съ 1687 года Кульманъ началъ приготовляться въ путь. Въ Амстердамѣ онъ напечаталъ, въ ста экземплярахъ, воззваніе къ Русскимъ царямъ, начинающееся словами: «Возстаньте, цари Московскіе, возстаньте! Послушайте Николая, котораго самъ Іисусъ Христосъ призвалъ изъ Страстница Моравскаго. Бреславльскій Кульманъ его, коего онъ предсказывалъ, пробуждается, чтобы строго проповѣдать Вамъ Ваше призваніе!» Между тѣмъ Генинъ, отправившійся въ Москву, написалъ оттуда въ Амстердамъ къ своему бывшему хозяину, что ему въ Москвѣ хорошо и выгодно. Вѣсть объ этомъ дошла до Кульмана, и онъ послалъ часть своихъ воззваній къ Генину, прося представить ихъ государямъ. Но Генинъ, по совѣту пріятелей, оставилъ просьбу Кульмана безъ исполненія. Вслѣдъ затѣмъ Кульманъ прислалъ Генину шесть книгъ и между ними «Свѣтъ изъ тьмы». Генинъ роздалъ эти книги своимъ знакомымъ. Потомъ Кульманъ вторично послалъ Генину часть воззваній и нѣкоторыя свои сочиненія чрезъ состоявшаго при посольствѣ князя Якова Долгорукаго, дьяка Посольскаго Приказа, знаменитаго Андрея Виніуса. Виніусъ послалъ пакетъ съ этими бумагами къ Генину съ своимъ слугой; но Генинъ, узнавъ по почерку надписи, что посылка отъ Кульмана, не принялъ ея, и слуга отнесъ пакетъ къ Виніусу обратно.

Въ это время иноземцы проживали въ Москвѣ на Яузѣ и Гороховомъ полѣ. Они служили преимущественно въ полкахъ иноземнаго строя. Нижніе чины этихъ полковъ состояли изъ русскихъ, а офицеры частію изъ иноземцевъ,

а частію изъ русскихъ же, происходившихъ отъ незнатныхъ родовъ. Вслѣдствіе совмѣстной службы, послѣдніе, съ половины XVII столѣтія, начинаютъ входить въ дружескія и даже родственныя отношенія къ иноземцамъ. Такъ, напримѣръ, съ ними породнились Матвѣевы, Нарышкины и другіе. Они не чуждались нѣмецкаго языка, ихъ образа жизни, развлеченій и умственной дѣятельности, и многое изъ всего этаго внесли въ свою собственную жизнь. Иноземцы были преимущественно лютеране, но были между ними кальвинисты и даже католики. Къ нимъ, еще раньше описываемаго времени, проникло ученіе Бёма и имѣло немало послѣдователей. Книги Кульмана подняли снова полемику. Одни были за, другіе противъ этаго ученія. Такимъ образомъ къ пріѣзду Кульмана въ Москву у него образовалось въ Нѣмецкой Слободѣ немало приверженцевъ. Во главѣ ихъ находился купецъ Кондратій Нордерманъ, горячій послѣдователь Бёма, Коттера и др.

Апрѣля 1-го 1689 г. въ Псковскую Приказную Палату явился пріѣхавшій изъ за границы шведской, торговый человѣкъ Голландской земли г. Амстердама, Людвигъ Людовици и просилъ отпустить его въ Москву, для свиданія съ родными. Пропускъ былъ данъ, и 27 апрѣля Людвигъ Людовици прибылъ въ Москву, гдѣ и остановился въ Нѣмецкой Слободѣ у лекаря Петлинга. Это былъ Кульманъ, боявшійся, что подъ его именемъ его задержатъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ Кульманъ посѣтилъ пастора лютеранскаго прихода Мейнке. Пасторъ принялъ его сухо и объявилъ, что если Кульманъ станетъ мутить лютеранскій приходъ, то найдетъ въ немъ, Мейнке, непримиримаго противника. Кульманъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе, обольщенный тою любовію, съ которой приняли его Нордерманъ съ братіею. Видя передъ собою своего уважаемаго учителя, они пришли въ неописанный восторгъ и очертя голову пустились открыто проповѣдывать ученіе Кульмана. Нордерманъ, Ананія Диккензъ и друг. пустили по Москвѣ одно изъ писаній ревностнаго панегериста Кульманова, Бартута, которое оканчивалось предвѣщаніемъ близости новаго

царства и нападеніемъ на лютеранскихъ богослововъ. Одинъ экземпляръ этаго сочиненія Кульманъ послалъ самому Мейнке. Пасторъ отвѣчалъ весьма рѣзкимъ письмомъ, напоминая Московскимъ еретикамъ, такъ называемымъ хиліастамъ, что учители ихъ, Коттеръ и Дробицій, сожжены съ своими книгами. Нордерманъ отвѣчалъ пастору ругательнымъ письмомъ, обзывая его проклятымъ богоотступникомъ, страшнымъ Вавилонскимъ звѣремъ и величая Кульмана посланникомъ Божіимъ, великимъ пророкомъ, Іисусомъ Христомъ.

Въ тоже время у хиліастовъ происходили сборища, на которыхъ ходилъ по рукамъ Прохладительный Псалтырь Кульмана. Тогда Мейнке, съ церковной каѳедры, вооружился противъ Кульмана. Но и это не уняло хиліастовъ. Они составили новое воззваніе и просили старосту лютеранскихъ церквей фонъ-деръ-Густена объявить его во всѣхъ церквахъ и всему народу. Въ воззваніи говорилось, что благородная Есѳирь Кульманова, послѣ 6-ти мѣсячной беременности, чудесно родила ребенка, что теща Кульманова тоже зачала по ангельскому извѣщенію и 12-ть лѣтъ носитъ младенца этаго во чревѣ своемъ и что младенецъ тотъ «зрящимъ свѣтъ великій будетъ, а окаменѣлымъ и не пріемлющимъ ученіе ихъ —страхъ».

Не довольствуясь кружкомъ Нѣмцевъ, Кульманъ старался распространить свое ученіе между Русскими. Иначе и быть не могло, такъ какъ самая цѣль пріѣзда Кульмана въ Москву заключалась въ томъ, чтобы проповѣдать о наступленіи новаго царства царямъ и всему Русскому народу. Хотя Кульманъ, не смотря на всѣ допросы и пытки, не выдалъ никого изъ своихъ единомышленниковъ, но все таки показалъ, что экземпляръ своихъ сочиненій передалъ князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Эти попытки, а также и происки Мейнке, довели дѣло до того, что о проповѣди Кульмана узналъ патріархъ. Патріарху конечно не было дѣло до иноземцевъ, но попытки Кульмана распространить свое ученіе между Русскими угрожали православію новыми раздорами, и вотъ мая 28 дня 1689 г., тогдашняя правитель-

ница царевна Софія поручила своимъ любимцамъ, князю Василью Васильевичу Голицыну и начальнику стрѣльцовъ окольничему Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому, произвести слѣдствіе объ ереси Кульмана. Дѣлопроизводствомъ должны были заняться посольскаго приказа думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ и дьякъ Василій Постниковъ.

Начался строжайшій розыскъ съ пытками, батогами и дыбой. Бумаги и книги Кульмана отобраны и сданы переводчикамъ посольскаго приказа Ивану Тяжкогородскому и Гивнеру, для перевода на русскій языкъ. При первомъ допросѣ Кульманъ откровенно высказалъ свое ученіе, не скрылъ и того, что нѣкоторыхъ учителей его въ Европѣ, за ихъ ученіе, сожгли вмѣстѣ съ ихъ сочиненіями. Онъ не отрицалъ также, что искренно вѣритъ проповѣди тѣхъ учителей, а самихъ ихъ почитаетъ праведниками. Между прочимъ онъ высказалъ увѣренность, что пророчества ихъ исполнятся чрезъ триста лѣтъ послѣ ихъ провозвѣщенія, и тогда наступитъ новое царство, и всему міру будетъ «премѣненіе». Онъ говорилъ, что Турецкій султанъ пойдетъ воиной на папу, потомъ самъ трижды будетъ побѣжденъ Московскими войсками, и наконецъ всѣ Турки примутъ Христіанство. Кульманъ объявилъ также слѣдователямъ, что въ послѣдніе годы, возстанутъ 10-ть отдѣлившихся колѣнъ Израильскихъ и черезъ Францію, Голландію и иныя земли возвратятся въ Іерусалимъ и сдѣлаются христіанами: тогда будетъ едино стадо и единъ пастырь надъ всѣми, Христосъ. Въ заключеніе Кульманъ, возлагая надежду на Бога, спасшаго его отъ многихъ бѣдъ, просилъ возратить ему его бумаги и книги и отпустить въ Европу. Если его ученіе непріятно, говорилъ онъ, тогда никто объ немъ и знать не будетъ. Если же дѣло поведутъ далѣе и причинятъ ему какое либо зло, то все это огласится, потому что всякій станетъ доискиваться причинъ гибели его Кульмана.

Но тогдашнее правительство смотрѣло на этотъ предметъ иначе: уголовное право построено было на началахъ возмездія и устрашенія. Кульманъ совершилъ тяжкій

грѣхъ, называя себя пророкомъ и проповѣдуя еретическое ученіе. Кромѣ того онъ совершилъ уголовное преступленіе, написавъ въ своемъ воззваніи къ царямъ «непристойныя рѣчи, въ безчестіе русскому государству». Поэтому онъ долженъ былъ понести заслуженную кару. Въ виду такихъ соображеній, слѣдствію дали широкій ходъ: подвергли нѣсколькимъ допросамъ Кульмана, Нордермана, Диккенза и Генина, потребовали перевода и разбора всѣмъ бумагамъ и книгамъ Кульмана. Словомъ, дѣло получило громадную огласку и обратило на себя общее вниманіе.

Нордерманъ, точно также не выдавая своихъ единомышленниковъ, откровенно высказалъ всѣ свои вѣрованія; объявилъ, что искренно принимаетъ ученіе Кульмана, а самаго его считаетъ пророкомъ и праведникомъ. При этомъ онъ безбоязненно говорилъ, что приближается кончина міра, что папы и цезаря больше не будетъ, а будетъ единая вѣра, такая какая была отъ начала міра при апостолахъ; имѣнія и сходбища будутъ общія, грѣховъ и беззаконій, царей, королей и вельможъ не будетъ, а всѣ будутъ равны, всѣ имущества будутъ общественныя, и у всѣхъ людей будетъ единъ пастырь Христосъ.

Диккензъ и Генинъ отреклись отъ единомыслія съ Кульманомъ и Нордерманомъ, и такъ какъ послѣдніе ихъ не оговаривали, то они легко отдѣлались отъ слѣдствія. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, дьякъ Андрей Виніусъ и слуга его, носившій бумаги Кульмана къ Генину, не были привлечены къ слѣдствію, такъ какъ въ показаніяхъ обвиняемыхъ не находилось къ тому никакихъ основаній.

Между тѣмъ переводчики Тяжкогородскій и Гивнеръ отозвались, что книга Бартута и Прохладительный Псалтырь Кульмана противны Христіанской вѣрѣ и что не только переводить, но и читать ихъ невозможно, такъ какъ они «хульныя и богомерзкія». Еще безпощаднѣе отозвались объ нихъ лютеранскіе пасторы Мейнке и Вагеціусъ, а Езуиты Давидъ и Товій Тихавскій назвали ихъ не только «злоплевельными», но и «бунтовными». Одинъ голландскій Кальвинскій пасторъ Шондервуртъ,

подъ предлогомъ незнанія нѣмецкаго языка, уклонился отъ всякаго отзыва.

Между тѣмъ Кульмана и Нордермана продолжали пытать и допрашивать, били ихъ кнутомъ, жгли клещами; но они оставались при прежнихъ показаніяхъ, не отрицаясь отъ своихъ мечтаній.

Октября 4 дня 1689 года конная площадь была полна народа. Посреди площади возвышался срубъ, обставленный снопами соломы и смоляными бочками. Въ 11 часовъ утра, окруженные стражей показались Кульманъ и Нордерманъ. Подходя къ страшному срубу, несчастные безумцы остановились и начали молиться Богу, воздѣвъ глаза къ небу. Когда же ихъ подвели къ самому срубу, то Кульманъ, поднявъ руки и возведя вверхъ очи, воскликнулъ: «Ты справедливъ, великій Боже, и праведны Суды Твои. Ты вѣдаешь, что мы умираемъ безъ вины!» Оба вошли въ срубъ, срубъ былъ зажженъ, и болѣе ничего не стало слышно [4]).

Изъ предъидущаго видно, какую широкую огласку получило дѣло Кульмана и его ученіе въ Москвѣ путемъ многократныхъ допросовъ, пытокъ, разслѣдованій, думскихъ совѣщаній и тому подобное. Казнь еретиковъ, совершенная публично, при такой ужасающей обстановкѣ, только усилила эту огласку. Таинственные изувѣры, подъ жестокими пытками, въ виду страшной смерти, твердо стоявшіе за свою вѣру, не могли не возбудить живѣйшаго любопытства въ пытливыхъ умахъ расколоучителей, которыми тогда была полна Москва. Это тѣмъ болѣе естественно, что фантастическая жизнь Кульмана и его таинственное ученіе были уже извѣстны многимъ: знали объ этомъ князь Яковъ Долгорукій, думный дьякъ Андрей Виніусъ, его слуга, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, патріархъ, князь Василій Голицынъ, началь-

---

[4]) Дѣло объ иноземцѣ Квиринѣ Кульманѣ въ Импер. Публич. Библ. (списокъ съ него въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ) и трактатъ проф. Тихонравова Квиринъ Кульманъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1867 г. № 11 и 12.—Историческая замѣтка П. И. Мельникова, подъ заглав. „Авдотья Петровна Нарышкина“, въ Русск. Вѣстн. 1872, № 1.

никъ стрѣльцовъ Шакловитый, переводчики Тяжкогородскій и Гивнеръ, дьяки посольскаго приказа Украинцевъ и Постниковъ и другіе дьяки и подьячіе посольскаго и патріаршаго приказовъ и царской думы. Должны были знать объ этомъ, хотя отчасти, стрѣльцы и стража, бывшая при преступникахъ и помянутые выше русскіе люди, бывшіе въ дружескихъ и родственныхъ сношеніяхъ съ иноземцами, напр. Матвѣевы, Нарышкины и другіе. Все это, взятое вмѣстѣ, составило обильный матеріалъ для толковъ, которые возникли вслѣдъ за этимъ въ Москвѣ между низшимъ слоемъ монашествующихъ и находившимися въ Москвѣ же послѣдователями Капитона Костромскаго и Даніила Викулова Поморскаго. Поводовъ же къ любопытству и толкамъ было какъ нельзя болѣе достаточно: всѣ знали объ ужасной казни еретиковъ, многіе же могли видѣть и то, какъ эти изувѣры у самаго костра молились Богу и воздѣвали свои руки къ небесамъ. Такое обстоятельство, въ тогдашнее смутное время тревожныхъ ожиданій антихриста, пламенныхъ споровъ о вѣрѣ и истинномъ пути ко спасенію, доводившихъ людей до самосожигательства и самовольной голодной смерти, время юродовъ, кликушъ и т. под., не могло пройти безслѣдно и не возбуждать глухихъ толковъ въ средѣ низшаго слоя монашествующихъ и помянутыхъ послѣдователей Капитона и Даніила Викулова, бывшихъ тогда представителями русскаго раскола [5]). Эти-то толки и привели Москву къ хлыстовщинѣ: вмѣсто Кульмановскихъ хиліастовъ-иноземцевъ, явились наши русскіе хлысты или Люди Божіи.

Теперь я намѣренъ сдѣлать краткій обзоръ ученію Бёма и Кульмана, останавливаясь преимущественно лишь на тѣхъ пунктахъ, гдѣ это ученіе тождественно съ ученіемъ Людей Божіихъ.

---

[5]) Что весьма значительная часть тогдашнихъ противниковъ православной церкви состояла изъ послѣдователей Капитона, это видно изъ того, что въ то время многіе всѣхъ вообще раскольниковъ называли Капитонами. Смотри Исторію Русск. Раскола епископа Макарія, стр. 243.

II.

По ученію Бёма и Кульмана, наука и разумъ не только не даютъ истиннаго знанія, но ведутъ къ отрицанію божества. Но каждый человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію и хранитъ въ себѣ искру божества. Стоитъ раздуть, разжечь эту искру, и можно достигнуть того, что самъ Богъ будетъ дѣйствовать въ человѣкѣ, который, такимъ образомъ, чрезъ откровеніе Божіе познаетъ все. Достигнуть же этого можно умерщвленіемъ грѣха и плоти, отрѣшеніемъ отъ всего земнаго, отъ самого себя. Слѣдуетъ уничтожить свою волю, и тогда, въ замѣну ея, вселится въ человѣка воля Божія.

Бёмъ и Кульманъ учатъ, что истинные христіане получаютъ наставленія и знанія лишь отъ Духа Святаго, а неистинные христіане, слуги антихристовы, поучаются отъ свѣтскихъ ученыхъ, т. е. при посредствѣ книжной науки. Люди Божіи и скопцы вѣруютъ, что единственный источникъ всякаго знанія есть откровеніе Святаго Духа, дѣйствующаго въ ихъ пророкахъ; книги же мертвы и ничему не научаютъ.

Кульманъ отвергъ ученіе церкви и священное писаніе. Люди Божіи и скопцы тоже отвергаютъ все это и, если не показываютъ этого явно, то лишь «страха ради іудейскаго». По ученію Кульмана истинный храмъ Божій находится въ сердцѣ человѣка, а видимыя церкви суть символъ разрушенія такого храма. Тому же вѣруютъ Божіи Люди и скопцы, называя церкви «мурашеными гнѣздами».

Кульманъ проклялъ науку, книги и всѣ произведенія ума человѣческаго. Лже-саваоѳъ хлыстовъ, Даніилъ Филиповичъ потопляетъ и старыя и новыя книги въ Волгѣ и не велитъ людямъ брать книги въ руки.

По ученію Кульмана, съ наступленіемъ Езуелитскаго царства, будетъ не только одна вѣра апостольская, но и сходбища, и соборы, и имѣнія будутъ общія, и всѣ люди будутъ равны, никакихъ сословныхъ различій не будетъ. У первыхъ русскихъ Людей Божіихъ сборища бы-

ли общія, сословныхъ различій не существовало, заработки каждаго согласника приносились на сборища, которыя назывались между ними «тайными бесѣдами Св. Апостолъ и Св. Отцовъ». Кульманъ называетъ антихристомъ богословіе и папство, а Люди Божіи производятъ антихриста отъ монашескаго чина. Пророчества и видѣнія, легшія въ основу ученія Кульмана, составляютъ главную основу и вѣроученія Людей Божіихъ.

Кульманъ очищаетъ свое семейство постомъ, общими молитвами и пѣніемъ псалмовъ: и у Людей Божіихъ чистота пріобрѣтается постомъ, молитвенными собраніями и пѣніемъ распѣвовъ. Кульманъ жилъ съ своими женами въ безбрачномъ союзѣ: у людей Божіихъ мужъ долженъ жить съ женой, какъ братъ съ сестрой.

Кульманъ находилъ источникъ знанія въ наукѣ сочетаній, въ Лулліевыхъ кругахъ и въ движеніи этихъ круговъ: Люди Божіи взяли это проще и поняли конкретнѣе; у нихъ круженіе, верченіе, радѣніе низводитъ на нихъ Святаго Духа и его откровеніе, какъ единый источникъ всякаго знанія.

Кульманъ называлъ себя Іисусомъ Христомъ, званнымъ королевичемъ Божіимъ, царемъ Израильскимъ. Главнѣйшіе учители и пророки Людей Божіихъ назывались «христами», «царями», «царями израильскими».

Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что ученіе Кульмана, соединившись, въ исходѣ XVII столѣтія, съ ученіемъ послѣдователей Капитона и Даніила Викулова, образовало секту Людей Божіихъ или хлыстовъ и ихъ вѣроученіе.

III.

По наружности ученіе Кульмана представлялось такимъ, что могло удовлетворить всѣмъ ожиданіямъ тогдашняго времени. Народъ русскій былъ обуреваемъ исканіемъ истинныхъ способовъ богоугожденія и истиннаго пути ко спасенію. Исканіе это доводило людей до голодной смерти (запощеванцы, морельщики) и самосожиганія цѣлыми тысячами [6]). Ученіе Кульмана предлагало ищущимъ чистую первобытную вѣру апостольскую, пришествіе и присутствіе съ вѣрными самого Христа во плоти, возможность непрерывнаго, непосредственнаго наставленія отъ самаго Духа Святаго, вселяющагося въ избранниковъ своихъ. Въ народѣ смутно таилось сознаніе несообразности и ненормальности того, что, рядомъ съ ученіемъ православной церкви о всеобщемъ братствѣ о Христѣ, стояло рабство, поддерживаемое и нѣкоторыми монашествующими представителями той же церкви. Кульманъ же проповѣдывалъ христіанство дѣла, а не слова, безусловное равенство всѣхъ истинныхъ христіанъ, фактическое, а не номинальное братство о Христѣ.

Для воспринятія столь радикальнаго ученія, вполнѣ удовлетворявшаго народнымъ стремленіямъ и симпатіямъ тогдашняго смутнаго времени, нужна была такая почва, въ которую скептицизмъ пустилъ бы глубокіе корни. И такая почва существовала тогда въ низшемъ слоѣ монашествующихъ [7]) и въ монастырскихъ крестьянахъ и ожидала лишь сѣятеля и сѣмени. Какъ тѣ, такъ и другіе, будучи поставлены въ самыя близкія и непосредственныя отношенія къ своимъ пастырямъ, такъ сказать, присмотрѣлись къ нравственно-религіозному состоянію этихъ пастырей. Они непосредственно убѣдились

---

[6]) Тамъ же, стр. 124—125.

[7]) Конечно въ меньшинствѣ.

въ ихъ нравственномъ упадкѣ и религіозномъ безразличіи. Не понимая того, что несостоятельность нѣкоторыхъ учителей ни въ какомъ случаѣ не можетъ осквернять чистѣйшаго ученія православной церкви [8]), они стали сомнѣваться и въ истинѣ этого ученія. Эти сомнѣнія, пошатнувъ въ низшемъ слоѣ монашествующихъ самую вѣру въ божественность и спасительность православной церкви и догмы, открыли таинственному ученію Кульмана широкій путь въ монастырскую среду. Несообразность же и нелогичность крѣпостной зависимости монастырскихъ крестьянъ отъ ихъ духовныхъ пастырей, смутно сознаваемая въ народѣ, при вышеизложенныхъ зародившихся въ средѣ тогдашняго монастырскаго общества сомнѣніяхъ, подорвали въ монастырскихъ крестьянахъ довѣріе и уваженіе къ самимъ пастырямъ духовнымъ, а чрезъ то и къ проповѣданному ими Слову Божію; это проложило соблазнительному ученію Кульмана свободный ходъ и въ среду монастырскихъ крестьянъ. Въ ереси Кульмана эти крестьяне, кромѣ истиннаго пути ко спасенію, искали и выхода изъ своего неисходнаго общественнаго положенія.

Вотъ причина того страннаго явленія, что такая ересь какъ хлыстовская, отрицающая самую сущность христіанскаго вѣроученія, родилась, выросла и окрѣпла въ средѣ старцевъ, старицъ [9]) и монастырскихъ крестьянъ. Она была противодѣйствіемъ низшаго монастырскаго общества противъ самовластія, безразличія и упадка нравственности тѣхъ монашествующихъ властей и духовныхъ пастырей, подъ духовнымъ руководствомъ которыхъ оно находилось [10]).

---

[8]) Они не сообразили, что ничто не можетъ поколебать того ученія, которое имѣетъ своимъ источникомъ божественное откровеніе.

[9]) Старцы—монахи, старицы—монахини.

[10]) Низшее монастырское общество не могло понять, что случайные недостатки нѣкоторыхъ властей и духовныхъ пастырей, въ тогдашнее время, были неизбѣжны и что подобныя исключенія не могли набросить ни малѣйшей тѣни на святость и чистоту всей церковной іерархіи.

Первыми руководительницами и главными наставницами хлыстовъ были старицы и бѣлицы знаменитѣйшихъ Московскихъ монастырей. Сусловъ же и Лупкинъ играли въ первыхъ хлыстовскихъ корабляхъ почти такую же роль, какъ восточные «хутухты» въ ламаизмѣ [11]). Первыми и самыми ревностными послѣдователями ереси хлыстовъ были старцы, старицы, бѣлицы и монастырскіе крестьяне. Въ кораблѣ Суслова было нѣсколько старицъ. Первые, пойманные въ Углицкомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ Лупкинымъ въ 1717 г., хлысты были монастырскіе крестьяне, и сборище ихъ было въ монастырской же деревнѣ. Въ числѣ 50-ти хлыстовъ, задержанныхъ въ 1733 году, по указанію хлыста Безпалаго, было 13-ть человѣкъ старцевъ и старицъ и гораздо болѣе того монастырскихъ крестьянъ. Изъ числа 416-ти хлыстовъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ въ 1745—1752 годахъ, старцевъ, старицъ и бѣлицъ оказалось около 75 человѣкъ и около 130-ти монастырскихъ крестьянъ, слѣдовательно половина на половину. Этимъ первоначальнымъ возникновеніемъ хлыстовской ереси въ средѣ низшаго монастырскаго слоя вполнѣ объясняется и то обстоятельство, что вся обрядовая внѣшность этой секты, находящаяся въ прямомъ противорѣчіи съ чисто-отрицательнымъ духомъ ея ученія, заимствована хлыстами изъ монастырскихъ уставовъ и обычаевъ. Отверженіе мясной пищи, черный цвѣтъ платья, привѣтствованіе братій низкими поклонами на всѣ стороны, земные поклоны и цѣлованіе руки у учи-

---

[11]) Въ корабляхъ Суслова и Лупкина главную роль играли старицы Ивановскаго, Никитскаго и Варсонофьевскаго монастырей. Онѣ же вмѣстѣ съ монахами Высоко-Петровскаго монастыря были главными первоучительницами хлыстовъ. (Дѣла 1733 и 1745 гг. о квакерской ереси, допросъ Козмина и показанія учителей Степана Яковлева, Василія Степанова, Ивана Чуркина, Ивана Безпалаго, Петра Суханова, и др.) Подъ словомъ „корабль“ у хлыстовъ и скопцовъ разумѣлось общество сектаторовъ или извѣстнаго города, села или деревни, или лишь извѣстнаго околодка, кружка, а иногда и нѣсколькихъ селъ, деревень, кружковъ; словомъ, общество сектаторовъ, сгрупировавшееся около извѣстнаго учителя или пророка или учительницы, принимало названіе „корабля“.

телей и наставниковъ, замкнутость жизни, все это заимствовано хлыстами изъ монашескихъ обычаевъ.

Обращаясь за тѣмъ къ дальнѣйшей исторіи развитія ереси хлыстовъ, я считаю нужнымъ сдѣлать оговорку, что баснословные сказанія хлыстовъ о лже-саваоѳѣ Даніилѣ Филиповичѣ и лже-христѣ Сусловѣ, войдутъ въ ту часть настоящаго изслѣдованія, въ которой будетъ излагаться вѣроученіе хлыстовъ. Въ исторической же его части я намѣренъ держаться лишь однихъ фактовъ и документальныхъ данныхъ, какъ единственно заслуживающихъ довѣрія.

IV.

Было 29 Августа 1710 года, день усѣкновенія честныя главы Св. Іоанна Предтечи. Обѣдни отошли уже съ часъ тому назадъ. Въ отдаленномъ углу Москвы, между Шабаловской и Донской улицами, близь Донскаго монастыря, среди двора, обнесеннаго высокимъ заборомъ, стоялъ небольшой уединенный домикъ оброчнаго крестьянина тогдашняго Муромскаго уѣзда, сельца Максаковъ (помѣщиковъ Александра и Ивана Львовичей Нарышкиныхъ), Ивана Тимофѣича Суслова.

Въ просторной передней избѣ этого домика, на широкихъ деревянныхъ лавкахъ, которыми обставлены были стѣны, сидѣло человѣкъ тридцать народу, мущинъ и женщинъ. Мущины сидѣли по правую сторону, женщины—по лѣвую. Мущины были въ однихъ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ поясками и бѣлыхъ же портахъ, а бабы въ старинныхъ сарафанахъ съ пуговицами. Между послѣдними было нѣсколько старицъ и бѣлицъ. Всѣ были босикомъ.

Въ переднемъ углу подъ образами стоялъ небольшой столикъ, покрытый бѣлою скатертью. На немъ находились тарелка съ ломтями чернаго хлѣба, кружка съ водой и восковыя свѣчи. За столомъ, въ углу справа, сидѣлъ сѣдой старикъ, близь восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Это былъ самъ хозяинъ дома, «темный богатина», Иванъ Тимофѣевичъ Сусловъ, первый лже-христъ хлыстовъ. Сидѣвшіе въ избѣ люди были первые Московскіе хлысты. Рядомъ съ Сусловымъ сидѣлъ другой старикъ помоложе: это былъ лже-пророкъ Иванъ Никитинъ. Въ томъ же переднемъ углу, на лѣво отъ Суслова, рядомъ съ нимъ, было пустое мѣсто. Далѣе сидѣли старицы Никитскаго монастыря Аграфена Ѳедорова и Матрена Иванова. По срединѣ комнаты, подпрыгивая и описывая кругъ по солнцу, вертѣлась первая хлыстовская лже-учительница, стари-

ца Ивановскаго монастыря Анна Ивановна, жена Лупкина (въ мірѣ Акулина Ивановна). Вертясь, она говорила:

«Первое крещеніе было вамъ водою, а нынѣ второе крещеніе Духомъ Святымъ и ежели кто вторымъ крещеніемъ не крестится, не внидетъ въ царствіе небесное. Вѣрите ль мнѣ со истиною, что во мнѣ Духъ Святый пребываетъ, и что я не отъ своего ума говорю, а чрезъ Духа Святаго?»

Провертѣвшись немного, Анна Ивановна сѣла въ передній уголъ, рядомъ съ Сусловымъ. Тогда вскочила мгновенно съ лавки старица Аграфена Ѳедорова и, трясясь и махая руками, начала вертѣться, какъ и Анна Ивановна. Провертѣвшись молча съ четверть часа, она, съ пылающими щеками и всклокоченными волосами, обратилась къ первой сидѣвшей поближе къ переднему углу бабѣ и заговорила на распѣвъ:

«Богъ тебѣ въ помощь, сестрица Анна Макеевна! Молись Богу по ночамъ, блуда не твори, вина и пива не пей, на крестины и свадьбы не ходи, и будетъ съ тобою Богъ, и Сынъ, и Святый Духъ».

Во время этой рѣчи Анна Макеевна стояла на колѣняхъ и набожно глядѣла на изступленную монахиню.

Окончивъ съ Анной Макеевной, Аграфена Ѳедорова обратилась съ тѣмъ же увѣщаніемъ и предсказаніемъ къ слѣдующей бабѣ, и такъ далѣе до послѣдней. За тѣмъ она завертѣлась снова, быстро-быстро, какъ мельничный жерновъ, и заговорила:

«Вѣрите ль мнѣ со истиною, что во мнѣ Духъ Святый пребываетъ и что не отъ своего ума говорю, а чрезъ Духа Святаго: молитесь Богу по ночамъ, блуда не творите, вина и пива не пейте.....»

Изнеможенная, она кое-какъ добрела до лавки и опустилась на нее.

Тогда всталъ Сусловъ и снялъ со стѣны мѣдный осьмиконечный крестъ. Прилѣпивъ къ кружкѣ съ водой зажженную восковую свѣчу, онъ погрузилъ въ нее крестъ. Тогда встали Анна Ивановна и Аграфена Ѳедорова и стали по лѣвую сторону стола. Первая взяла въ руки тарел-

ку съ хлѣбомъ, а послѣдняя кружку съ водой. Сусловъ же съ крестомъ въ рукахъ сталъ по правую сторону стола. Когда эти приготовленія были кончены, хлысты по одиночкѣ стали подходить къ столу. Подойдя и перекрестясь, они клали земной поклонъ Суслову, прикладывались ко кресту и цѣловали у Суслова руку. Отъ него переходили къ Аннѣ Ивановой и, также перекрестясь, цѣловали ея руку. Анна Иванова давала каждому кусокъ чернаго хлѣба и говорила:

«Принимай сіе вмѣсто тѣла и крови Христа Спасителя».

Послѣ Анны Ивановой они подходили къ Аграфенѣ Ѳедоровой. Положивъ земной поклонъ и поцѣловавъ кружку, они запивали съѣденный хлѣбъ водою. Послѣ того каждый отходилъ прочь и садился снова на лавку. Когда все это было кончено, изъ за перегородки вынесли большой деревянный столъ и покрыли его бѣлою скатертью. Аграфена и Матрена принесли хлѣбъ, уху съ рыбой, деревянную чашу съ огурцами. Къ столу придвинули лавки, и всѣ сѣли обѣдать. На переднихъ мѣстахъ сидѣли Сусловъ и Анна Иванова.

Было уже темно на дворѣ, когда хлысты оставили таинственный домикъ подъ Донскимъ монастыремъ и разошлись по домамъ.

И такъ хлыстовская ересь и секта возникли около 1700 годовъ въ уединенномъ домикѣ оброчнаго крестьянина Суслова, близь Донскаго монастыря и въ кельяхъ Ивановскаго и Никитскаго монастырей.

Сусловъ былъ торговецъ и имѣлъ небольшую лавчонку въ масляномъ ряду. Но тамъ больше сидѣлъ его прикащикъ, монастырскій крестьянинъ Данило Козминъ, а Сусловъ, какъ мы видѣли, игралъ роль лже-христа первыхъ русскихъ хлыстовъ.

Но самую дѣятельную роль въ этомъ хлыстовскомъ кораблѣ играли описанныя мною старицы, Анна Иванова, Аграфена Ѳедорова и Матрена Иванова. Сотрудникомъ ихъ въ дѣлѣ распространенія ереси былъ крестьянинъ Иванъ Никитинъ.

Сборища этихъ хлыстовъ, кромѣ дома Суслова, происходили въ кельяхъ помянутыхъ старицъ, въ домѣ Ивана Никитина и въ сельцѣ Голенищевѣ, у хлыстовъ Авдѣя и Назара Корнѣевыхъ [12]).

Сусловъ умеръ около 1718—1720 годовъ и погребенъ въ Ивановскомъ монастырѣ. Надъ могилою его поставленъ былъ памятникъ, надпись на которомъ гласила, что здѣсь погребенъ угодникъ Божій. Сотрудники же и сотрудницы его продолжали свою дѣятельность и послѣ его смерти. Мы еще встрѣтимся съ ними въ дальнѣйшемъ разсказѣ.

Изъ Москвы хлыстовская ересь была занесена въ тогдашній Ярославскій уѣздъ, въ Юхотскую и Череможскую волости, въ вотчины Симонова монастыря, деревни Никольскую и Данильцову. Вѣроятно крестьяне этихъ деревень, пріѣзжая съ своими управителями-монахами въ Москву, заразились здѣсь хлыстовщиной и занесли ее въ свои родныя деревни.

По крайней мѣрѣ изъ оффиціальныхъ источниковъ видно, что, немногимъ позднѣе образованія Московскаго Сусловскаго корабля, образовался хлыстовскій корабль въ помянутыхъ монастырскихъ деревняхъ. Въ этомъ кораблѣ также былъ свой лже-христосъ, крестьянинъ упомянутой деревни Никольской Евстифій Анофріевъ и учители Никита Сахарниковъ и Иванъ Васильевъ [13]).

Ярославскій корабль былъ разсадникомъ восточныхъ поволжскихъ хлыстовскихъ кораблей и западнаго Углицкаго. Это видно изъ того глубокаго уваженія, которымъ онъ пользовался у хлыстовъ не только въ провинціяхъ, но и въ самой Москвѣ. Изъ Ярославскаго уѣзда ересь откинулась внизъ по Волгѣ въ Костромскую губернію, въ Юрьевецкій поволжскій уѣздъ, баснословную родину лже-саваоѳа Даніила Филиповича. Отсюда, слѣдуя теченію Волги, она проникла въ Нижегородскую губернію, въ села Павлово и Работки на Волгѣ. Нижегородскій ко-

---

[12]) Допросъ Данилы Козмина и экстрактъ въ дѣлѣ 1733 года.

[13]) Тамъ же показаніе лже-богородицы Афросиньи Ивановой. Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. IX, № 6613.

рабль имѣлъ свои сборища въ селѣ Работкахъ, въ пустой, вѣтхой церкви на берегу Волги. Этотъ корабль имѣлъ также своего лже-христа, жившаго въ селѣ Павловѣ [14]).

Въ тоже время, изъ подмосковныхъ деревень Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, ересь проникла въ вотчины приписнаго къ лаврѣ Алатырскаго монастыря: деревни Мишуково, Ичиху и Кувакино Алатырскаго уѣзда (на рѣкѣ Сурѣ, впадающей въ Волгу). Здѣсь около 1725—1735 годовъ находилось уже до тридцати человѣкъ хлыстовъ. Около 1735 года мѣстные священники возбудили по этому поводу дѣло. У этихъ хлыстовъ тоже былъ свой христосъ, Иванъ Пименовъ, полубезумный крестьянинъ монастырской деревни Солдатской [15]).

Между тѣмъ помянутые Ярославскіе хлысты Никита Сахарниковъ и Иванъ Васильевъ занесли ересь въ Углицкій уѣздъ, въ вотчину Углицкаго Воскресенскаго монастыря, деревню Харитонову. Пришедши сюда, они разсказывали, что настало послѣднее время и что «антихристъ народился отъ монашескаго чина». Около 1715 года сюда же явился отставной московскій стрѣлецъ Прокофій Лупкинъ и началъ проповѣдывать тоже самое. Лупкинъ называлъ себя христомъ, а своихъ учениковъ апостолами. Они собирались въ домъ харитоновскаго крестьянина Еремѣя Бурдаева, садились по лавкамъ и пѣли молитвы. Во время этого пѣнія нѣкоторые изъ учениковъ Лупкина, иногда два, иногда три, вскакивали съ лавокъ и подпрыгивая бѣгали по получасу и болѣе, утверждая, что на нихъ сходилъ Духъ Святый. Потомъ они всѣ причащались ломтями калача. Тутъ засталъ ихъ, 13 іюня 1717 года, Углицкій духовный судья архимандритъ Андроникъ. Лупкинъ и другіе, пойманные Андроникомъ на дворѣ у Бурдаева, хлысты, всего 21 человѣкъ, отправлены были въ Углицкое духовное правленіе, гдѣ и объяснили все выше о нихъ сказанное [16]).

---

[14]) Розыскъ Св. Дмитр. Ростовск. ч. III, глава XVIII.

[15]) Дѣло объ Алатырскихъ хлыстахъ 1746 г. № 46. Моск. Арх. Мин. Юстиціи.

[16]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. IX, № 6613.

О дальнѣйшей участи первыхъ Углицкихъ хлыстовъ оффиціальные документы умалчиваютъ; вѣроятно они выразили притворное раскаяніе и, какъ монастырскіе крестьяне, оставлены на мѣстѣ жительства. Лупкинъ же, въ качествѣ лже-учителя, не могъ ожидать для себя подобнаго снисхожденія, а потому и бѣжалъ въ Москву. Здѣсь прибытіе его было какъ нельзя болѣе кстати: лже-христъ Иванъ Тимофѣевичъ Сусловъ умеръ, и Лупкинъ заступилъ его мѣсто въ Московскомъ хлыстовскомъ Сусловскомъ кораблѣ.

Въ это время (1720 годъ) хлыстовская ересь пустила въ Москвѣ глубокіе корни. Сусловскій корабль, имѣя во главѣ старицъ Анну и Матрену Ивановыхъ, лже-христа Лупкина и Чудовскаго іеромонаха Варлаама, продолжалъ существовать, по прежнему собираясь на сборища кромѣ прежнихъ центровъ и въ домѣ Лупкина близь Яузы. Рядомъ съ этимъ кораблемъ ревностнѣйшіе поборники и поборницы хлыстовской ереси устрояли новые корабли. Такимъ образомъ образовались три новые корабля: Ивановскій съ центромъ въ Ивановскомъ монастырѣ (близь нынѣшняго зданія Опекунскаго Совѣта), Варсонофьевскій съ центромъ въ Варсонофьевскомъ монастырѣ (близь нынѣшняго Кузнецкаго моста) и Фроловскій въ домѣ крестьянина Якова Фролова въ Рогожской Ямской Слободѣ.

Основательницей Ивановскаго корабля была старица Ивановскаго монастыря Настасья, въ мірѣ Агаѳья Карпова. Сотрудниками ея, въ дѣлѣ строенія этого корабля, были иноки Высоко-Петровскаго монастыря Филаретъ, Серафимъ, Тихонъ и Іосафъ и нищій старикъ Якимъ Игнатьевъ. Этотъ нищій, бродя по Москвѣ, разсказывалъ, что въ Ивановскомъ монастырѣ есть святая старица Настасья, которая всякаго приходящаго къ ней учитъ отъ «божественнаго писанія». Простаки шли къ святой старицѣ Настасьѣ въ Ивановскій монастырь, гдѣ Настасья и наставляла ихъ въ правилахъ ереси. Потомъ, пригласивъ на свои сборища, она приводила ихъ къ присягѣ на вѣрность новому ученію.

Впослѣдствіи, для своихъ сборищъ, старица Настасья отстроила новый домъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, въ

Кочкахъ. На сборищахъ ея вертѣлась и пророчествовала старица Эсѳирь, Настасья же держала крестъ и раздавала хлыстамъ мнимое причастіе—рѣзанный ломтями хлѣбъ [17]).

Основательницей Варсонофьевскаго корабля была бѣлица Варсонофьевскаго монастыря Марѳа Павлова. Сотрудникомъ ея во всѣхъ отношеніяхъ былъ крестьянинъ сельца Воробьевыхъ горъ Алексѣй Трофимовъ. Бродя по Москвѣ, Трофимовъ училъ легковѣрныхъ людей двуперстному сложенію и т. п., потомъ приводилъ ихъ къ бѣлицѣ Марѳѣ Павловой въ ея келью. Здѣсь, по утвержденіи новообращаемаго въ правилахъ ереси, Марѳа Павлова снимала со стѣны мѣдный крестъ и приводила новаго члена секты къ присягѣ. Сборища Варсонофьевскаго корабля происходили въ кельѣ Марѳы Павловой и въ домѣ хлыста Московскаго купца Степана Яковлева за Пречистенскими воротами, въ приходѣ церкви Воскресенія Христова, что̀ слыветъ «Старое». Главную роль на нихъ играла Марѳа Павлова, считавшаяся дѣйствительной богородицей. Помощникомъ ея былъ Алексѣй Трофимовъ [18]). Къ этому же кораблю принадлежали: Московскій купецъ Андрей Касьянковъ, крестьянка Анна Макеева и крестьянинъ Яковъ Фроловъ.

Но около 1729 года Касьянковъ, Макеева и Фроловъ въ компаніи купили себѣ за 180 рубл. домъ въ Рогожской Ямской Слободѣ, выстроили на дворѣ другую избу и подъ ней устроили обширный темный погребъ. Касьянковъ и Макеева поселились въ новой избѣ, а Фроловъ съ женою, сыномъ и дочерью въ старомъ домѣ.

Вскорѣ къ Касьянкову и Макеевой присоединились вновь совращенные ими три хлыста изъ монастырскихъ крестьянъ. У Фролова же поселились Московскій купецъ Иванъ Дмитріевъ Сафьянниковъ и его прикащикъ Иванъ Савельевъ. Фроловскій домъ былъ первымъ въ прави-

---

[17]) Показанія Суханова, Безпалаго и экстрактъ изъ дѣла 1733 года.

[18]) Показанія Ивана Чуркина и купца Степана Яковлева, дѣло 1733 года.

тельственныхъ бумагахъ извѣстнымъ опытомъ хлыстовской общины, въ которой мущины и женщины проживали совмѣстно. Къ этому кораблю присоединились инокъ Никольскаго Перервинскаго монастыря Маркеллъ и лже-пророкъ Московскій купецъ Сергѣй Осиповъ съ братомъ своимъ Дмитріемъ. Сергѣй Осиповъ съ самаго начала пріобрѣлъ здѣсь первую роль. Кормщицей и главной наставницей корабля была Анна Макеева, главнымъ пророкомъ Сергѣй Осиповъ. Сборища ихъ происходили въ погребѣ подъ избой Касьянкова [19]). Это первая хлыстовская катакомба.

Въ заключеніе этого періода исторіи секты, я опишу одно сборище, бывшее въ домѣ Лупкина.

Около 1726 года извѣстный лже-учитель Алексѣй Трофимовъ, въ Спасскомъ монастырѣ, случайно сошелся съ крестьяниномъ стольника Ивана Мотовилова Луковкинымъ и тотчасъ завелъ съ нимъ душеспасительный разговоръ. Внушивъ Луковкину, что креститься нужно двуперстно, что не должно браниться, пить вино и творить блудъ, Трофимовъ пригласилъ его идти съ собою обѣдать. Тотъ согласился. Трофимовъ привелъ Луковкина на Вшивую горку [20]), подвелъ къ неизвѣстному дому и сказалъ:

«Здѣсь живетъ торговый человѣкъ Прокофій Лупкинъ».

Они вошли въ домъ и нашли тамъ собраніе мужчинъ и женщинъ, между которыми были монахи и монахини. Сначала отобѣдали, а потомъ усѣлись по лавкамъ и запѣли неизвѣстные Луковкину стихи. Затѣмъ вертѣлись въ кругъ и говорили какія-то неизвѣстныя Луковкину рѣчи. Послѣ того Трофимовъ, снявъ со стѣны крестъ, велѣлъ Луковкину приложиться къ нему и при этомъ объяснилъ ему, что обо всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ, Луковкинъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не долженъ никому разсказывать, ни даже отцу духовному [21])... Потомъ, послѣ обыкновенныхъ радѣній и лже-прича-

---

[19]) Дѣло 1745 года.
[20]) 5-й кварт. Яузской части.
[21]) Дѣло 1733 г., вторич. показ. Луковкина.

стія, изъ другой комнаты показался Лупкинъ. При его появленіи всѣ вскочили съ лавокъ, замахали руками и закричали: «Царь, Царь!» Когда же Лупкинъ усѣлся на переднее мѣсто, то всѣ стали подходить къ нему по одиночкѣ и, перекрестясь, кланялись ему въ ноги и съ благоговѣйнымъ страхомъ цѣловали его руку. По окончаніи цѣлованія, Лупкинъ, вскочивъ съ лавки, вертѣлся «вкругъ», произнося «Царь великій! Богъ великій!», а остальные, прыгая, ходили вокругъ Лупкина. Потомъ вертѣлись инокъ Варлаамъ и Трофимовъ.—Всѣ тогдашніе хлыстовскіе корабли имѣли общую между собою связь и полнѣйшее согласіе: на сборище одного корабля собирались, по предварительному приглашенію учителей, хлысты и другихъ кораблей. Происходило это такъ: если сборище назначалось у Лупкина, или у Анны Ивановой, то хотя туда стекались хлысты и другихъ кораблей, но первенство и учительство на этомъ сборищѣ имѣли Лупкинъ и старицы Марья, Анна и Вѣра. Если же сборище бывало въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, или у Степана Яковлева, то первенствовали и играли роль наставниковъ Марѳа Павлова, Алексѣй Трофимовъ и Степанъ Яковлевъ. На сборищахъ Фроловскаго корабля первенствовали Анна Мокеева, Осиповъ и Касьянковъ. У Настасьи первенство имѣли сама Настасья и старица Эсѳирь.

Уже въ это время, не смотря на постоянную проповѣдь о безбрачіи, цѣломудріи и чистотѣ, московскіе хлысты въ тайнѣ предавались разврату. Развратъ этотъ явно допускался ихъ учителями, слабости ради человѣческой. Такимъ образомъ уже тогдашніе хлысты «кто съ кѣмъ похочетъ, по склонности плотское житіе и любленіе имѣли». Въ связи съ этимъ находился звѣрскій обычай, распространившійся тогда между хлыстами, убивать первыхъ младенцевъ мужскаго пола, происходящихъ отъ незаконнаго сожитія, и кровію и сердцемъ этихъ младенцевъ причащаться. У московскихъ хлыстовъ этотъ варварскій обычай извѣстенъ со временъ Лупкина, Трофимова, старицъ Настасьи и Марѳы [22]).

---

[22]) Едвали этотъ обычай сохраняется у нынѣшнихъ хлыстовъ; вѣ-

Обыкновено рождаемыхъ отъ незаконнаго сожитія дѣтей хлысты тогдашняго времени или подкидывали куда либо или умерщвляли. Если же такое дитя было приживаемо хлыстовскимъ учителемъ съ хлыстовкою и если оно было первое у него и оказывалось мужскаго пола, то дитя получало названіе первенца, и изъ него лжеучители приготовляли «агнца непорочнаго». Сначала ребенка крестили по своему. Это происходило тотчасъ по омытіи ребенка. Приглашались другіе учители и наиболѣе ревностные согласники ереси. Отецъ держалъ ребенка на рукахъ, а собравшіеся пѣли обыкновенные распѣвы и вертѣлись, обходя вокругъ младенца, при чемъ первенствовавшій учитель трижды погружалъ младенца въ чашу съ водой и трижды же обводилъ вокругъ головы ребенка мѣдный крестъ, произнося: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Послѣ того прикладывали ребенка къ тому же кресту, нарекали ему имя и затѣмъ воздавали ему божеское поклоненіе, какъ чистому непорочному агнцу Божію. Поклоненіе это заключалось въ томъ, что хлысты по одиночкѣ подходили къ младенцу, котораго отецъ продолжалъ держать на рукахъ и, перекрестясь, кланялись ему въ землю и цѣловали его руку. Вскорѣ за этимъ обоготвореніемъ невинную жертву постигала смерть: взявъ ножъ, самъ отецъ закалывалъ ребенка и вырѣзывалъ изъ него сердце. Текшую изъ трупа кровь собирали въ чашу, и затѣмъ какъ ее, такъ и сердце высушивали на-сухо въ печи. Тѣло же или сжигали, или пускали на воду. Когда же приготовлялись хлѣбы для ихъ мнимаго причастія, то учитель, растеревъ на рукѣ часть помятутой крови и сердца, смѣшивалъ этотъ порошокъ съ приготовленнымъ для хлѣбовъ тѣстомъ. Раздавая на сборищахъ этотъ хлѣбъ, учители объясняли бывшимъ на сборищѣ согласникамъ, чтобы они принимали этотъ хлѣбъ вмѣсто истиннаго Св. Тѣла и Св. Крови Христа Спасителя, такъ какъ въ этомъ хлѣбѣ есть

роятнѣе всего, что онъ, подъ вліяніемъ духа времени, незамѣтно вышелъ изъ употребленія. По крайней мѣрѣ свѣдѣній о существованіи его въ настоящее время нѣтъ.

часть крови и сердца рожденныхъ и закланныхъ ими младенцевъ-первенцевъ, «яко сущихъ агнцевъ». Крошки же приказывали запивать водой. Хлысты вѣрили, что всякій, принявши такой хлѣбъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ уже отстать отъ ихъ ложнаго ученія [23]).

Лупкинъ умеръ въ концѣ 1732 года. О могилѣ его очевидецъ, сынъ помянутаго выше лже-учителя Якова Фролова, Ѳедоръ Яковлевъ разсказываетъ слѣдующее. Былъ онъ Ѳедоръ на сборищѣ въ Ивановскомъ монастырѣ съ Анной Макеевой и Сергѣемъ Осиповымъ. По окончаніи сборища Макеева и Осиповъ повели Ѳедора Яковлева по монастырю и подвели къ какому-то надгробному камню, противъ котораго висѣла икона неизвѣстнаго ему святаго. Подошедши къ камню, Макеева и Осиповъ сказали Ѳедору, что подъ нимъ лежитъ ихъ учитель Прокопій Лупкинъ. Помолившись образу и могилѣ Лупкина, Макеева и Осиповъ приказывали и ему Ѳедору сдѣлать тоже самое, что́ онъ и исполнилъ.

Лупкинъ былъ первый хлыстовскій пророкъ, дошедшій въ своемъ самообольщеніи, до идеи религіознаго и политическаго самозванства. Онъ называлъ себѣ не только христомъ, но и «великимъ богомъ» и «великимъ царемъ». Послѣдователи же его и именно хлысты ивановскаго корабля называли его просто «царемъ». Эта идея, прошедши незамѣтно чрезъ рядъ послѣдователей Лупкина, окончательно выразилась и прочно укрѣпилась въ хлыстовскомъ и скопческомъ мірѣ при Андрѣѣ Ивановѣ, основателѣ скопчества. Послѣдній подыскалъ для выраженія этой идеи и подходящее имя, знаменательное въ русскомъ народѣ имя Государя Императора Петра III-го.

Тотчасъ по смерти Лупкина, именно въ декабрѣ 1732 года, надъ хлыстами, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстными правительству, разразилась первая гроза.

Это произошло такимъ образомъ. Къ начальнику Москвы графу Семену Андреевичу Салтыкову явился извѣ-

---

[23]) Показаніе хлыстовскихъ учителей Ивана Ѳедорова, Чуркина и юрода Андрея Петрова. Дѣло 1745—1748 годовъ.

стный московскій разбойникъ Карауловъ и заявилъ слѣдующее. Имѣется-де въ Москвѣ четыре дома, въ которыхъ чинятся непотребности и собираются въ праздники, по ночамъ, разныхъ чиновъ, люди, старцы, старицы и прочіе. И изъ нихъ-де нѣкоторые выбираются начальниками и садятся въ переднихъ мѣстахъ, а прочіе по лавкамъ, и приходя-де имъ кланяются въ землю и цѣлуютъ у нихъ руки и собирая деньги отдаютъ. А другіе-де изъ нихъ пророчествуютъ.

Вслѣдствіе этого заявленія начались аресты, и въ сатое короткое время, по указанію Караулова и раскаявшагося хлыста крестьянина Ярославскаго уѣзда Ивана Андреева Безпалаго, поймано было 78 человѣкъ хлыстовъ. Въ томъ числѣ были задержаны и начальницы Ивановскаго и Варсонофьевскаго кораблей: старицы Настасья или Агаѳья Карпова, Марья Трофимова, Анна Иванова, Аграфена Ѳедорова и съ ними еще семь старицъ; иноки Филаретъ и Тихонъ, лже-пророки Иванъ Никитинъ, Семенъ Мелочкинъ, Степанъ Яковлевъ и учительница Анна Макеева. Бѣлица же Варсонофьевскаго монастыря лже-богородица Марѳа Павлова, старица Ивановскаго монастыря Вѣра Петрова и пророки Алексѣй Трофимовъ и Акимъ Игнатьевъ вѣроятно умерли до начала этого дѣла, потому что изъ дѣла не видно, чтобы они судились, точно также какъ нѣтъ указаній и на то, чтобы онѣ укрылись отъ слѣдствія.

Составлены были двѣ слѣдственныя киммисіи: одна въ Москвѣ, другая въ Петербургѣ при канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Въ послѣдней, кромѣ членовъ Св. Синода, архіепископовъ Ѳеофана, Леонида и Питирима, засѣдали графъ Остерманъ, князь Черкасскій и генералъ Ушаковъ. Главные обвиняемые вытребованы были въ Петербургъ и допрашивались въ присутствіи этой коммисіи. О менѣе важныхъ преступникахъ слѣдствіе производилось въ Москвѣ. Оно было окончено: почти всѣ обвиняемые принесли повинную во всемъ. Въ октябрѣ 1733 года имъ произнесенъ былъ приговоръ. Старица Настасья (разстрига Агаѳья Карпова), иноки Чудова монастыря Тихонъ (разстрига Тимофей Струковъ) и Филаретъ (раз-

стрига Ѳедоръ Муратинъ) и старица Марья Трофимова были публично казнены въ С.Петербургѣ на сытномъ рынкѣ. Растриженныя старицы Анна Ивановна, Катерина Ларіонова, Авдотья Михайлова, Аксинья Яковлева и Есѳирь (разстрига Елена) всенародно наказаны кнутомъ и сосланы въ вѣчную работу въ женскій Введенскій монастырь тогдашней Тобольской губерніи. [24]) Лже-пророкъ Суслова корабля Иванъ Никитинъ, по вырѣзаніи языка, сосланъ въ ссылку въ Сибирь. Туда же, по наказаніи кнутомъ, сосланы были старицы Никитскаго монастыря Матрена, Аграфена Ѳедорова, лже-учители Степанъ Яковлевъ и Степанъ Мелочкинъ. Остальные, пойманные тогда хлысты, по наказаніи плетьми, оставлены были на мѣстахъ жительства. Также точно наказаны были плетьми и оставлены на мѣстѣ жительства хлысты Ярославскаго корабля крестьянинъ тогдашняго Ярославскаго уѣзда, деревни Поздѣевки Степанъ Васильевъ Соплинъ и жена его Афросинья Иванова. Первоучители же ихъ, монастырскіе крестьяне Евстифей Анофріевъ, Яковъ Ильинъ, Никита Сахарниковъ и Иванъ Васильевъ умерли еще до начала слѣдствія [25]).

---

[24]) Въ Шадринскомъ уѣздѣ при Долматовомъ монастырѣ.

[25]) Отъ этого слѣдствія и суда успѣли тогда скрыться учители-пророки Московскихъ хлыстовъ: Сергѣй Осиповъ съ братомъ Дмитріемъ, монахи Чудовскаго монастыря Варлаамъ Ѳедотовъ и Варлаамъ просвирникъ, монахъ Никольскаго Перервинскаго монастыря Маркелъ, С.Петербургскій купецъ Иванъ Чуркинъ, Московскіе купцы Андрей Касьянковъ, Иванъ Дмитріевъ Сафьянниковъ и монастырскіе крестьяне Нестеръ Ивановъ, Ипполитъ Григорьевъ, Иванъ Савельевъ и Яковъ Флоровъ (дѣло 1745—1748 годовъ) и неизвѣстный крестьянинъ Андреянъ Петровъ.

V.

Не успѣла еще затихнуть гроза, какъ укрывшіеся отъ слѣдствія хлысты принялись за возстановленіе разрушеннаго, не не уничтоженнаго зданія.

На казненныхъ и сосланныхъ согласниковъ своихъ они смотрѣли, какъ на мучениковъ, пострадавшихъ за истинную вѣру, а на прежнія свои сборища — какъ на единственно душеспасительныя, на истинный путь въ царствіе небесное, и называли ихъ «тайною бесѣдою святыхъ отецъ» [26]).

При такомъ взглядѣ на свою ересь понятно, что хлысты съ жаромъ принялись работать надъ возстановленіемъ и укрѣпленіемъ ея.

Сергѣй Осиповъ, Андрей Касьянковъ, Яковъ Фроловъ и Ипполитъ Григорьевъ первые собрали свою разбѣжавшуюся общину и вновь открыли сборища въ таинственномъ погребѣ подъ избою Касьянкова. Сергѣй Осиповъ принялъ на себя роль Лупкина, сталъ называться царемъ царей и богомъ боговъ и сдѣлался кормщикомъ возрожденнаго Фроловскаго корабля. Касьянковъ же и Ипполитъ Григорьевъ были лже-пророками и учителями. Корабль этотъ пріобрѣлъ новыхъ прозелитовъ въ нѣсколькихъ крестьянахъ Никольскаго Перервинскаго монастыря, слободы Никольской [27]). Проживавшій у Фролова въ домѣ, Московскій купецъ Иванъ Дмитріевъ Сафьянниковъ открылъ новый корабль въ своемъ домѣ въ Пушкарской слободѣ, въ приходѣ Сергія Чудотворца. Самъ онъ былъ кормщикомъ корабля, прикащикъ его Иванъ Савельевъ пророкомъ, а дѣвка Акулина Григорьевна—пророчицей.

---

[26]) Показаніе инока Варлаама Ѳедотова, дѣло 1745 года.

[27]) Тоже дѣло 1745—1752 г. показанія Якова Фролова, Ѳедора Яковлева и Патрикѣя и Улиты Коровьяковыхъ.

Хлыстъ Московскій купецъ Григорій Сапожниковъ также открылъ хлыстовскія сборища въ своемъ домѣ въ Панкратьевской слободѣ, въ приходѣ Св. Николая Чудотворца, что́ въ Столпахъ [28]).

Монастырскій крестьянинъ, вотчины Рязанскаго архіерея, Зарайскаго уѣзда села Подлѣснаго, Родіонъ Ивановъ основалъ огромный хлыстовскій корабль въ селѣ Преображенскомъ, въ своемъ домѣ. Къ этому кораблю принадлежали нѣкоторые жители сельца Преображенскаго и семейство Воскресенскаго, что́ въ Барашахъ, попа Петра Васильева, пономаря Казанскаго (что въ Китаѣ городѣ) собора Дмитрія Ефимова и другихъ. Этотъ корабль имѣлъ и своего лже-христа, старика Алексѣя Яковлева и лжебогородицу, которою была сначала Софья Алексѣева, а потомъ тетка попа Петра Васильева, Авдотья Прокофьева. Кормщикомъ былъ самъ Родіонъ Ивановъ [29]).

Старицы Ивановскаго монастыря Евпраксія и Антрипелагія возобновили хлыстовскія сборища въ Ивановскомъ монастырѣ. Здѣсь, кромѣ нѣкоторыхъ хлыстовъ другихъ кораблей, собирались принадлежавшія къ ереси старицы и бѣлицы Ивановскаго монастыря. Кормщицами была Евпраксія и Антрипелагея, а пророчествовали Сергѣй Осиповъ и бѣлица Авдотья Тимофѣева [30]).

Старица Егорьевскаго монастыря Ксенофонта Иванова открыла сборища въ своей кельѣ въ Егорьевскомъ монастырѣ. Здѣсь пророчествовали и первенствовали сама Ксенофонта и ея родной братъ, крестьянинъ вотчины княгини Марьи Юрьевны Черкасской, села Ворсмы Горбатовскаго уѣзда, Иванъ Ивановъ Башмашниковъ или Бѣлый [31]).

Строитель Богословской пустыни іеромонахъ Дмитрій Ефимовъ (въ мірѣ Данила Гусевъ) началъ созывать сборища хлыстовъ въ своихъ кельяхъ, въ Богословской пустыни. Здѣсь собирались хлысты разныхъ кораблей, а

---

28) Ibidem: показаніе Ивана Савельева.

29) Ibidem: показанія попадьи Елены и купца Ивана Чуркина.

30) Показаніе Ѳед. Яков. о могилѣ Лупкина и др. Дѣло 1745—1752 г.

31) Показ. Андреяна Петрова на очныхъ ставкахъ.

распоряжался Сергѣй Осиповъ. Пророчествовала же иногда бѣлица Авдотья Тимофѣева и другія.

Но успѣшнѣе всѣхъ, въ дѣлѣ распространенія и утвержденія хлыстовской ереси, въ этомъ періодѣ времени, дѣйствовала новая, до сихъ поръ вовсе неизвѣстная, личность. Это былъ крестьянинъ Андреянъ Петровъ.

Прикидываясь нѣмымъ (конечно не передъ хлыстами), подъ маской блаженнаго, юрода, Андреянъ Петровъ, въ одной рубахѣ, босой зимою и лѣтомъ, началъ скитаться по Москвѣ и предсказывать будущее, объясняясь жестами и знаками. И вотъ, въ скоромъ времени, по Москвѣ пронесся слухъ, что невѣдомо откуда явился «блаженный юродъ» по имени Андреянъ Петровъ-нѣмой, безъ словъ предсказывающій будущее. Страсть ко всякаго рода диковинкамъ, а особенно къ юродамъ и блаженнымъ и безъ того была всегда сильна въ Московскомъ обществѣ. А тутъ было чему подивиться: нѣмой и предсказаетъ будущее! Андреянъ Петровъ быстро вошелъ въ моду, и ему открылись дома знатнѣйшихъ тогдашнихъ Московскихъ бояръ: графа Петра Борисовича Шереметева, княгини Марьи Юрьевны Черкасской, княжны Дарьи Ѳедоровны Хованской, графини Головкиной, вдовы Марьи Михайловой Чаадаевой, Настасьи Лопухиной и другихъ. Андреянъ Петровъ съумѣлъ поставить себя въ этихъ домахъ такъ ловко, что вскорѣ на него рѣкой полились щедроты его новыхъ покровителей [32]).

За Сухаревой башней [33]), на землѣ княгини Черкасской, ему отстроили домъ со всѣми принадлежностями. У него явились лошади, экипажи, человѣкъ десять прислуги. Послѣднюю составляли крѣпостные люди помянутыхъ благодѣтелей Андреяна, всѣ холостые и всѣ хлысты.

---

[32]) Показаніе Андреяна Петрова въ Москвѣ. Дѣло 1745 — 1752 годовъ.

[33]) На углу 3 Мѣщанской и Малой Сухаревки.

*) Княгиня Марья Юрьевна Черкасская, рожденная княжна Трубецкая (р. 1696 г. ум. 1747 г.) была жена государственнаго канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, того самого, который вмѣстѣ съ графомъ Остерманомъ и генераломъ Ушаковымъ подписалъ,

Такимъ образомъ, благодаря страсти къ диковинкамъ, юродамъ и блаженнымъ, лучшіе Московскіе бояре тогдашняго времени, сами того не зная и не вѣдая, созидали за Сухаревой башней хлыстовскій «Божій домъ», «Новый Іерусалимъ» и основывали одинъ изъ главнѣйшихъ тогдашнихъ хлыстовскихъ кораблей, корабль юрода Андреяна или Варсонофьевскій.

Кормщикомъ этого корабля, по самому ходу вещей, сдѣлался Андреянъ Петровъ, считавшійся хлыстами лишь «трудникомъ», праведникомъ.

Ревностныхъ сотрудниковъ, въ дѣлѣ распространенія и укрѣпленія ереси, Андреянъ Петровъ нашелъ въ помянутомъ Иванѣ Бѣломъ и отставномъ капитанѣ Тихонѣ Смурыгинѣ, совращенномъ имъ въ секту хлыстовъ. Оба они жили въ Андреяновомъ домѣ.

Особенной симпатіей Андреяна пользовался Варсонофьевскій женскій монастырь [34]). Причиною этого пристрастія вѣроятно было то, что тамъ проживала лже-богородица Марѳа Павлова, можетъ быть, духовная мать самаго Андреяна Петрова, совратившая его въ секту. Такъ или иначе, но у Андреяна явилась мысль завербовать этотъ монастырь всецѣло въ секту хлыстовъ. И вотъ, на деньги своихъ высокихъ покровителей, Андреянъ выстроилъ въ Варсонофьевскомъ монастырѣ двѣ просторныя кельи, откупилъ третью у хлыстовки старицы Афросиньи Панфиловой и помѣстилъ въ нихъ пятнадцать старицъ и бѣлицъ-хлыстовокъ, которыхъ и содержалъ на свой счетъ.

въ Сентябрѣ 1733 г., смертный приговоръ старицѣ Настасьѣ Карповой, инокамъ Филарету и Тихону. Князь А. М. Черкасскій былъ извѣстенъ своимъ несмѣтнымъ богатствомъ, перешедшимъ послѣ къ единственной его дочери княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, вышедшей за покровителя Андреяна Петрова оберъ камергера графа Петра Борисовича Шереметева.

[34]) Варсонофьевскій женскій монастырь занималъ почти все то пространство земли, которое заключается нынѣ между Рожественской и Стрѣтенской улицами, Кисельнымъ и Варсонофьевскимъ переулками. Названіе онъ получилъ отъ своей основательницы, Варсонофіи (по преданію матери Филиппа Митрополита). Первоначально въ немъ погребали убогихъ и безпріютныхъ. Поэтому, когда первый

И усилія Андреяна и его сотрудниковъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Не прошло пяти-шести лѣтъ послѣ описанныхъ казней, а уже ересь хлыстовъ расцвѣла роскошнѣе прежняго. Пустивъ глубоко свои корни въ Москвѣ, она раскинула свои вѣтви по всей землѣ русской. Варсонофьевскій монастырь всецѣло, даже съ игуменьей, передался въ ересь. Ивановскій монастырь тоже почти въ полномъ составѣ принадлежалъ къ сектѣ. Въ числѣ старицъ и бѣлицъ этихъ монастырей хлысты могли насчитать около пятидесяти пяти ревностнѣйшихъ своихъ согласницъ. Были согласники и согласницы ихъ и въ другихъ монастыряхъ Московскихъ и подмосковныхъ, какъ-то въ женскихъ Никитскомъ, Егорьевскомъ, Рождественскомъ и Страстномъ и мужскихъ Чудовскомъ, Николаевскомъ, Перервинскомъ и Богословской пустыни. Были представители ихъ, какъ мы видѣли, и въ бѣломъ духовенствѣ: попъ Петръ Васильевъ, его семейство и пономарь Казанскаго собора Дмитрій Ефимовъ. Въ концѣ концовъ, хлыстамъ удалось завербовать въ свою ересь и двухъ представительницъ Московской аристократіи, о чемъ будетъ сказано ниже.

Андреяновскій корабль собирался на сборища, кромѣ дома Андреянова, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ. Главной пророчицей въ этомъ кораблѣ была бѣлица Авдотья Тимофеева [35]).

самозванецъ Григорій Отрепьевъ велѣлъ вынуть тѣло царя Бориса Годунова изъ его могилы въ Архангельскомъ Соборѣ, то, для бо́льшаго безчестія, его положили вмѣстѣ съ тѣломъ его сына въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, откуда перенесъ эти тѣла и похоронилъ въ Троицкой Лаврѣ царь Василій Шуйскій. По упраздненіи монастыря почти вся земля отошла подъ частныя постройки. Но и теперь еще замѣтны по Варсонофьевскому переулку остатки монастырской ограды, воротъ и т. п. Нынѣ отъ всего бывшаго монастыря осталась только старинная его церковь „Вознесенія Господня, что́ близь Стрѣтенки“, замѣчательная древними иконами и верхнимъ иконостасомъ.

[35]) Показ. Андреяна, строителя Дмитрія, Афросиньи Панфиловой, Савельева и др.

Одновременно съ Московскими кораблями возобновлялись старые и основывались новые корабли въ губерніяхъ.

Значительнѣйшими изъ нихъ были Коломенскій, Ярославскій, Алатырскій, Владимірскій и Петербургскій. Они сохраняли постоянныя сношенія съ Москвою, какъ съ своей метрополіей.

Отъ слѣдствія 1733 года успѣлъ скрыться ученикъ Лупкина, Трофимова и старицъ Настасьи и Марьи, «гулящій человѣкъ» Василій Степановъ.

Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ хлыстовскихъ учителей и въ добавокъ одинъ изъ первыхъ ихъ пѣснопѣвцевъ, а потому на немъ я немного остановлюсь.

Отецъ Василья Степанова былъ польскаго происхожденія; самъ Василій Степановъ взятъ былъ казаками въ плѣнъ и проданъ въ холопи. Принявъ православіе, онъ получилъ свободу. Въ документахъ онъ называется гулящимъ человѣкомъ польскаго происхожденія, и только. Василій Степановъ былъ человѣкъ грамотный, способный и имѣлъ натуру страстную, впечатлительную. Молодые его года протекли на сборищахъ въ корабляхъ его учителей Лупкина, Трофимова, Настасьи Карповой. Уже въ годы этой первой молодости, искренно увлекшись ученіемъ хлыстовъ, онъ пріискивалъ въ Евангеліи тексты, которые, какъ казалось его незрѣлому уму, подтверждали это ученіе. Уже тогда, превратнымъ толкованіемъ этихъ текстовъ, онъ многихъ увлекалъ въ ересь [36]). Но особенно опьяняющее впечатлѣніе производили на него пѣсни, пѣвшіяся на хлыстовскихъ сборищахъ и радѣніяхъ и «признавалъ онъ Василій приходящаго на него Духа Святаго, чего ради во оныя времена у него Василья сердце трепеталось, и бывалъ въ великой радости, и поднимало его съ лавки, брасывало сажени на двѣ и больше, и лежалъ безъ памяти».... Здѣсь познакомился онъ съ такими же учениками Лупкина и Трофимова: Андреемъ Чулошниковымъ, Кузьмою Прохоровымъ, Денисомъ Кузьминымъ и дочерью Коломенскаго дворцоваго садовника Марѳою

---

[36]) Показаніе лже-учителя Ивана Чуркина. Дѣло 1745—1752 г.

Васильевою. Марѳа Васильева тоже, повидимому, была большая охотница до пѣсенъ и пѣла ихъ мастерски. Съ этой Марѳой Васильевой сошелся онъ довольно близко. И вотъ, по приглашенію ея и ея брата Сергѣя, Василій Степановъ отправился въ дворцовое село Коломенское и поселился у отца ихъ садовника Василья Антонова. Сюда приходили къ нимъ Андрей Чулошниковъ, Кузьма Прохоровъ, Денисъ Кузьминъ, бывшіе дворцовыми крестьянами приписныхъ къ Коломенскому деревень. Въ домѣ Василья Антонова они открыли хлыстовскія сборища. У Чулошникова была тетрадка съ пѣснями, пѣвшимися у Лупкина, Трофимова и старицы Настасьи. По этой-то тетрадкѣ Марѳа Васильева и Кузьма Прохоровъ пѣвали имъ эти пѣсни. Къ запасу, бывшему у Чулошникова, Василій Степановъ присоединилъ и свои фантазіи; такъ онъ сочинилъ пѣсни: «Расплачется царь Давидъ, у пустыни стоя стоючи, горьки слезы проливаючи....», «Благодатный Богъ нашъ, упованіе Божіе.....», «Свѣтъ, Боже! Царство небесное, царство, блаженный рай....»

Но наступилъ грозный для хлыстовъ 1733 годъ, и всѣ «други-товарищи» Василья Степанова: Марѳа Васильева, братъ ея Сергѣй, Чулошниковъ, Прохоровъ, Кузьминъ и самъ кормщикъ корабля садовникъ Василій Антоновъ сосланы были въ ссылку въ Сибирь. Изъ всего дружнаго хлыстовскаго Коломенскаго кружка остался одинъ Василій Степановъ, успѣвшій скрыться.

И вотъ Василій Степановъ, одинокій, съ постоянными думами о погибшихъ друзьяхъ и товарищахъ, укрывается въ селѣ Коломенскомъ и приписныхъ къ нему деревняхъ. На прежнихъ своихъ сподвижниковъ смотритъ онъ, въ своемъ заблужденіи, какъ на мучениковъ за вѣру, и въ душѣ его, и безъ того экзальтированной, разгорается еще сильнѣйшая ревность къ вѣрѣ, за которую, по его мнѣнію, пострадали всѣ, кто былъ дорогъ его памяти.

Поэтому, лишь только гроза утихла, онъ снова принялся за старое. Въ приселкѣ села Коломенскаго Братиловѣ, въ домѣ хлыста Тимофея Данилова (сына сосланнаго Дениса Кузьмина), Василій Степановъ собралъ

новыхъ послѣдователей завѣтнаго для него ученія и вновь открылъ хлыстовскія сборища. Сюда созывалъ онъ Коломенскихъ и окрестныхъ крестьянъ. И теперь сотрудницей его явилась дѣвка, носившая, по странному совпаденію случая, памятное ему имя Марѳы Васильевой. На сборищахъ Василій Степановъ читалъ своимъ ученикамъ текстъ Евангельскій: «пріидите, возлюбленные Отца Моего, наслѣдуйте уготовленное вамъ царствіе, отъ сложенія міра, зане все въ мірѣ похоть плотская, похоть очима и гордость житейская».... Затѣмъ онъ прочитывалъ имъ тѣ мѣста изъ Дѣяній Апостольскихъ, въ которыхъ говорится о сошествіи на Апостоловъ Св. Духа. При этомъ онъ показывалъ имъ какой-то печатный листъ, на которомъ находилось изображеніе Божіей Матери и Св. Апостоловъ, а внизу подъ ними портретъ какого-то «престарѣлаго человѣка» съ подлежащими надписями изъ Дѣяній Св. Апостоловъ. Надписи эти онъ тутъ же и объяснялъ въ пользу ученія секты. Послѣ этихъ предварительныхъ наставленій, Василій Степановъ, по имѣвшейся у него тетрадкѣ [37]), распѣвалъ, и одинъ, и съ Марѳой Васильевой, дорогія ему пѣсни его учителей и сосланныхъ друзей, и свои собственныя. Преимущественно же эти пѣсни пѣла Марѳа Васильева, оказавшаяся такой же мастерицой пѣть, какъ и прежняя его подруга, сосланная въ Сибирь. Подъ опьяняющимъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ Василій Степановъ снова чувствовалъ наитіе Св. Духа, начиналъ вертѣться, пророчествовать и т. п.

Къ Василью Степанову въ Братилово приходили послушать пѣсней и пророчествъ многіе хлысты и изъ Москвы [38]).

Также и самъ Василій хаживалъ въ Москву къ названному выше хлыстовскому учителю Ивану Бѣлому, жившему тогда у Николы въ Звонаряхъ. Въ квартирѣ Бѣла-

---

[37]) Списанной отъ Чулошникова. Тоже дѣло о квакерской ереси 1745—1752 г.

[38]) Показаніе Василья Степанова.

го онъ обучилъ хлыстовской вѣрѣ приближеннаго къ княжнѣ Хованской слугу ея Ивана Савельева [39]).

Также скоро возобновились и роскошно расцвѣли Ярославскій и Алытырскій хлыстовскіе корабли. Въ томъ и другомъ появились лже-христы и лже-богородицы, «престало древлее молчаніе, и снова отверзли уста пророки».

Въ Ярославскомъ кораблѣ «объявился» христомъ, бывшій подъ слѣдствіемъ 1733 года и наказанный плетьми, крестьянинъ деревни Поздѣевки, тогдашняго Ярославскаго уѣзда, Степанъ Васильевъ Соплинъ; богородицей же была жена его, также наказанныя плетьми, хлыстовка Афросинья Иванова. Будучи высланы обратно въ деревню Поздѣевку подъ надзоръ сельскаго начальства, они, по случаю мнимаго своего мученичества, пріобрѣли въ Ярославскомъ кораблѣ такое вліяніе, какого прежде вовсе не имѣли. Они собирали разсѣявшихся, по случаю грозы, хлыстовъ и снова завели сборища въ прежнемъ притонѣ, домѣ лже-пророка крестьянина деревни Посераловой Василья Ларіонова и въ своемъ собственномъ. Здѣсь собирались крестьяне монастырскихъ деревень Никольской и Данильцевой и нѣкоторые крестьяне Поздѣевскіе и Посераловскіе [40]). Лже-христосъ Соплинъ повелъ свои дѣла такъ успѣшно, что его стали называть «государемъ батюшкой», а жену его «матушкой», «госпожею богородицей». Приходившіе же въ Москву Ярославскіе хлысты съ гордостію разсказывали Московскимъ, что у нихъ есть христосъ, который своими пророчествами держитъ небо и землю [41]). Алатырскій корабль имѣлъ по прежнему своимъ лже-христомъ столѣтняго уже крестьянина монастырской деревни Солдатской, Ивана Пименова. Въ это время Алатырскій корабль широко раскинулъ свои вѣтви: къ нему принадлежали многіе крестьяне нѣсколькихъ монастырскихъ деревень Алатырскаго уѣзда, помѣщичьей деревни Чернухи Арзамасскаго и вотчины

---

[39]) Ibidem. Показаніе Андреяна Петрова на очныхъ ставкахъ.

[40]) Ibidem. Допросы Афросиньи Ивановой, Ѳедора Яковлева, Василья Степанова и др.

[41]) Ibidem. Показаніе Ѳедора и Ѳедосьи Яковлевыхъ.

княгини Марьи Юрьевны Черкасской, села Жадимирова, Саранскаго уѣзда.

Изъ предыдущаго видно, что въ это время хлыстовская ересь изъ Алатырскаго уѣзда уже подвинулась далеко на западъ, въ Саранскій уѣздъ Нижегородской губерніи. Отсюда, по всему вѣроятію, въ это же время она откинулась и въ Моршанскій уѣздъ Тамбовской губерніи. Непосредственно же изъ Москвы ересь могла проложить себѣ путь въ Алексинскій уѣздъ Тульской губерніи, а также и въ Орловскій и Сѣвскій уѣзды Орловской губерніи. По крайней мѣрѣ въ половинѣ XVIII вѣка мы находимъ уже многочисленные хлыстовскіе корабли во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ.

Одновременно съ этимъ, братья попа Петра, попъ же Владимірскаго уѣзда Григорій Васильевъ и дьячокъ Прохоръ Васильевъ и Владимірскій, Успенскаго монастыря, дьячокъ Андреевъ основали хлыстовскій корабль во Владимірѣ.

Въ тоже время образовался первый хлыстовскій корабль и въ Петербургѣ. Произошло это такимъ образомъ. Около 1730 г. проживалъ въ Москвѣ на Воронцовомъ полѣ купецъ Иванъ Ѳедоровичъ Чуркинъ. Случайно познакомился онъ съ хлыстовскимъ учителемъ Алексѣемъ Трофимовымъ. Однажды Трофимовъ зазвалъ Чуркина къ себѣ и по обыкновенію завязалъ разговоръ о двуперстномъ сложеніи, о безбрачіи и т. п. Трофимовъ доказывалъ, что бракъ есть блудъ и неугоденъ Богу. Чуркинъ возражалъ, что бракъ необходимъ, иначе родъ человѣческій прекратится. Тогда Трофимовъ снялъ съ полки старую книгу въ кожаномъ переплетѣ и, объявивъ, что книга эта есть Духовный Алфавитъ, развернулъ ее на одной страницѣ и велѣлъ Чуркину читать. Чуркинъ прочелъ слѣдующее:

«Егдабъ Адамъ не прельщенъ былъ, чрезъ діавола, «отъ Евы и не вкусилъ бы яблока, то бъ и безъ сово«купленія родъ человѣческій могъ произойти и умно«жаться рожденіемъ отъ земли, яко и Адамъ объявился».

Пораженный такимъ доказательствомъ, Чуркинъ началъ сдаваться на доводы Трофимова. Тогда сей послѣдній

предложилъ Чуркину отправиться съ нимъ въ Варсонофьевскій монастырь къ благочестивой бѣлицѣ Марѳѣ Павловой, весьма искусной «отъ божественнаго писанія». Они пошли. Дорогой Трофимовъ признался Чуркину, что, по ихъ вѣрѣ, Марѳа Павлова есть истинная богородица. Въ кельѣ Марѳы Павловой Чуркинъ увидѣлъ множество старинныхъ образовъ, большой мѣдный осьмиконечный кресть и саму хозяйку—высокую, почтенную на видъ, черноволосую женщину въ темномъ полукафтаньѣ. Едва они вошли, какъ Трофимовъ, помолясь на образа, поклонился Марѳѣ Павловой въ землю и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ у нея руку. Затѣмъ онъ объяснилъ Марѳѣ Павловой, что Чуркинъ желаетъ вступить въ ихъ согласіе. Тогда Марѳа Павлова, взявъ въ руки крестъ, обратилась къ Чуркину съ такою рѣчью:

«По Божьему жить, нужно вина и пива не пить, на «свадьбы и крестины не ходить, холостому не жениться, «женатому разжениться. Желаешь-ли ты все это со«блюсти?»

— Желаю, отвѣчалъ Чуркинъ.

«Такъ поклянись душою своею: претерпѣть плети, «кнутъ, огонь, топоръ, плаху и всякую муку, а отъ «вѣры нашей святой не отставать и о томъ, что уви«дишь или услышишь, никому не открывать, ни даже «отцу родному, ни отцу духовному!»

Чуркинъ поклялся. Тогда Марѳа Павлова открыла Чуркину, что ихъ вѣра принесена съ неба самимъ Господомъ, что она есть чистая вѣра Апостольская и что, по примѣру Св. Апостоловъ, собиравшихся на вечери, и они собираются на святыя бесѣды, будучи водимы во всемъ Духомъ Святымъ.

Когда же Чуркинъ робко замѣтилъ, что безъ плотской любви человѣку быть трудно, Марѳа Павлова сказала ему:

«Господь Богъ, по неизрѣченной милости Своей, сни«сходитъ къ слабостямъ бреннаго человѣка. Да и то не «есть блудъ, когда братъ съ сестрой, по взаимной склон«ности, имѣютъ плотскую любовь, а блудъ и скверна «есть бракъ законный, яко противный Господу».

Отъ Марѳы Павловой Трофимовъ повелъ Чуркина на Втивую Горку.

Дорогой онъ объяснилъ ему, что приведетъ его на святую бесѣду, въ домъ самаго Господа Іисуса Христа, по человѣческому называемаго Прокофьемъ Лупкинымъ. Сборище у Лупкина они застали уже въ исходѣ.

Когда они вышли отъ Лупкина, то Трофимовъ сказалъ Чуркину:

«Всѣ мы живемъ въ плотской любви съ согласницами «нашими; это не грѣхъ, потому что любовь наша основа«на на взаимной склонности, и Духъ Святый, водящій «путями нашими, снисходитъ къ этому».

У Чуркина жила въ работницахъ крестьянка Марья Евдокимова. Слѣдуя внушеніямъ Марѳы Павловой и Трофимова, Чуркинъ вступилъ съ Марьей въ любовную связь, а жениться не сталъ. Отъ этой связи родилось у него двое дѣтей: одно изъ нихъ Марья подкинула въ торговыя бани, а другое куда-то забросила.

Чуркинъ ревностно посѣщалъ сборища у Лупкина и Марѳы Павловой до роковаго 1733 г. Едва начался розыскъ надъ хлыстами, Чуркинъ въ страхѣ бѣжалъ въ Петербургъ, поскорѣе женился на Марьѣ Евдокимовой и завелъ сапожную мастерскую въ большихъ размѣрахъ. Тутъ родилось у него двое дѣтей, которыхъ онъ и окрестилъ въ православной церкви. Такъ жилъ онъ тихо и мирно до 1740 года. Въ этомъ году поѣхалъ онъ съ нѣкоторыми мастерами своими въ Москву по дѣламъ и остановился въ домѣ знакомаго ему Барашевскаго попа Петра Васильева. Здѣсь связался онъ съ теткой попа Петра, лже-богородицей Преображенскаго хлыстовскаго корабля Авдотьей Прокофьевой. Связь эта снова увлекла его въ ересь. Въ Петербургъ онъ воротился уже съ Авдотьей Прокофьевой, съ которой и продолжалъ, тайно отъ жены, жить въ любовной связи. Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, онъ убѣдилъ жену и мать вступить въ ересь. Перваго же рожденнаго послѣ этого отъ жены ребенка мужескаго пола онъ окрестилъ по хлыстовскому обряду и, воздавъ ему божеское поклоненіе, тутъ же собственноручно закололъ его. На высушенномъ сердцѣ и

крови невинной жертвы они приготовили хлѣбы, и Чуркинъ сталъ собирать въ своемъ домѣ хлыстовскія сборища. Сюда являлись братъ его Герасимъ, жена, мать, нѣсколько человѣкъ работниковъ его и нѣкоторые знакомые. Чуркинъ, разувшись, садился на переднее мѣсто и, воображая себя Христомъ, принималъ отъ своихъ согласниковъ божеское поклоненіе и говорилъ «странными языками». Потомъ, послѣ радѣній, онъ раздавалъ собравшимся ломти помянутаго хлѣба. Болѣе твердымъ въ ереси онъ объяснялъ, что въ хлѣбѣ этомъ есть часть крови и сердца «рожденнаго и закланнаго имъ младенца-первенца, яко сущаго агнца». Менѣе же твердымъ онъ объявлялъ лишь, чтобы они принимали этотъ хлѣбъ вмѣсто тѣла и крови Господней. Въ послѣдствіи въ Чуркинскомъ кораблѣ «объявился» Христомъ работникъ Чуркина Алексѣй Ивановъ, лжебогородицей же была постоянно любовница Чуркина Авдотья Прокофьева [42]).

Для болѣе наглядной характеристики хлыстовскихъ сборищъ описываемаго періода времени я постараюсь, на основаніи подлинныхъ документовъ, описать одно замѣчательное сборище, бывшее у Андреяна Петрова въ 1740 году.

Было воскресенье, вторая недѣля великаго поста, недѣля православія. Обѣдни отошли, и вокругъ Сухаревой башни шелъ уже оживленной торгъ. На малую Сухаревку выѣхали крытыя сани, запряженныя парой лошадей, гнѣдой и соловой. Медвѣжья полость, крытая синимъ сукномъ, подвернута была къ козламъ. Въ саняхъ сидѣли три женщины. Первая была пожилыхъ лѣтъ монахиня, въ черномъ клобукѣ и теплой рясѣ. Вторая была молодая бѣлица, лѣтъ двадцати пяти, съ лицомъ бѣлымъ, полнымъ, глазами выразительными, но строгими. На ней была бѣличья шубка, крытая темнозеленымъ сукномъ и большой черный шерстяной платокъ. Третья была старушка монахиня, одѣтая также, какъ и первая. Пожилая монахиня была старица Егорьевскаго монастыря

---

[42]) Дѣло о квакерской ереси 1745—1752 г., показанія Чуркина и другихъ.

Ксенофонта Иванова, сестра лже-учителя Бѣлаго. Старушка была старица Варсонофьевскаго монастыря Афросинья Панфилова, наперсница юрода Андреяна Петрова. Бѣлица же была знаменитая въ то время лже-пророчица Авдотья Тимофѣева. На козлахъ сидѣлъ любимый работникъ Андреяна Петрова, Ѳедоръ Перфильевъ. Онъ везъ монахинь и бѣлицу къ Андреяну Петрову, пославшему за ними своихъ лошадей и экипажъ. Сани остановились у воротъ, выходившихъ на малую сухаревскую площадь. Ворота были о двухъ щитахъ на желѣзныхъ петляхъ. По обѣ ихъ стороны было по калиткѣ. Влѣво отъ воротъ, до угла Третьей Мѣщанской улицы, тянулся высокій досчатой заборъ. Справа же къ нимъ примыкалъ деревянный, на каменномъ фундаментѣ, флигель, тянувшійся въ глубину двора. На улицу выходили лишь три окна, плотно прикрытыя ставнями съ желѣзными запорами. Ѳедоръ Перфильевъ слѣзъ съ козелъ и, отворивъ ворота, въѣхалъ на широкій дворъ. Прямо противъ воротъ, въ глубинѣ двора, находился деревянный, съ каменнымъ подвальнымъ этажемъ, домъ въ шесть оконъ по лицевому фасаду. Рядомъ съ нимъ на право, изъ за рѣшетчатой ограды, виднѣлся молодой садъ, и въ немъ новая деревянная церьковь въ пятнадцать оконъ. Передъ садомъ во дворѣ стоялъ колодецъ съ навѣсомъ въ видѣ часовни. Вблизи колодца было навалено множество бѣлыхъ каменныхъ плитъ. Къ заднему углу флигеля примыкали конюшни и сараи. На лѣво отъ воротъ находился небольшой огородъ.

Подъѣхавъ къ дому, Перфильевъ осадилъ лошадей и высадилъ своихъ спутницъ. По широкому деревянному крыльцу монахини вошли въ теплыя сквозныя сѣни, раздѣлявшія домъ на двѣ половины. Остановясь у двери на право, онѣ сняли верхнее платье и положили его на стоявшій тутъ большой сундукъ. Оставшись въ однихъ сарафанахъ и покрывъ головы и плечи бумажными платками, онѣ отворили дверь и вступили въ обширную комнату съ выбѣленными стѣнами. Въ комнатѣ, на лавкахъ вокругъ стѣнъ, сидѣло человѣкъ пятьдесятъ народу. Въ обоихъ переднихъ углахъ были поставцы съ иконами въ

кіотахъ и дорогихъ ризахъ. Въ правомъ углу видѣнъ былъ образъ Казанской Божіей Матери въ серебряномъ окладѣ и небольшіе складни подъ серебряной золоченой ризой. По сторонамъ стояли образа Св. Живоначальныя Троицы и Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости, въ серебрянныхъ ризахъ и окладахъ. Рядомъ съ ними висѣли: янтарное распятіе, нѣсколько иконъ разныхъ святыхъ и мѣдный восьмиконечный крестъ. Въ лѣвомъ углу стоялъ аршинный образъ Св. Нерукотвореннаго Спаса въ серебрянномъ окладѣ и складни образъ Св. Николая Чудотворца. По сторонамъ находились большіе мѣдные золоченые образа Св. Живоначальныя Троицы, Знаменія Пресвятыя Богородицы и Всѣхъ Святыхъ и разныя другія иконы.

Отворенная дверь слѣва вела въ другую комнату, нѣсколько поменьше. Стѣны этой комнаты обтянуты были обоями фабрики Затрапезнаго. Два кресла и нѣсколько стульевъ обиты были тѣми же обоями. Противъ двери стоялъ небольшой мягкій диванъ, покрытый персидской парчей. На немъ лежала такая же подушка. На полу же былъ постланъ маленькій коврикъ. Въ переднемъ углу находились: образъ Св. Живоначальныя Троицы, деревянное распятіе и нѣсколько другихъ разныхъ иконъ. У боковой стѣны, на вѣшалкѣ, висѣло платье: крытая алымъ сукномъ лисья шуба, гарнитуровый тулупчикъ, суконный васильковаго цвѣта кафтанъ съ мѣдными пуговицами, подбитый краснымъ сукномъ, зеленый атласный казакинъ, алый бархатный камзолъ, парчевая венгерская шапка съ кистями, опушенная соболемъ и другое подобное же платье.

Въ шкапчикѣ съ стеклянными дверцами виднѣлись стопки чайной и кофейной фарфоровой посуды, хрустальные стаканы, бокалы, графины и т. п.

Вторая комната была пуста. Въ первой же, какъ сказано выше, сидѣло около пятидесяти человѣкъ народу. Мущины сидѣли по правую сторону, женщины по лѣвую. Мущины были въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, опоясанныхъ шолковыми красными поясками съ мишурными головками на концахъ, или такими же лентами. Женщины, большую часть которыхъ составляли старицы

и бѣлицы, сидѣли въ сарафанахъ съ мѣдными головчатыми пуговицами отъ воротника до низу. Во главѣ мущинъ, отдѣльно, на высокомъ кожаномъ креслѣ, сидѣлъ хозяинъ дома Андреянъ Петровъ. На лавкѣ же, впереди другихъ, сидѣли наши прежніе знакомые: іеромонахи Варлаамъ Ѳедотовъ и Варлаамъ Шишковъ, Сергѣй и Дмитрій Осиповы, Артамоновъ, Сафьянниковъ, Савельевъ, Бѣлый, капитанъ Смурыгинъ, Касьянковъ и другіе.

Войдя въ комнату, монахини помолились къ образамъ, отдали собранію по земному поклону на обѣ стороны и пошли къ лавкамъ. Авдотья Тимофѣева заняла переднее мѣсто въ лѣвомъ углу, а ея спутницы помѣстились рядомъ съ нею. Только что онѣ усѣлись, дверь отворилась снова, и въ комнату вошелъ высокій монахъ съ мѣднымъ золоченымъ крестомъ на груди. При появленіи монаха все собраніе привстало и привѣтствовало его словами:

«Отець строитель Дмитрій, здравствуй!»

— Богъ въ помощь, отвѣчалъ строитель.

Снявъ рясу и клобукъ у порога, онъ направился въ передній уголъ и сѣлъ на лавку на первое мѣсто, рядомъ съ Андреяномъ.

Тогда всталъ Андреянъ Петровъ и, помолясь, обратился къ собранію съ такими словами:

«Богъ въ помощь вамъ, братцы и сестрицы! Не творите грѣха блуднаго, а ходите въ правдѣ, не осуждайте ближняго, а любите другъ друга, холостые не женитесь, дѣвки за мужъ не ходите, женатые разженитесь, вина и пива не пейте, матерью не бранитесь, поступайте по этому и придете во спасеніе! О вѣрѣ же нашей святой никому, ниже отцу родному, ни отцу духовному не открывайте!»

Помолясь къ образамъ и поклонясь на всѣ стороны, Андреянъ сѣлъ на мѣсто. За нимъ всталъ Сергѣй Осиповъ. Помолясь къ образамъ и поклонясь собранію, онъ произнесъ тоже самое и сѣлъ. За нимъ повторили туже рѣчь Бѣлый, Артамоновъ, Сафьянниковъ и Авдотья Тимофѣева. За тѣмъ снова поднялся Андреянъ и, снявъ со стѣны мѣдный крестъ и перекрестясь, поцѣловалъ его.

За нимъ стали подходить по одиночкѣ къ Андреяну прочіе согласники, мужчины и женщины. Приложась ко кресту, они отходили и садились на лавки.

Когда всѣ усѣлись, Андреянъ сидя запѣлъ: «Дай къ намъ, Господи, дай къ намъ Іисуса Христа.....» За нимъ тотъ же стихъ запѣло и все собраніе. Тутъ Иванъ Бѣлый, вскочивъ съ лавки, трясясь и махая руками, пустился кружиться по комнатѣ. Провертѣвшись минутъ двадцать, онъ подошелъ къ одному изъ согласниковъ. Тотъ упалъ на колѣни, а Бѣлый быстро, на распѣвъ, заговорилъ:

«Богъ тебѣ въ помощь, братецъ Ѳедоръ Яковлевичъ! Молися ты Богу по ночамъ, блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, и будетъ Богъ съ тобой и Сынъ Божій надъ тобой!»

Ѳедоръ Яковлевъ, перекрестясь, поклонился Бѣлому въ ноги и сѣлъ на свое мѣсто. Съ подобнымъ же правоученіемъ и предсказаніемъ Бѣлый обращался и къ другимъ согласникамъ, которые всѣ, перекрестясь, кланялись ему за то въ ноги. По окончаніи предсказаній, Бѣлый обратился ко всему собранію и заговорилъ:

«Вѣрите ль мнѣ со истиною, что во мнѣ Духъ Святый пребываетъ и что говорю не отъ себя, а отъ Духа Святаго?»

Послѣ Бѣлаго пророчествовала Авдотья Тимофѣева, а за нею Андреянъ, монахъ Варлаамъ, Иванъ Сафьянниковъ, Сергѣй и Дмитрій Осиповы, Григорій Артамоновъ и Иванъ Савельевъ. Все это продолжалось около трехъ часовъ.

Послѣ этого всѣ мужчины, вскочивъ мгновенно съ лавокъ, подпрыгивая, побѣжали другъ за другомъ, описывая небольшой кругъ по солнцу. Потъ лился съ нихъ ручьями, паръ валилъ отъ нихъ столбомъ, а они вертѣлись. Провертѣвшись съ полчаса, они, едва переводя дыханіе, усѣлись на лавки.

Тогда выскочили на середину комнаты женщины, предводительствуемыя Авдотьей Тимофѣевой и точно также прыгали и вертѣлись въ кругу около получаса и затѣмъ, съ мокрыми отъ поту лицами, растрепанными волосами, усталыя и изнеможенныя, воротились на свои мѣста. Не

успѣли сѣсть женщины, какъ снова вскочили мужчины и начали кланяться другъ другу въ ноги, говоря:

«Помолись о мнѣ ты, братецъ, Господу Богу, да проститъ Онъ мою душу многогрѣшную!»

За мужчинами тоже самое сдѣлали женщины.

Всѣ опять усѣлись по лавкамъ. Тогда всталъ Григорій Артамоновъ и обратился къ собранію съ такими словами:

«Надобно намъ, братцы и сестрицы, для изнуренія плоти, бить себя желѣзными цѣпями!»

Подойдя къ Андреяну, Артамоновъ взялъ у него тяжелую желѣзную цѣпь и, ставъ по срединѣ комнаты, началъ бить себя этой цѣпью по спинѣ, произнося при этомъ:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ! Господи Іисусе Христе, Сыне Боже нашъ, помилуй насъ!....»

Это продолжалось нѣсколько минутъ. Послѣ него точно также билъ себя цѣпью Андреянъ, а за нимъ Сафьянниковъ, Осиповы, Иванъ Савельевъ и Авдотья Тимофѣева.

Какъ только Авдотья Тимофѣева окончила и положила возлѣ Андреяна цѣпь, послѣдній вынесъ изъ другой комнаты тарелку съ хлѣбомъ и кружку съ водой, съ прилѣпленной къ ней зажженной восковой свѣчей. Передавъ кружку строителю Дмитрію, а тарелку Авдотьѣ Тимофѣевой, Андреянъ, снявъ со стѣны мѣдный крестъ, погрузилъ его три раза въ кружку. За тѣмъ онъ сталъ впереди кресла, между строителемъ и Авдотьей Тимофѣевой, съ крестомъ въ рукахъ. Тогда подошелъ къ Андреяну Бѣлый и, поклонясь ему въ ноги съ крестнымъ знаменіемъ, приложился ко кресту. Отъ Андреяна онъ перешелъ къ Авдотьѣ и также поклонился ей въ ноги. Съѣвъ полученный отъ нея кусокъ хлѣба, онъ отпилъ воды изъ кружки и отвѣсилъ земной поклонъ строителю Дмитрію. Авдотья же и Андреянъ говорили ему:

«Принимай это вмѣсто тѣла и крови Господней».

За Бѣлымъ подошелъ Сергѣй Осиповъ, потомъ, другъ за другомъ, остальные мужчины. Послѣ мужчинъ такимъ же образомъ подходили женщины.

Послѣ этого опять всѣ стали молиться и кланяться другъ другу въ ноги.

Окончивши эту церемонію, всѣ стали выходить изъ комнаты и, пройдя сѣни, перешли на другую половину дома въ такую же просторную комнату. Здѣсь, въ переднихъ углахъ, было также по нѣскольку иконъ. Вокругъ стѣнъ стояли стулья, обитые черной кожей. Посрединѣ же комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый бѣлою скатертью, а на немъ горѣли сальныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, стояли миски съ грибными щами, просяной кашицей, солеными огурцами, капустой, и лежали ломти чернаго хлѣба. Вокругъ стола были стулья и скамейки.

Вошедши въ эту комнату, мужчины усѣлись за столъ обѣдать, а женщины размѣстились по стульямъ и скамейкамъ въ ожиданіи, пока пообѣдаютъ мужчины. Послѣ мужчинъ сѣли обѣдать женщины [43]). Послѣ обѣда столъ унесли, а вмѣсто него старица Ивановскаго монастыря Устинья Лукьянова и кухарка Андреянова, крестьянка Новодѣвичьяго монастыря, Наталья Леонтьева внесли пуховики, перины, тюфяки и устроили гостямъ постели. Погасили свѣчи, и «въ ночное время, какъ свѣчи потушены были, то согласники ихъ, кто съ кѣмъ любился, предъявленную плотскую любовь, яко въ темномъ мѣстѣ, и чинили.....» [44])

О дальнѣйшемъ ходѣ этихъ сборищъ я приведу разсказъ одного изъ бывшихъ у Андреяна лже-пророка Ивана Савельева.

Спустя мѣсяца четыре послѣ описаннаго сборища, Савельевъ сидѣлъ въ лавкѣ своего хозяина Сафьянникова. Вдругъ входитъ къ нему Андреянъ Петровъ и говоритъ:

«Будетъ у меня, Иванъ, въ день Андреяна и Наталіи собраніе, такъ приходи и ты».

— А куда приходить? спросилъ Савельевъ....

---

[43]) Показ. Ивана Савельева, Ѳедосьи и Ѳедора Яковлевыхъ, строителя Дмитрія, Афросиньи Панфиловой и др. Дѣло 1745—1752 г.

[44]) Показаніе Ивана Ѳедорова Чуркина и указы Св. Синода 7 апр. и 3 іюля 1746 года.

— «Приходи въ Варсонофьевскій монастырь, въ келью старицы Афросиньи».

Савельевъ сказалъ, что придетъ. Андреянъ ушёлъ.

Дня три спустя, въ праздникъ Андреяна и Натальи, отслушавъ обѣдню въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, Савельевъ пришелъ въ келью старицы Афросиньи Панфиловой и нашелъ уже тамъ всѣхъ тѣхъ лицъ, что̀ были на сборищѣ Андреяна. Здѣсь происходило тоже, что̀ и въ домѣ Андреяна. Главнымъ учителемъ наставникомъ былъ Андреянъ Петровъ, а пророчицею Авдотья Тимофѣева.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, уже зимою, въ день именинъ Григорья Сапожникова, Савельевъ былъ на сборищѣ у Сапожникова, гдѣ также были прежнія лица, но главнымъ учителемъ и наставникомъ былъ самъ Сапожниковъ. Мѣсяцевъ пять спустя, былъ онъ на сборищѣ въ погребѣ у Якова Фролова; здѣсь онъ опять нашелъ тѣхъ же учителей и пророковъ, но простыхъ согласниковъ было меньше, чѣмъ у Андреяна, и самаго Андреяна не было. Главными учителями и наставниками тутъ были: Сергѣй Осиповъ, Ипполитъ Григорьевъ и Григорій Артамоновъ.

Наконецъ 1 января 1745 года было сборище у хозяина Савельева, Сафьянникова, гдѣ конечно былъ и Савельевъ. Здѣсь также было меньше народу, чѣмъ у Андреяна, но за то были и нѣкоторыя новыя лица; главнымъ же наставникомъ былъ Сафьянниковъ.

А то однажды Савельевъ съ своимъ хозяиномъ Сафьянниковымъ сидѣли въ своей лавкѣ. Приходитъ къ нимъ строитель Богословской пустыни іеромонахъ Дмитрій Гусевъ и приглашаетъ ихъ на сборище къ себѣ въ Богословскую пустынь. Сафьянниковъ и Савельевъ согласились, и Дмитрій ушелъ. Черезъ три дня, вечеромъ, пріѣзжаютъ они въ пустынь. Распрягши лошадь и оставивъ ее въ конюшнѣ, они вошли въ келью строителя и нашли у него Ивана Бѣлаго, Осиповыхъ, Артомонова и еще нѣсколькихъ мужчинъ и нѣсколько старицъ. Вслѣдъ затѣмъ къ кельѣ подъѣхала коляска, и изъ нея вышла княжна Дарья Сергѣевна Хованская съ двумя лакеями и горничной. Всѣ они вошли въ келью строителя. Тотчасъ по пріѣздѣ

княжны, сѣли всѣ вмѣстѣ ужинать, а послѣ ужина княжна Хованская съ горничной отправились спать въ одну келью; строитель въ другую, а Савельевъ и остальные согласники расположились всѣ вмѣстѣ, въ третьей кельѣ.

На другой день, отслушавъ обѣдню, всѣ собрались въ келью строителя. Здѣсь, снявъ съ себя верхнее платье, одни въ камзолахъ, другіе въ однихъ рубахахъ, а женщины въ сарафанахъ, размѣстились по лавкамъ. Строитель усѣлся въ одномъ полукафтаньи, а княжна во всемъ платьѣ. Пошло, обычнымъ чередомъ, радѣніе. Когда же пророки стали бить себя по спинѣ обухами, княжна испугалась и упала въ обморокъ. Ее вывели въ другую комнату, гдѣ горничная стала оттирать ее «мунгальской водкой». Радѣніе, между тѣмъ, продолжалось. По окончаніи сборища всѣ вмѣстѣ пообѣдали у строителя и пошли ко всенощной. Послѣ всенощной ужинали у строителя и, переночевавъ такимъ же порядкомъ, какъ и прошлую ночь, разъѣхались по домамъ [45]).

Но по мѣрѣ внѣшняго, количественнаго расширенія секты, внутренній бытъ ея, столь плотный въ началѣ, мало по малу началъ разлагаться, какъ всякое зданіе безъ твердаго фундамента. Не имѣя надлежащей точки опоры, ученіе хлыстовъ привело ихъ совершенно не туда, куда они стремились. Первоначальныя цѣли, которыми задалась ересь, были чистой утопіей. Хлысты хотѣли достигнуть христіанства дѣла, вмѣсто христіанства слова, водворить на землѣ истинную вѣру Христову, вмѣсто вѣры, выражавшейся, по ихъ мнѣнію, въ одной обрядовой внѣшности, и провести христіанскую нравственность и любовь въ самую жизнь, такъ сказать, реализировать то и другое.

Исходя изъ того ложнаго начала, что пришедшій въ міръ антихристъ истребилъ въ немъ всю вѣру Христову и что церковь извратила заповѣданные намъ Апостолами способы богоугожденія, хлысты вздумали поправить дѣло сами. Средствомъ къ тому, а равно и къ достиженію вышеозначенныхъ цѣлей они избрали испрошеніе у

---

[45]) Ibidem, Показанія Ивана Савельева, Даніила Гусева и др.

Бога новаго Его пришествія на землю во всѣхъ лицахъ Тріипостасной Троицы, для новаго искупленія рода человѣческаго. А чтобы люди впослѣдствіи опять не сбились съ пути истины, хлысты рѣшились добиться того, чтобы Самъ Богъ, Духомъ Своимъ Святымъ, присутствовалъ въ людяхъ и руководилъ ими, какъ руководилъ нѣкогда Апостолами. Средствомъ къ достиженію этого они избираютъ первобытные способы христіанскаго богоугожденія и умерщвленіе въ человѣкѣ плоти и воли, посредстромъ самаго суроваго поста, цѣломудрія и самоистязанія. То и другое вмѣстѣ дѣлало, по ихъ мнѣнію, человѣка духовно умершимъ объ Адамѣ и воскресшемъ о Христѣ. Въ тоже время все это, по ихъ мнѣнію, было совершенно достаточно для того, чтобы Духъ Святый вселялся въ такого человѣка и чрезъ него Самъ велъ людей ко спасенію.

Изъ разсказаннаго мною видно, въ чемъ выразились эти способы и какъ осуществились заданныя цѣли. Вмѣсто возстановленія Апостольской церкви или первобытнаго христіанскаго богослуженія, хлысты пришли къ самой жалкой на него пародіи. Вмѣсто реализаціи чистѣйшей христіанской нравственности и любви, они дошли до необузданнаго смѣшенія половъ и сословій, до матеріальной поживы учителей на счетъ простыхъ согласниковъ и до всеобщаго лицемѣрія. Истинный христіанскій постъ выразился у нихъ отреченіемъ отъ мяса и рыбы и почитаніемъ безсловесныхъ тварей существами одинаковыми съ человѣкомъ [46]). Тѣлесная чистота и воздержаніе проявились у нихъ лишь отрицаніемъ законнаго брака и допущеніемъ вмѣсто него самаго грубаго разврата. Истинное христіанское покаяніе, заключающееся въ исповѣди и причащеніи Св. Таинъ Тѣла и Крови Господней, замѣнилось у нихъ кощунствомъ надъ таинствомъ, доведшимъ ихъ, въ концѣ концовъ, до смертоубійства самымъ звѣрскимъ способомъ и до людоѣдства. И въ описываемый періодъ времени хлыстовскіе лже-учители продолжали своеручно убивать своихъ незаконноприжитыхъ

---

[46]) Ibidem, Показ. Ив. Чуркина.

дѣтей, первенцовъ и, сердцемъ и кровію невинныхъ жертвъ, причащать своихъ согласниковъ [47]).

Къ разврату и изувѣрству въ это время присоединился и внутренній разладъ въ сектѣ, какъ неизбѣжное послѣдствіе ученій, не имѣющихъ надлежащей точки опоры, а построенныхъ на ложныхъ, фантастическихъ началахъ.

Разладъ этотъ, видимымъ образомъ, выразился во взаимномъ соперничествѣ между лжеучителями секты.

Выше мы видѣли, какъ высоко, въ средѣ хлыстовъ и въ кругу высшаго Московскаго общества, поставляли Андреяна Петрова его ловкость и самообладаніе. Упоенный успѣхами и слѣпымъ благоволѣніемъ фортуны, безграмотный нищій, какимъ въ дѣйствительности былъ Андреянъ Петровъ, — онъ дошелъ до такой степени самообольщенія и духовной гордости, что не могъ уже терпѣть рядомъ съ собою такихъ же равноправныхъ лжеучителей и лже-пророковъ. Между тѣмъ быстрое развитіе секты выдвинуло впередъ новыя личности. Между сектаторами явились люди, стоявшіе выше Андреяна или по своему образованію, какъ напримѣръ Василій Степановъ, или по своему общественному положенію, какъ строитель Дмитрій, или по фанатизму и наглости, какъ Осиповъ и Бѣлый. Въ тоже время характеръ секты, по существу своему, радикально демократическій, не допускалъ опредѣлительнаго чинопочитанія между согласниками ереси: всякій хлыстъ во всякое время могъ сдѣлаться и учителемъ и пророкомъ, только бы ощутилъ въ себѣ наитіе Св. Духа. Смутно понимая это, Андреянъ Петровъ, въ пылу самообольщенія и духовной гордости, все таки не могъ отрѣшиться отъ незамѣтнаго, безсознательнаго стремленія къ преобладанію въ сектѣ. Вотъ почему Андреянъ такъ ревниво сохранялъ свое первенство даже у себя въ домѣ (гдѣ оно никѣмъ не могло быть оспариваемо) что первый старался прочесть собранію вступительную рѣчь, первый пропѣть стихъ «Дай къ намъ, Господи», чего въ другихъ корабляхъ не водилось.

---

[47]) Ibidem, показ. Чуркина, Андреяна Петрова и др.

Тамъ вступительныя наставленія говорились лишь въ томъ случаѣ, если на сборищѣ принимали въ ересь новаго члена, а стихъ «Дай къ намъ, Господи» начинали пѣть всѣ вмѣстѣ. Это же стремленіе было причиной и того страннаго обстоятельства, что мы не всегда встрѣчаемъ Андреяна на сборищахъ Фроловскаго корабля и вовсе не встрѣчаемъ въ Богословской пустыни. У Фролова Андреянъ не любилъ бывать вѣроятно потому, что тамъ Осиповъ всецѣло разыгрывалъ роль Лупкина и при немъ Андреянъ уже умалялся. Въ Богословскую же пустынь не приглашалъ Андреяна самъ строитель Дмитрій, подмѣтившій въ немъ подобныя стремленія. Вслѣдствіе всего этого Андреянъ не былъ въ ладу съ остальными лжеучителями, ревновалъ къ ихъ успѣхамъ и къ концу своей дѣятельности понемногу обособлялъ свой Варсонофьевскій корабль отъ другихъ кораблей секты [48]).

Въ тоже время примѣръ быстраго изъ ничего обогащенія Андреяна Петрова заразительно подѣйствовалъ на его нищихъ товарищей-лжеучителей. Его, по тогдашнему времени, роскошная обстановка и довольство усилили въ нихъ и безъ того не угасавшую жажду къ благамъ міра сего.

Чтобы нагляднѣе объяснить это обстоятельство, я разскажу исторію совращенія въ ересь княжны Дарьи Ѳедоровны Хованской и дѣвицы Анны Чаадаевой, основываясь на показаніяхъ самого Андреяна, данныхъ на очныхъ ставкахъ съ другими.

Въ первыхъ числахъ октября 1743 года пріѣхала къ Андреяну, сопровождаемая лакеемъ, княжна Хованская и объявила, что они пріѣхали учиться истинной вѣрѣ. Андреянъ охотно началъ излагать свои наставленія, но княжна, прослушавъ его съ четверть часа, встала и сказала:

«Какой ты учитель, ты мужикъ простой!»

За тѣмъ она тотчасъ уѣхала и болѣе къ Андреяну не возвращалась. Съ тою же просьбой она обратилась къ Ивану Бѣлому, жившему тогда у Андреяна во флигелѣ,

---

[48]) Дополнит. пок. Данилы Гусева, пок. Ив. Савельева.

стоявшемъ у воротъ. Бѣлый, тайкомъ отъ Андреяна, началъ учить княжну и въ короткое время не только успѣлъ передать ей всѣ правила ереси, но и укрѣпить въ ней твердую вѣру въ ихъ истинность. Лишь только Бѣлый замѣтилъ, что дѣло сдѣлано, какъ тотчасъ же, не говоря ни слова Андреяну, у котораго были весьма частыя сборища, повезъ княжну въ Егорьевскій монастырь и здѣсь, при наскоро собранномъ сборищѣ, привелъ княжну къ присягѣ на неизмѣнную вѣрность сектѣ. Скрывалъ же все это Бѣлый отъ Андреяна по той простой причинѣ, чтобы самому воспользоваться всѣми выгодами тякого важнаго для секты пріобрѣтенія. Съ сектаторской точки зрѣнія совращеніе княжны составляло немалую доблесть; въ матеріальномъ же отношеніи пріобрѣтеніе такой богатой духовной дочери сулило Бѣлому тоже довольство и комфортъ, которыми былъ окруженъ его патронъ Андреянъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Иванъ Бѣлый какъ-то проговорился объ этомъ Андреяну, «за что-де онъ, Андреянъ, на него Ивана весьма сердился и за то-де..... его Ивана отъ себя со двора согналъ».

Но этимъ изгнаніемъ Бѣлаго не кончилась исторія съ княжной. Вскорѣ она сдѣлалась яблокомъ раздора между лже-учителями. Отъ Бѣлаго, по порученію Сергѣя Осипова, переманилъ къ нему княжну хлыстъ серебрянникъ Алексѣй Никифоровъ. И вскорѣ хлысты стали видѣть коляску княжны близь дома Осипова, жившаго тогда за Москвой-рѣкой въ приходѣ церкви св. Николая Чудотворца, что̀ въ Пупышахъ. Отъ него переманилъ княжну на свои сборища строитель Дмитрій.

Нѣчто подобное было и съ совращеніемъ въ ересь дѣвицы Чаадаевой.

Бывая у Чаадаевой, Андреянъ неоднократно пытался увлечь ее въ секту, но Чаадаева его не слушала. Когда же съ тѣмъ же самымъ обратился къ ней строитель Дмитрій, то духовный санъ соблазнителя подѣйствовалъ на Чаадаеву, и она поддалась искушенію. Строитель Дмитрій, обучивъ ее правиламъ ереси, повезъ на сборище въ свою пустынь и тамъ привелъ къ присягѣ. Вслѣдъ за

тѣмъ какъ-то зашелъ къ Чаадаевой Андреянъ, и она, объявивъ, что была на сборищѣ у Дмитрія, стала извиняться передъ Андреяномъ, что въ то время не послушала его, что̀ очень не понравилось Андреяну [49]).

Вотъ до какой мелочности и интригъ дошли хлыстовскіе лже-учители описываемаго періода времени.

Идея религіознаго и политическаго самозванства продолжала существовать и въ это время. Представителями ея были кормщики кораблей: Фроловскаго Сергѣй Осиповъ, Ярославскаго—Соплинъ и Алатырскаго—Пименовъ. Осиповъ въ фанатическомъ экстазѣ называлъ себя богомъ боговъ и царемъ царей и заставлялъ своихъ согласниковъ молиться на него съ произношеніемъ словъ: «Отецъ, и Сынъ и Св. Духъ помилуй!» [50]) Соплинъ назывался христомъ, государемъ-батюшкою, своими пророчествами держащимъ и небо и землю. Пименовъ же назывался только христомъ. Лже-богородицъ въ этотъ періодъ времени извѣстно только двѣ: Ярославская Афросинья Иванова Соплина и неизвѣстная, по имени Алатырская [51]). Московскія пророчицы въ это время не назывались подобнымъ образомъ.

Но еще цѣлая бездна лежала между этимъ политическимъ самозванствомъ и такимъ же самозванствомъ скопческаго лже-искупителя. Осиповъ и Соплинъ присвоили себѣ лишь одинъ титулъ царя и не придавали своему самозванству такого широкаго, исключительнаго и реальнаго значенія, какое сопряжено съ самозванствомъ скопческаго лже-искупителя. Послѣдній присвоилъ себѣ не только титулъ, но и личность императора Петра III-го, не разрывно соединяя съ этимъ самозванствомъ претензію на фактическую власть надъ людьми,—реальное подчиненіе себѣ всего міра.

---

[49]) Тамъ-же, Показ. Андреяна Петрова и Данилы Гусева.

[50]) Экстрактъ изъ дѣла 1745 г. № 7.

[51]) Показ. Ѳедора Яковлева, Ѳедосьи Яковлевой, строителя Алатырскаго монастыря Меѳодія и др. Дѣло 1745—1750 года.

VI.

Въ то время какъ секта хлыстовъ, широко раскинувшись извнѣ, начала разлагаться внутри, надъ нею собралась новая гроза. Виновницей этой грозы была хлыстовка, любовница лже-учителя Григорья Сапожникова, купеческая жена Ѳедосья Яковлева. Вѣроятно, по чувству раскаянія въ своей глубоко-преступной жизни и по наглядному убѣжденію въ несостоятельности того согласія, къ которому она принадлежала, Ѳедосья Яковлева рѣшилась обнаружить зло передъ начальствомъ.

И вотъ 3 февраля 1745 года къ начальствовавшему въ Москвѣ генералъ-аншефу Василью Яковлевичу Левашеву явился извѣстный сыщикъ воровъ и разбойниковъ Ванька Каинъ и словесно донесъ слѣдующее: «явилась-де къ нему, Каину, купеческая жена Ѳедосья Яковлева и на себя, такожъ и на отца своего Якова Фролова и мать Аксинью и брата Ѳедора, объявила, что они богопротивныхъ сборищъ согласники и съ нею Ѳедосьею и съ прочими ихъ тайныхъ сборищъ согласниками бывали на богопротивныхъ сборищахъ»....

Генералъ Левашевъ распорядился немедленно. Съ Каиномъ и Ѳедосьей Яковлевой отправленъ былъ командиръ 1-го Московскаго полка полковникъ Ушаковъ при надлежащей командѣ. Послѣдовали внезапные обыски и аресты. Прежде всего бросились къ Фролову и Сапожникову и арестовали ихъ со всѣми проживавшими у нихъ лицами. Затѣмъ арестованы были игуменья Варсонофьевскаго монастыря Иринарха Михайлова, старица Афросинья Панфилова и нѣкоторыя другія старицы и бѣлицы Андреяновскаго корабля. Взяты были просвирникъ Чудова монастыря монахъ Варлаамъ (Василій Шишковъ), крестьянинъ Иванъ Савельевъ и матроскій сынъ Максимъ Васильевъ. Всѣ эти лица, кромѣ Фроловыхъ, тотчасъ были отправлены, для допроса, въ Петербургъ, въ канцелярію

тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Двѣнадцать старицъ и бѣлицъ Варсонофьевскаго монастыря и Автотья Тимофеева успѣли бѣжать.

Отправились къ Андреяну Петрову за Сухареву башню. Но оказалось, что Андреянъ съ капитаномъ Смурыгинымъ, не за долго передъ тѣмъ, уѣхали по дѣламъ ереси въ Петербургъ.

На обширномъ дворѣ юрода, къ которому прилегали садъ и просторный огородъ, полковникъ Ушаковъ съ Каиномъ нашли отлично отстроенный домъ въ шесть комнатъ и пятнадцать оконъ, съ крѣпкими ставнями и желѣзными затворами при нихъ. Комнаты оказались хорошо отдѣланными и меблированными. Въ домѣ найдено, кромѣ дорогихъ иконъ съ серебряныхъ золоченыхъ ризахъ и кіотахъ, множество фарфоровой и хрустальной посуды, ковры, ружья, пистолеты, пуховики, множество лентъ и цѣлыя массы разнаго платья и бѣлья. Въ саду нашли новую деревянную церковь о трехъ придѣлахъ, въ 15-ть оконъ съ тремя иконостасами, со всею утварью. Среди двора стоялъ колодецъ. У воротъ людская изба въ десять оконъ съ желѣзными затворами. Въ числѣ службъ оказалась конюшня съ тремя лошадьми, со всею сбруею, экипажными принадлежностями и т. п. [52])

Въ самомъ домѣ оказалось двѣнадцать человѣкъ прислуги и жильцовъ. Въ приворотномъ же флигелѣ найдены крестьяне села Павлова княгини Марьи Юрьевны Черкасской, Семенъ, Иванъ и Игнатій Ивановы Шигины [53])

Всѣ эти лица были арестованы, а домъ секвестрованъ, и къ нему приставленъ военный караулъ.

Между тѣмъ образована была въ Москвѣ слѣдственная коммиссія изъ совѣтника князя Шаховскаго, архимандритовъ Гавріила и Лаврентія, ассессоровъ Гренкова и Сытина *). Коммиссія состояла подъ непосредственнымъ

---

[52]) Опись описныхъ дворовъ. Дѣло 1745—1748 гг.

[53]) Тамъ-же списокъ людей, проживавшихъ у Андреяна Петрова.

*) Въ началѣ слѣдствія были ассессорами коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ князя Григорья Шаховскаго, съ гражданской стороны: артиллерійской конторы ассессоръ Алексѣй Гренковъ и сыскнаго

вѣдѣніемъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, Сената и Св. Синода. Въ распоряженіе ея командировано было 413 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ при двухъ офицерахъ.

Первыя распоряженія Коммиссіи состояли въ допросахъ задержанныхъ хлыстовъ и въ сыскѣ оговоренныхъ ими лицъ. По указанію Ѳедосьи и Ѳедора Яковлевыхъ было задержано множество хлыстовъ въ уѣздахъ Московской губерніи. Послана была команда въ Ярославскій уѣздъ; но, по оплошности солдатъ, лже-христъ Степанъ Соплинъ и лже-пророкъ Василій Ларіоновъ успѣли скрыться, и въ Москву привезена была одна лишь лже-богородица Афросинья Иванова, жена Соплина. Изъ Алатырскаго, Арзамасскаго и Саранскаго уѣздовъ привезено было въ Москву 40 человѣкъ хлыстовъ Алатырскаго корабля, вмѣстѣ съ ихъ лже-христомъ, столѣтнимъ старикомъ, монастырскимъ крестьяниномъ Пименовымъ. Всѣ эти хлысты были монастырскіе крестьяне, а потому, по снятіи допроса, ихъ отпустили домой подъ надзоръ сельскаго начальства. Въ тоже время въ Москвѣ были арестованы, принадлежавшія къ ереси, старицы и бѣлицы другихъ монастырей, строитель Дмитрій, Чудовской іеромонахъ Варлаамъ Ѳедотовъ, княжна Хованская, Сергѣй и Дмитрій Осиповы, кормщикъ Петербургскаго корабля Иванъ Чуркинъ; также арестованы попъ Петръ Васильевъ и многіе другіе.

Всего арестовано было полковникомъ Ушаковымъ и коммиссіею 333 человѣка. Всѣ они размѣщены были по одиночкѣ на 53 обывательскихъ квартирахъ, къ которымъ приставленъ былъ военный караулъ [54]). Число же

приказа Аѳанасій Сытинъ, а потомъ назначенъ еще Алексѣй Радиловъ, а съ духовной—ректоръ славяно-греко-латинской академіи Заиконо-спасскаго монастыря архимандритъ Порфирій Крайскій и священники Архангельскаго собора Антипъ Мартиніановъ и Спасской, что́ въ Чигасѣхъ, церкви Иванъ Ивановъ. Гренковъ и Радиловъ въ 1749 г., за непорядки, были смѣнены, и вмѣсто нихъ назначены полковникъ Лукьянъ Боборыкинъ и ассессоръ Алексѣй Яковлевъ. (Дѣла раскольнич. коммисс. 1744—1752 гг. въ книги указовъ №№ 1 и 2, Моск. Арх. Мин. Юстиціи).

[54]) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 29 мая 1746 г. Дѣло 1745—1748 г.

всѣхъ, бывшихъ подъ слѣдствіемъ, простиралось до 416 человѣкъ. Въ томъ числѣ было два священника, 1 діаконъ, 3 причетника и около 70 человѣкъ старцовъ, старицъ и бѣлицъ, болѣе 100 человѣкъ монастырскихъ и около 60-ти дворцовыхъ крестьянъ. Остальные были по преимуществу крестьяне разныхъ уѣздовъ, мелкіе московскіе купцы, дворцовые служители и солдатки.

Въ сентябрѣ 1745 года задержаны были въ Петербургѣ и представлены въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Андреянъ Петровъ и капитанъ Смурыгинъ. Въ тайной канцеляріи Андреянъ вздумалъ было разыграть хорошо знакомую ему роль нѣмаго, но кнутъ и дыба «отверзли притворныя нѣмыя уста его». Послѣ допроса въ тайной канцеляріи, Андреянъ и Смурыгинъ были отправлены въ Москву вмѣстѣ съ вытребованными туда, первоначально арестованными, хлыстами и хлыстовками. Въ Москвѣ, на очныхъ ставкахъ съ другими обвиняемыми, Андреянъ заговорилъ обстоятельнѣе: онъ показалъ, что молчальничество и святость напустилъ на себя, чтобы морочить своихъ покровителей, что пророчества его были обманомъ, придуманнымъ для укрѣпленія въ хлыстахъ вѣры въ мнимую святость и божественность ихъ сборищъ. Особенно онъ былъ откровененъ относительно всего того, что касалось вообще учителей и въ частности Осиповыхъ, Бѣлаго, строителя Дмитрія и княжны Хованской. Въ заключеніе онъ сознался, что жилъ въ любовной связи съ своими согласницами, раскаялся во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, предалъ анаѳемѣ всѣ вѣрованія, ученія и обряды хлыстовъ и принялъ торжественную въ томъ присягу [55]).

Капитанъ Смурыгинъ при всѣхъ допросахъ держалъ себя стоически: на дыбѣ и подъ кнутомъ этотъ фанатикъ утверждалъ, что въ хлыстовскихъ сборищахъ не видитъ ничего противнаго ученію православной церкви. Но, оставленный въ покоѣ и предоставленный самому себѣ, Смурыгинъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, самъ добровольно

---

[55]) Указы Святѣйшаго Синода въ коммиссію отъ 7 апр. и 31 іюля 1746 г. Дѣло 1745—1748 г.

принесъ полное раскаяніе во всѣхъ своихъ заблужденіяхъ и проклялъ хлыстовскую ересь, что́ и скрѣпилъ торжественной клятвой въ присутствіи слѣдственной коммиссіи [56]).

Слѣдствіе объ Андреянѣ и жившей въ его домѣ хлыстовской общинѣ замѣчательно еще слѣдующимъ эпизодомъ.

Осенью 1745 г., стоявшіе на караулѣ въ домѣ Андреяна солдаты замѣтили, что въ людскихъ покояхъ печная труба развалилась. Начальникъ караула каптенармусъ Захаровъ доложилъ объ этомъ секретарю тайной конторы Алексѣю Васильеву и получилъ приказъ пріискать глины и починить трубу. Земля была уже мерзла, поэтому Захаровъ и велѣлъ искать глины подъ поломъ въ приворотномъ флигелѣ Андреянова двора. Солдаты стали рыть у печки. Не успѣли они взрыть землю на аршинъ глубины, какъ увидѣли полу-развалившійся трупъ. Тотчасъ доложено было тому же секретарю Васильеву. Васильевъ прибылъ на мѣсто, велѣлъ отрыть трупъ и сдѣлалъ осмотръ. По осмотру оказалось, что голова и прочіе члены по суставамъ развалились, и тѣло отваливалось отъ костей, такъ что нельзя было даже отличить: мужской ли это былъ трупъ, или женскій. Только на головѣ сохранилось небольшое количество черныхъ длинныхъ волосъ [57]). Андреянъ и прочія лица, жившіе въ его домѣ, отозвались, что трупа этого не зарывали и не знали о его существованіи. По этому коммиссія и не обратила на это обстоятельство особеннаго вниманія. На четвертый день Захаровъ, по приказанію тайной конторы, отвезъ трупъ въ убогій домъ, находившійся въ приходѣ церкви Іоанна Воина. Г. Мельниковъ, въ своемъ трактатѣ «Бѣлые Голуби», высказалъ предположеніе, «что это былъ трупъ лже-христа Ивана Суслова, похищенный хлыстами изъ могилы въ Ивановскомъ монастырѣ въ 1739 году, когда, по синодальному распоряженію

---

[56]) Тамъ-же, присяга Смурыгина.

[57]) Показаніе Захарова и промеморія въ слѣдствен. коммиссіи. Дѣло 1745—1748 года.

приказано было трупы Суслова и Лупкина вырыть и сжечь рукою палача». При этомъ г. Мельниковъ добавляетъ, «что Смурыгинъ съ Андреяномъ, въ началѣ 1745 года, ѣздили въ Петербургъ заказывать парчевые покровы, о которыхъ Смурыгинъ показалъ, что заказывалъ ихъ для мощей Новгородскихъ угодниковъ, но что на самомъ дѣлѣ эти покровы были приготовляемы для тѣла Суслова, стоявшаго (до обнаруженія секты) въ церкви, бывшей въ саду Андреяна. Едва ли можно согласиться съ предположеніемъ г. Мельникова, что вырытое тѣло принадлежало Суслову. Сусловъ умеръ въ 1718 году, слѣдовательно за 27 лѣтъ до вырытія этого мертваго тѣла, а въ такой долгій періодъ времени трупъ Суслова не могъ сохраниться даже въ такомъ видѣ, въ какомъ найденъ. Кромѣ того, еслибы это былъ трупъ Суслова, умершаго въ глубокой старости, то волоса ни въ какомъ случаѣ не могли бы оказаться черными. Скорѣе всего это былъ трупъ какой-либо хлыстовской лже-богородицы, напримѣръ Марѳы Павловой, бѣлицы Варсонофьевскаго монастыря и первой лже-богородицы московскихъ хлыстовъ, умершей въ Москвѣ до начала перваго слѣдствія, около 1733 года. На женскій полъ трупа указываютъ и длинные, сохранившіеся на немъ, волосы. И вѣроятно, что это былъ трупъ Марѳы Павловой, а не старицы Настасьи, бывшей также лже-богородицей. Настасья была казнена въ Петербургѣ, и едва ли хлысты могли въ тогдашнее время перевезти останки ея въ Москву.

Мало помалу и остальные согласники хлыстовской ереси сознались въ своихъ заблужденіяхъ, разсказали все ими видѣнное и сдѣланное и также, предавъ анаѳемѣ ученіе и вѣрованія хлыстовъ, принесли покаянную присягу [58]). Слѣдствіе продолжалось до 1752 года. Въ іюлѣ этаго года надъ подсудимыми произнесенъ былъ приговоръ. Лже-учители и лже-пророки, къ числѣ 34 человѣкъ и лже-учительницы, въ числѣ 28 человѣкъ, по наказаніи кнутомъ сосланы были въ тяжкую работу; первые въ

---

[58]) Указъ Свят. Синода относительно формы покаянной присяги. Дѣло 1745—1749 г.

Рогервикъ, а послѣднія на суконныя фабрики. Двѣ старицы, по наказаніи шелепами, сосланы въ дальніе монастыри. Изъ числа 216-ти человѣкъ простыхъ согласниковъ нѣкоторые сосланы, безъ наказанія, въ Рогервикъ; другіе, по наказаніи плетьми, отданы въ солдаты или матросы, а монашествующіе и женщины оставлены въ монастыряхъ или прежнихъ мѣстахъ жительства. Кромѣ того 83 человѣка простыхъ согласниковъ, по наказаніи плетьми, а 47-мь безъ наказанія, отпущены также въ мѣста своего жительства.

Не розысканныхъ къ слѣдствію оказалось 167 человѣкъ. Такъ не были розысканы лже-христы Соплинъ и Алексѣй Ивановъ, лже-учители и лже-учительницы: Иванъ Сафьянниковъ, Василій Ларіоновъ, Авдотья Тимофеева, старицы Варсонофьевскаго монастыря—Досифея Никитина, Софья Андреева, Магдалина и Софья Карповы, и другіе [59]).

Княжна Дарья Ѳедоровна Хованская, жившая въ приходѣ Пимена чудотворца, что̀ въ Старыхъ Воротникахъ, умерла еще въ Ноябрѣ 1749 года и погребена въ Чудовомъ монастырѣ. Передъ смертью она нѣсколько разъ исповѣдывалась и пріобщалась [60]).

Капитанъ Тихонъ Смурыгинъ и игуменья Переяславельскаго княжъ-Андреева монастыря Арсенія Михайлова, какъ обратившаяся еще во время слѣдствія къ православію, отосланы лишь на жительство въ монастыри [61]).

О притворномъ же юродѣ Андреянѣ Петровѣ г. Мельниковъ въ своемъ трактатѣ «Бѣлые Голуби» говоритъ слѣдующее: «что̀ касается христа Андрея, то о немъ разнеслась молва, будто онъ умеръ еще во время произ-

---

[59]) Перв. Полн. Собр. Рос. Имп. Зак. т. XIV № 10664 и показаніе Андреяна Петрова и др. документы, дѣла Раскольнич. Коммиссіи 1745—1752 (о квакерской ереси).

[60]) Княжна Дарья Хованская была дочь подполковника князя Ѳедора Хованскаго. Свѣдѣнія о ней и о ея смерти взяты изъ тогоже дѣла Раскол. Коммиссіи 1745—1752 гг. (о квакерской ереси) изъ 11-й книги указовъ, листы 200—202.

[61]) Ibidem, листъ 381.

водства слѣдствія «о квакерской ереси». Но впослѣдствіи это оказалось несправедливымъ. Вѣроятно знатныя и сильныя своимъ богатствомъ, родственными связями и положеніемъ въ обществѣ почитательницы Андрея Петровича похлопотали о сохраненіе драгоцѣнной для нихъ жизни. Не знали они, какимъ ремесломъ чрезъ нѣсколько лѣтъ займется..... святый блаженный юродъ».

За тѣмъ г. Мельниковъ отождествляетъ личность Андреяна Петрова съ лицомъ крестьянина Сѣвскаго уѣзда сельца Брасова Андрея Иванова, основателя секты скопцовъ, извѣстнаго подъ фамиліей «Селиванова», какъ объ этомъ мною будетъ сказано во 2-й части.

Это предположеніе г. Мельникова, т. е. что, подъ именемъ притворнаго юрода Андреяна Петрова, скрывался помянутый крестьянинъ сельца Брасова Андрей Ивановъ, заслуживаетъ вѣроятія по многимъ соображеніямъ. Изъ дѣла не видно, чтобы Андреянъ Петровъ умеръ во время слѣдствія, равно какъ и въ числѣ приговоренныхъ къ разнымъ наказаніямъ лже-учителей и лже-пророковъ, имя его также не встрѣчается, почему и можно полагать, что онъ, во время слѣдствія, бѣжалъ. Затѣмъ отчетливое знаніе не только всѣхъ обрядовъ и Московскихъ обычаевъ секты хлыстовъ, но и образа жизни и всей домашней обстановки тогдашняго Московскаго высшаго общества со стороны помянутаго Андрея Иванова, какъ увидимъ впослѣдствіи, даетъ дѣйствительно основаніе подозрѣвать въ Андреянѣ Петровѣ и Андреѣ Ивановѣ одну и туже личность. Кромѣ того выше мы видѣли, что Андреянъ Петровъ, начиная дѣло возстановленія и распространенія ереси Людей Божіихъ въ Москвѣ, первыми средствами къ тому избралъ молчальничество и смиреніе: Андрей Ивановъ, какъ будетъ сказано ниже, вышелъ съ своею пропагандою скопчества, тоже вооруженный молчальничествомъ, кротостію и смиреніемъ. Изъ числа всѣхъ лже-учителей «Людей Божіихъ» въ Москвѣ одинъ Андреянъ Петровъ употреблялъ, при нѣкоторыхъ обрядахъ, вмѣсто мѣднаго восьмиконечнаго креста, такой же деревянный, постоянно висѣвшій въ его моленной у образовъ: Андрей Ивановъ точно также ввелъ въ употребле-

ніе между скопцами, какъ мы увидимъ ниже при описаніи привода въ секту скопцовъ, деревянное распятіе. Андреяна Петрова и секту хлыстовъ, какъ мы видѣли, погубили честолюбіе учителей и пророковъ и уклоненіе какъ ихъ, такъ и простыхъ согласниковъ отъ заповѣдей Данилы Филиповича въ любостяжаніе и развратъ. Противъ этихъ-то пороковъ, какъ мы увидимъ, наиболѣе гремѣлъ Андрей Ивановъ, выступая съ своею проповѣдью «чистоты». Андрей Ивановъ, съ самаго появленія своего на поприщѣ скопческой дѣятельности, когда она еще вовсе не была извѣстна правительству, постоянно скрывается, вѣчно боится задержанія. Причина подобнаго страха будетъ понятна, если предположить, что, подъ именемъ притворнаго юрода Андреяна Петрова, дѣйствовалъ въ средѣ Московскаго общества хлыстовъ дѣйствительно Андрей Ивановъ, бѣжавшій до приговора надъ хлыстами изъ подъ стражи и скрывшійся подъ своимъ настоящимъ именемъ на родинѣ, въ селѣ Брасовѣ.

Теперь я постараюсь, возможно-кратче, изложить историческую часть вѣроученія хлыстовъ, такъ какъ обрядовая и догматическая его части достаточно характеризованы разсказанными мною фактами.

VII.

Хлысты даютъ себѣ различныя названія: «духовныхъ христіанъ», «братьевъ-корабельщиковъ», «народа Божія» «Израильскаго», «зеленаго винограда», «стада Христова», «Донскихъ казаковъ». Но главное наименованіе, которымъ они любятъ называть себя, это: «Божьи Люди» въ противоположность не хлыстамъ, которыхъ они называютъ «Іудеями», «невѣрными», «гнѣздниками», а вообще «мірскими».

По сказаніямъ хлыстовъ, вѣра ихъ возникла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ.

Возникла она, по разсказамъ ихъ, такимъ образомъ.

Первоначально Богъ сошелъ на землю въ Римѣ и Іерусалимѣ. Съ тѣхъ поръ вѣра Христова сіяла много лѣтъ, но потомъ стала падать и падала триста лѣтъ [62]). Тогда народился антихристъ отъ монашескаго чина и окончательно истребилъ всю вѣру Христову на землѣ [63]). Русскіе же люди всё спорили о книгахъ, какія книги приведутъ ко спасенію — старыя или новыя. Жилъ въ то время въ Костромской губерніи, въ Юрьевецкомъ уѣздѣ, святой человѣкъ Даніилъ Филиповичъ. Былъ онъ перекрещенецъ и имѣлъ много старообрядческихъ книгъ. Собралъ онъ всѣ эти книги въ куль и бросилъ въ Волгу. Людямъ же объявилъ, что ни новыя, ни старыя книги не ведутъ ко спасенію, что для этого нужна

Книга золотая,
Книга животная,
Книга голубиная,
Самъ сударь Духъ Святой.

---

[62]) Распѣвецъ хлыстовъ, начинающійся словами: „Первое сошествіе Бога было въ Римѣ и Іерусалимѣ.....“

[63]) Разсказы Углицкихъ и другихъ хлыстовъ.

Онъ училъ людей, что слѣдуетъ руководиться единственно лишь внушеніями Святаго Духа [64]). Тогда «Божьи Люди», тѣсно соединясь между собой, выбрали изъ среды себя умныхъ людей и послали ихъ на святое мѣсто. И вотъ пришли умные люди на святое мѣсто, стали молиться и плакать и воздѣвать руки къ небу и просить на землю самого Бога: «Господи, Господи, взывали они, явись къ намъ, Господи, въ крестѣ или въ образѣ, чтобъ было намъ кому молиться и вѣровать!» И вдругъ послышался гласъ съ неба:

Послушайте, вѣрные мои!
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее;
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ;
Приму я распятый крестъ,
Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы желѣзныя,
Пролью слезы горючія,
Проточу кровь пречистую!
Станете ли ко мнѣ въ темницу приходить,
И узы съ меня снимать,
Десятую денежку подавать?..... [65]).

И вотъ, по молитвѣ умныхъ людей, совершилось превеликое чудо: въ Стародубской волости, въ приходѣ Егорьевскомъ, на гору Городину, среди облакъ, окруженный всѣми силами небесными, «сокатилъ», на огненной колесницѣ, самъ Господь Богъ Саваоѳъ. Силы небесныя поднялись обратно на небо, а Господь Саваоѳъ остался на землѣ и вселился въ пречистую плоть Данилы Филиповича, чтобы просвѣтить Россію вѣрой божественной. И сталъ Данила Филиповичъ «живымъ превышнимъ богомъ», поселился въ Костромской сторонѣ, пребывалъ въ деревнѣ Старой [66]), проповѣдывалъ вѣру истинную «Людей Божіихъ». «И свѣдалъ про то патріархъ Никонъ, и сталъ онъ «превышняго бога» преслѣдовать, преслѣ-

---

[64]) Дѣла объ открытыхъ въ Москвѣ въ 1837 и 1844 году хлыстахъ. Моск. губ. Арх. № 414, т. 1, л. 11.

[65]) Тотъ же распѣвецъ.

[66]) Деревня Старая находится въ Костромскомъ уѣздѣ близь села Кріушина и города Судиславля, верстахъ въ 25-ти отъ Костромы.

«довалъ тридцать лѣтъ и поймалъ у Макарія Нижего-«родскаго. И посадилъ онъ «превышняго бога», Данилу «Филиповича, въ темницу темную въ Богоявленскій мо-«настырь. И стала мгла по всей землѣ. И столько была «мгла по всей землѣ, сколько сидѣлъ въ темницѣ Да-«нила Филиповичъ. И освободили его и отпустили въ «Кострому, въ «верховную сторону» [67]).

Здѣсь онъ далъ людямъ 12-ть заповѣдей:

1) Я тотъ богъ, который пророками предсказанъ, сошелъ на землю спасти родъ человѣческій; другаго бога не ищите.

2) Нѣтъ и не ищите другаго ученія.

3) На чемъ поставлены, на томъ и стойте.

4) Храните заповѣди Божіи и будете ловцами вселенной.

5) Вина и пива не пейте, блуда не творите.

6) Холостые не женитесь, женатые живите съ женами какъ съ сестрами (въ посестріи).

7) Матерными словами не бранитесь и даже имени діавола не произносите, а называйте его «врагомъ».

8) На крестины и свадьбы и веселыя бесѣды не ходите.

9) Не воруйте. Если же кто хоть копѣйку украдетъ, то на страшномъ судѣ положатъ ее на темя головы и когда монета отъ огня расплавится, только тогда получите прощеніе.

10) Вѣру свою содержите въ тайнѣ и никому, ниже отцу родному, ниже отцу духовному, не объявляйте и ежели придется, то должны вытерпѣть и огонь, и кнутъ, и топоръ, а о вѣрѣ не объявлять.

11) Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, любовь творите, Богу молитесь.

12) Духу Святому вѣрьте.

Между тѣмъ, разсказываютъ хлысты, по вѣрѣ «Людей Божіихъ» совершилось другое чудо: Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, въ вотчинѣ гг. Нарышкиныхъ, деревнѣ Маклакахъ, у столѣтнихъ стариковъ Тимофея и Ирины Несторовыхъ Сусловыхъ, родился сынъ. Пораженный

---

[67]) Дѣла объ открытыхъ въ 1837 году и 17 ноября 1844 года въ Москвѣ хлыстахъ. Моск. губ. Арх. № 414.

такимъ необычайнымъ событіемъ, приходскій священникъ не хотѣлъ крестить ребенка, и никто изъ односельцевъ Суслова не соглашался принимать новорожденнаго отъ св. купели. Долго искалъ старикъ Сусловъ кума, бродя по окрестнымъ деревнямъ и уже въ отчаяніи возвращался домой, какъ вдругъ встрѣтилъ толпу народа. Старикъ сталъ кланяться и просить, чтобы кто либо пошелъ къ нему въ кумовья, но всѣ отвѣчали смѣхомъ. Только одинъ изъ толпы, самый почтенный на видъ, согласился, пошелъ съ Сусловымъ, самъ окрестилъ ребенка и назвалъ его Иваномъ. Священникъ же, бывшій тогда въ церкви, до того былъ изумленъ всѣмъ происходившимъ вокругъ него, что на него напалъ столбнякъ, отъ котораго онъ очнулся уже на церковной паперти, подъ лавкой.

До тридцати лѣтъ жилъ Иванъ Тимофеевичъ при своихъ родителяхъ, а съ этого времени, такъ какъ они умерли, переселился въ деревню Михалицы близь горы Городиной. Когда исполнилось ему тридцать три года, говорятъ хлысты, господь саваоѳъ Данила Филиповичъ призвалъ его къ себѣ въ деревню Старую. Здѣсь, въ своемъ домѣ, онъ далъ Ивану Тимофеевичу божество, и отсюда они оба, при свидѣтеляхъ, три ночи сряду возносились на небо.

Получивъ отъ Данилы Филиповича божество и сдѣлавшись христомъ сыномъ божіимъ, Иванъ Тимофеевичъ избралъ себѣ двѣнадцать апостоловъ и началъ проповѣдывать ученіе господа-саваоѳа по рѣкамъ Окѣ и Волгѣ. Но про его ученіе вскорѣ узналъ царь Алексѣй Михайловичъ, по приказанію котораго Иванъ Тимофеевичъ съ сорока учениками взятъ былъ подъ стражу. Долго били и допрашивали ихъ въ селѣ Погостѣ, но они ничего не сказали мучителямъ. Одному Ивану Тимофеевичу дали столько ударовъ, сколько всѣмъ ученикамъ его вмѣстѣ, и та гора въ селѣ Погостѣ, на которой ихъ били, имѣнуется «голіонской», потому что ихъ били голыхъ. Не узнавши ничего на мѣстѣ, привезли ихъ въ Москву и поручили допросъ самому патріарху Никону. Патріархъ подвергъ Ивана Тимофеевича пыткамъ въ Кремлѣ, но не

могъ добиться отъ него, въ чемъ заключается его ученіе. Тогда царь поручилъ допросъ боярину Морозову. Но Морозовъ, постигнувъ божество Ивана Тимофеевича, отказался допрашивать его, подъ предлогомъ болѣзни. Поэтому царь приказалъ князю Одоевскому допросить Ивана Тимофеевича и во что бы то ни стало допытаться, въ чемъ заключается его ученіе. И заключили Ивана Тимофеевича въ темницу на житномъ дворѣ. Жегъ его здѣсь князь Одоевскій и на маломъ огнѣ, и на большихъ кострахъ, вѣшалъ его и на желѣзный крюкъ. Но огонь не касался Ивана Тимофеевича, и онъ вышелъ невредимымъ, не открывши тайны своего ученія. Тогда стали пытать его на лобномъ мѣстѣ, на красной площади и затѣмъ распяли на кремлевской стѣнѣ, у Спасскихъ воротъ. Въ четвергъ Иванъ Тимофеевичъ испустилъ духъ, а въ пятницу стрѣльцы сняли его со креста и похоронили на лобномъ мѣстѣ въ могилѣ со сводами. Съ субботы же на воскресенье, лишь только въ Успенскомъ соборѣ ударили въ колоколъ къ заутренѣ, Иванъ Тимофеевичъ воскресъ и явился своимъ ученикамъ въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ. И трижды еще, говорятъ хлысты, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, хватали Ивана Тимофеевича, трижды ввергали въ темницу и дважды распинали на кремлевской стѣнѣ. Но въ то время, когда ввергли его въ темницу въ послѣдній разъ, добавляютъ они, царицѣ Натальѣ Кириловнѣ пришлось разрѣшаться отъ бремени царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ. И было ей пророчество, что она лишь въ томъ случаѣ благополучно разрѣшится отъ бремени, если отпустятъ Ивана Тимофеевича на волю. А потому царь и приказалъ отпустить его [8]).

По другой легендѣ хлыстовъ, Сусловъ получилъ свободу отъ своего мнимаго заключенія и распятія инымъ путемъ. Вотъ что поется у хлыстовъ по этому поводу:

---

[68]) У хлыстовъ и скопцевъ находится въ большемъ почтеніи портретъ Натальи Кириловны, что можно объяснить тѣмъ, что Сусловъ былъ крестьяниномъ Нарышкиныхъ, зналъ Наталью Кириловну, какъ родственницу своихъ помѣщиковъ, бывшихъ ему добрыми господами.

Ужъ какъ по морю, по морю,
По синему морю, по Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости-корабельщики
Изъ дальнихъ городовъ, Израильскихъ родовъ;
Приплывали гости
Къ Ерусалиму-граду, каменной Москвѣ;
Приходили они къ земляной тюрьмѣ,
Стали караульщиковъ они спрашивать:
„Ай вы гой еси братцы-караульщики!
„Что это у васъ за темницы стоятъ?
„Что въ нихъ за невольники сидятъ?
„Про что вы ихъ бьете, про что мучаете?
„Что на нихъ пытаете, чего спрашиваете?“
Тутъ отвѣтъ держатъ караульщики:
„Ахъ вы братцы-братцы-корабельщики!
„Ихъ про вѣру бьютъ, Божью истинную,
„На нихъ спрашиваютъ самаго Бога-Христа!“
Стали гости между собой сглядываться,
Золотой казной стали складываться,
Выкупать стали, выручать
И на волю выпущать....

Тридцать лѣтъ послѣ этого, говорятъ хлысты, проживалъ Иванъ Тимофеевичъ въ Москвѣ [69]) въ своемъ «Божьемъ домѣ» близь Сухаревой башни, на углу 3 Мѣщанской улицы и малой Сухаревской площади. Здѣсь онъ учредилъ «бесѣды» и радѣніе Людей Божіихъ. Здѣсь онъ установилъ пророчества, какъ единственный источникъ вѣроученія. Сюда-то, по разсказамъ хлыстовъ, пришелъ къ нему въ 1699 году, на сотомъ году своей жизни, «верховный гость, господь саваоѳъ, Даніилъ Филиповичъ». Здѣсь-то они вели свои бесѣды, сидя за священнымъ столомъ. Хлысты поютъ объ этомъ такъ:

Какъ у насъ было на семъ свѣту, во святой Руси,
Въ славной матушкѣ каменной Москвѣ,
Во Мѣщанской третьей улицѣ:
Не два солнышка сокаталися,
Тутъ два гостя ликовалися —
Гость Данила Филиповичъ,
Гость Иванъ сударь Тимофеевичъ;

---

[69]) Все вышесказанное заимствовано изъ дѣлъ объ открытыхъ въ 1837 и въ 1844 годахъ въ Москвѣ хлыстахъ и изъ трактата г. Добротворскаго „Люди Божьи“.

Въ одно мѣсто съединилися,
Другъ другу они поклонилися.
Поклоняется Иванъ Тимофеевичъ
Дорогому гостю богатому
Данилѣ Филиповичу;
Ты добро, сударь, пожаловать
Въ мою царскую во палатушку!
У меня все, сударь, приготовлено:
И столы, сударь, разставлены;
На столахъ скатерти накрытыя,
Приготовлены явства сахарныя....

Вскорѣ послѣ этого свиданія Даніилъ Филиповичъ и умеръ. Погребенъ онъ, по сказаніямъ хлыстовъ, въ Костромскомъ уѣздѣ въ селѣ Кріушинѣ. И когда его хоронили, то

Лѣса къ землѣ преклонялися,
А кресты въ Костромѣ на церквахъ
Къ той сторонѣ наклонялися [70])....

По сказаніямъ хлыстовъ, послѣ смерти Даніила Филиповича, снова начались на нихъ гоненія. Поэтому Сусловъ бѣжалъ изъ Москвы и воротился обратно лишь спустя шестнадцать лѣтъ. Воротившись онъ построилъ противъ прежняго «Божьяго дома» новый домикъ. Проживъ здѣсь всего одинъ годъ, онъ, во время радѣнія, въ глазахъ многихъ своихъ послѣдователей, вознесся духомъ на небо, что́ случилось въ 1716 году. Бренное же тѣло его погребли у церкви Св. Николы что́ въ Драчахъ [71]).

Память о Даніилѣ Филиповичѣ и о Сусловѣ до сихъ поръ составляетъ предметъ благоговѣнія хлыстовъ. Мѣста, съ которыми связаны сказанія объ ихъ миѳической дѣятельности, служатъ предметами набожнаго ихъ поклоненія. На дни великихъ православныхъ праздниковъ хлысты перенесли легендарныя преданія о какихъ либо примѣчательныхъ событіяхъ въ жизни Даніила Филиповича или Суслова. Подъ именемъ предметовъ, имъ принадлежавшихъ, хлысты чествуютъ вещи почему либо дорогія ихъ памяти. Такимъ образомъ хлысты ходятъ

---

[70]) Тѣже дѣла о хлыстахъ.
[71]) Тамъ же.

на поклоненіе въ Кострому и въ деревню Старую, гдѣ будто бы проживалъ Даніилъ Филиповичъ, въ село Кріушино, гдѣ будто бы онъ погребенъ. Они ходятъ въ Благовѣщенскій соборъ поклониться образу Спасителя съ отвращеннымъ лицомъ, такъ какъ, по ихъ легендамъ, Спаситель, на этой иконѣ изображенный, отвратилъ лицѣ свое, не имѣя болѣе возможности видѣть страшныхъ мученій Суслова. Хлысты поклоняются кремлевской стѣнѣ у Спасскихъ воротъ, на которой будто бы Сусловъ былъ распятъ. Они стекаются къ церкви Св. Николы въ Драчахъ, гдѣ будто бы онъ похороненъ. Они особенно чтутъ и празднуютъ день Покрова Пресвятыя Богородицы, потому что, по ихъ легендамъ, въ этотъ день умеръ Даніилъ Филиповичъ [72]).

Въ одномъ Московскомъ семействѣ и понынѣ сохраняются какъ святыня нѣкоторыя древнія вещи, напримѣръ: маленькій полуаршинный, покрытый старой шолковой матеріей, коврикъ, называемый «подручникъ»; шелковый парчевой съ темными цвѣточками платокъ, камышовая трость двухъ съ четвертью аршинъ длины, старинные небольшіе кубки и ладонницы; старинное мягкое, въ родѣ вольтеровскаго, кресло, обитое выцвѣтшей матеріей; старинное кожанное сѣдалище, въ родѣ большаго дѣтскаго стула; длинная скамейка, покрытая совершенно выцвѣтшей сырцевой шолковой матеріей и т. п. Хлысты воображаютъ, что всѣ эти предметы были въ употребленіи у Даніила Филиповича и Суслова; между тѣмъ какъ изъ подробной вѣдомости имуществу, описанному у хлыстовъ въ 1745—1752 годахъ, положительно видно, что предметы эти принадлежали «притворному юроду Андреяну Петрову», жившему гораздо позднѣе Суслова.

По преданіямъ хлыстовъ Сусловъ умеръ въ 1716 году и послѣ него Іисусъ Христосъ воплотился въ Прокофіѣ Даниловичѣ Лупкинѣ. Христосъ Лупкинъ, по разсказамъ хлыстовъ, жилъ въ одномъ изъ помянутыхъ «Божьихъ домовъ». Сюда, разсказываютъ они, въ 1733 году,

---

[72]) Тамъ же.

собралось къ Лупкину на радѣніе множество Людей Божіихъ. Вдругъ спустились съ неба ангелы, архангелы и вся сила небесная и, въ виду всѣхъ собравшихся, вознесли христа-Лупкина на небо.

По смерти Лупкина, по вѣрованію хлыстовъ, «настало древлее молчаніе, и престали пророчества», по случаю наступившаго гонительнаго времени (слѣдствія 1733 и 1734 годовъ). Молчаніе это продолжалось семь лѣтъ, т. е. до 1740 года, въ каковомъ году «разрѣшилъ уста свои третій христосъ сынъ божій Андреянъ Петровъ», родившійся духовно отъ богородицы Настасьи Карповны. Андреянъ Петровъ жилъ и проповѣдывалъ ученіе «Людей Божіихъ» въ томъ же «домѣ Божіемъ», «Новомъ Іерусалимѣ» у Сухаревки на углу Третьей Мѣщанской. Но вскорѣ онъ былъ открытъ правительствомъ со всѣми своими пророками и сосланъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ссылки и смерти Андреяна Петрова, говорятъ хлысты, открылся вышній на престолѣ суда господь и іисусъ христосъ, императоръ Петръ Ѳеодоровичъ».

Здѣсь заканчиваются вымыслы, принадлежащіе хлыстамъ [73]). Дальнѣйшая исторія ихъ вѣрованія неразрывно связана съ исторіею ученія скопцовъ. Связью этою является христосъ іисусъ императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, общій искупитель тѣхъ и другихъ. Всѣ дальнѣйшіе вымыслы хлыстовъ и скопцовъ болѣе или менѣе тождественны между собой и группируются около личности этого четвертаго христа-искупителя, свѣта сына божія.

Подвергнувъ анализу всю эту путаницу басней и вымысловъ, я пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ вымыслахъ хлыстовъ поразительно не самое ихъ содержаніе: ничего другаго нельзя было и ожидать отъ людей, отвергшихъ не только откровеніе, науку и исторію, но и вообще всякое книжное знаніе; ничего лучшаго не могли и измыслить люди экзальтированные и про-

---

[73]) Разсказы о Лупкинѣ и Андреянѣ Петровѣ заимствованы изъ дѣлъ объ открытыхъ въ Москвѣ хлыстахъ и трактата г. Добротворскаго „Божьи Люди“.

бавлявшіеся лишь росказнями неграмотныхъ стариковъ-учителей и невѣжественныхъ старухъ-учительницъ. Поразительно въ этихъ бредняхъ то, что они относятся не къ давнопрошедшему времени, не къ эпохѣ чудесъ и басней, а къ первой половинѣ XVIII вѣка, слѣдовательно ко времени намъ близкому, свидѣтели котораго умерли чуть не на нашихъ глазахъ.

Характеръ этихъ вымысловъ изобличаетъ двойственность источниковъ происхожденія ереси: отъ остатковъ проповѣди Кульмана и отъ преданій и вѣроученія Капитоновскаго, безпоповщинскаго поморскаго согласія. Самое же содержаніе хлыстовскаго баснословія указываетъ на замѣчательное и крайне-своеобразное смѣшеніе неясныхъ преданій о жизни Кульмана и первыхъ нашихъ расколо-учителей съ искаженнымъ ученіемъ церкви о жизни и страданіяхъ истиннаго Спасителя міра. Подцвѣченная и оттушованная народнымъ казачьимъ эпосомъ, миѳологія эта представляетъ, пожалуй, нѣкоторыя литературныя достоинства своего рода.

Переходя затѣмъ къ частностямъ, я нахожу слѣдующее. Сказаніе о первомъ сошествіи бога въ Римѣ и Іерусалимѣ, о паденіи вѣры, появленіи антихриста, полномъ отверженіи книжнаго писанія и новомъ сошествіи бога или вѣчномъ царствѣ божіемъ на землѣ, очевидно нерусскаго происхожденія. Все это ничто иное, какъ отголоски ученія Кульмана, проникшаго въ среду русскаго раскола въ концѣ XVII столѣтія. Кульманъ неустанно проповѣдывалъ о паденіи Римской вѣры, о проявившемся во всѣхъ трехъ церквахъ (Римской, Лютеранской и Протестантской) великомъ вавилонскомъ антихристѣ, діаволѣ въ ангельскомъ образѣ,—порожденіи богословія и папства. Онъ проклялъ науку и всякое книжное писаніе и лишь въ видѣніяхъ, пророчествахъ и наитіи св. духа велѣлъ искать истиннаго откровенія, Слова Божія, раздающагося въ сердцѣ человѣка. Наконецъ теософія Кульмана заканчивается несомнѣнною увѣренностію, что время новаго пришествія Христа Спасителя и Его вѣчнаго царства на землѣ уже наступило.

Проводниками этого ученія были первоучительницы хлыстовъ, старицы Московскихъ монастырей, ихъ номинальный глава Иванъ Тимофеевичъ Сусловъ, нѣкоторые монастырскіе крестьяне и стрѣльцы.

Затѣмъ сказанія хлыстовъ о спорахъ изъ за книгъ, молитвѣ умныхъ людей, возникновеніи и первомъ преслѣдованіи ереси при патріархѣ Никонѣ, суть ничто иное, какъ неясное преданіе о смутахъ, сопровождавшихъ у насъ исправленіе книгъ церковныхъ и появленіе раскола. Выше мы видѣли, что первые русскіе люди, воспріявшіе ученіе Кульмана, были прежде послѣдователями Капитона или поморскаго безпоповщинскаго согласія. Сохранивъ рядомъ съ идеями Кульмана двуперстное сложеніе, произношеніе молитвы Господней по старо-печатнымъ книгамъ и безбрачіе, они занесли въ секту хлыстовъ и общія всѣмъ старообрядцамъ преданія о событіяхъ, сопровождавшихъ появленіе раскола.

Соотвѣтственно этимъ двумъ элементамъ, участвовавшимъ въ образованіи ереси хлыстовъ, являются у нихъ и двѣ обоготворенныя ими личности: баснословный Данила Филиповичъ и дѣйствительно существовавшій Сусловъ. Представителемъ старообрядческаго элемента служитъ Данила Филиповичъ, а идей Кульмана—Сусловъ.

Пародируя затѣмъ Священное Писаніе вѣтхаго и новаго завѣта, хлысты измышляютъ новаго господа саваоѳа и новаго христа сына божія. Данилѣ Филиповичу, какъ представителю старой вѣры, старо-русскаго начала, достается роль вѣтхо-завѣтнаго господа саваоѳа. Сусловъ же, какъ первый изъ ихъ учителей, воплотившій въ себѣ ученіе Кульмана, предназначавшееся для новаго искупленія рода человѣческаго, естественно принимаетъ въ ихъ баснословіи роль Іисуса Христа, Сына Божія, которую искренно игралъ и Кульманъ.

Обращаясь къ анализу самыхъ сказаній хлыстовъ о жизни и страданіяхъ Суслова, я прихожу къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ дѣлахъ 1733, 1745—1752, 1756 гг. заключаются самыя подробнѣйшія свѣдѣнія о возникновеніи и дѣятельности секты хлыстовъ до половины XVIII столѣтія. Ме-

жду тѣмъ въ нихъ нѣтъ никакого намека на какое бы то ни было преслѣдованіе Суслова, а прямо говорится, что онъ жилъ, проповѣдывалъ и умеръ спокойно. Спрошенные тогда хлысты подробно говорятъ о казни старицы Настасьи и ея сподвижниковъ, подъ пытками называютъ ихъ мучениками, а о мученичествѣ Суслова вовсе не упоминаютъ. Такимъ образомъ ясно, что сказанія о Сусловѣ составились уже во второй половинѣ XVIII столѣтія. Составились они такимъ образомъ.

По правиламъ хлыстовской ереси, всякая письменность относительно секты, ея ученія и исторіи, строго воспрещалась: всѣ свѣдѣнія хлыстовъ по этому предмету заключались въ однихъ устныхъ преданіяхъ, сохранившихся въ памяти неграмотныхъ учителей и учительницъ и переходившихъ по преемству отъ однихъ лицъ къ другимъ. Будучи передаваемы изъ устъ въ уста между людьми неграмотными же, одни преданія мало по малу искажались, другія утрачивались вовсе. Сохранялась лишь память объ общемъ ходѣ событій, подробности же и частности исчезали и замѣнялись вымыслами старухъ и пророковъ. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, изъ всей протекшей жизни секты уцѣлѣли лишь общія воспоминанія: о Сусловѣ какъ о христѣ, сынѣ божіемъ, о неоднократныхъ преслѣдованіяхъ и двукратныхъ казняхъ, постигшихъ секту, и темныя неопредѣленныя преданія о пыткахъ и сожженіи первыхъ расколоучителей и Кульмана. Считая Суслова христомъ сыномъ божіимъ, хлысты второй половины XVIII вѣка естественно стали соединять съ памятью о немъ и евангельскія сказанія о страданіяхъ, крестной смерти и воскресеніи истиннаго Спасителя міра. Въ тоже время, утративъ преданіе о дѣйствительныхъ своихъ дѣятеляхъ, подвергшихся преслѣдованіямъ и казнямъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, хлысты отнесли къ личности Суслова всѣ уцѣлѣвшія объ нихъ воспоминанія. Все это изукрасилось досужей фантазіей, и такимъ образомъ составилась басня о страданіяхъ, крестной смерти и воскресеніи Суслова. Въ баснѣ этой Сусловъ является олицетвореніемъ самой секты хлыстовъ, а самая басня поэтическимъ эпосомъ

судебъ ея. Оказывается, что въ подвигахъ Суслова хлысты воспѣваютъ дѣятельность своей секты, въ его мнимыхъ страданіяхъ — трагическую участь своихъ забытыхъ первоучителей, въ его мнимой двукратной смерти двукратное уничтоженіе ереси въ Москвѣ. Обращаясь къ фактамъ, мы видимъ, что съ 1733 года хлыстовъ преслѣдовали нѣсколько разъ: въ 1733, 1734, въ 1745—1752 и въ 1757 годахъ. И вотъ въ фантазіи хлыстовъ Сусловъ нѣсколько разъ подвергается розыску и пыткамъ. Число ударовъ кнута, перенесенныхъ послѣдователями ереси въ означенные годы, неизчислимо. Суслову, по сказаніямъ хлыстовъ, даютъ одному столько ударовъ кнутомъ, сколько всѣмъ ученикамъ его вмѣстѣ. Въ помянутые годы хлыстовъ пытали и допрашивали въ тайной конторѣ въ Преображенскомъ и въ слѣдственныхъ коммиссіяхъ, изъ которыхъ главная, именно коммиссія 1745—1752 гг., послѣднее время засѣдала на Житномъ Дворѣ у Калужскихъ воротъ, гдѣ произнесла хлыстамъ и ужасный приговоръ 1752 г. Тутъ же производились допросы и пытки, и находились тѣ страшныя тюрьмы, въ которыхъ содержался лже-христъ Андреянъ съ своими пророками. Первые же расколоучители наши, какъ извѣстно, были допрашиваемы и истязаемы и разстригаемы самимъ Никономъ въ Кремлѣ, въ Крестовой Палатѣ, на Патріаршемъ Дворѣ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ и т. д. И вотъ Суслова, по баснямъ хлыстовъ, сначала допрашиваетъ и пытаетъ патріархъ Никонъ въ Кремлѣ, потомъ князь Одоевскій подвергаетъ его ужаснымъ пыткамъ на Житномъ Дворѣ. Изъ числа всѣхъ возбужденныхъ противъ хлыстовъ преслѣдованій особенно чувствительны и безпощадны были два: это преслѣдованія 1733 и 1745—1752 гг. То и другое имѣли своимъ конечнымъ исходомъ полнѣйшее истребленіе ереси въ Москвѣ. Но и послѣ того и другаго ересь возникала вновь еще сильнѣе прежняго. Сусловъ, по сказанію хлыстовъ, дважды распинается, дважды умираетъ и дважды воскресаетъ для новой, еще болѣе ревностной, проповѣди. Въ баснѣ хлыстовъ бояринъ Морозовъ уразумѣваетъ его божество и отказывается мучить его. И это сказаніе есть не болѣе

какъ искаженное преданіе о приверженности къ расколу боярыни Θеодосьи Морозовой и ея сына, оказавшихъ покровительство Аввакуму и его единомышленникамъ и за все это немало потерпѣвшихъ.

Что касается до нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей въ сказаніи о страданіяхъ Суслова, то матеріалами для нихъ могли служить какъ воспоминанія о пыткахъ 1733 и 1745 гг., такъ и сохранившіяся между хлыстами смутныя преданія о пыткахъ и сожженіи Кульмана. Въ легендѣ о Сусловѣ точно также играютъ роль и костры и желѣзныя крючья, какъ и въ розыскѣ и казни Кульмана.

На основаніи тѣхъ же соображеній можетъ быть объяснено и то ошибочное вѣрованіе хлыстовъ, что Сусловъ жилъ въ двухъ Божьихъ домахъ у Сухаревой башни. Мѣстность близь Сухаревой башни и Николо-Драчевскій приходъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми кварталами Яузской части, издавна населены были хлыстами. Хлысты, какъ говорится, облюбили эти мѣстности. Изъ числа старинныхъ хлыстовскихъ моленныхъ «Божьихъ домовъ», въ этихъ мѣстностяхъ было всего два: домъ юрода Андреяна Петрова на углу 3-й Мѣщанской и Малой Сухаревской площади и, напротивъ него по Садовой, домъ лжеучителя, временъ Андреяна, хлыста Сапожникова. Оба основаны были въ 1740 годахъ, слѣдовательно спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти Суслова. Въ 1745 году оба дома были конфискованы [74]) и долго находились во владѣніи казны, но между 1770 и 1790 годами перешли въ частныя руки. Память о нихъ какъ о «Божьихъ домахъ», по случаю близости ихъ къ мѣсту жительства многихъ хлыстовъ, свято сохранялась. Поэтому около 1790 года дома эти и были выкуплены хлыстами. Сапожниковскій домъ пріобрѣтенъ былъ отъ графа Мартына Павловича Скавронскаго хлыстомъ Борисомъ Леонтьевымъ Борщовымъ. Домъ же Андреяна Петрова выкупила учительница Людей Божіихъ, хлыстовка Ульяна Васильева Снурочникова [75]). Моленныя въ обоихъ домахъ были воз-

---

[74]) Дѣло о квакерской ереси 1745—1752 годовъ.

[75]) Дѣло объ обнаруженныхъ въ 1837 и 1844 году хлыстахъ Москов. Губ. Арх. № 414.

станавлены, вновь украшены древними иконами, мебелью и нѣкоторыми молитвенными вещами, принадлежавшими юроду Андреяну Петрову, выкупленными и сохраненными хлыстами. Между тѣмъ преданіе о томъ, кому именно изъ старыхъ лжеучителей принадлежали дома, не сохранилось. Поэтому и стали объяснять святость ихъ тѣмъ, что въ нихъ проживалъ самъ Сусловъ. Для бо̀льшаго же вѣроятія составили сказку о томъ, что послѣ смерти Данилы Филиповича, Сусловъ, по случаю новыхъ преслѣдованій, принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы, а возвратившись въ нее, не сталъ уже жить въ старомъ домѣ на углу 3-й Мѣщанской, а построилъ противъ него новый домъ. Подобные разсказы были выгодны для Бориса Леонтьева и Егора Михѣева, потому что привлекали въ ихъ моленныя не только Московскихъ, но и иногородныхъ хлыстовъ. По этому понятно, что ни тотъ, ни другой не только не опровергали этихъ разсказовъ, а старались еще болѣе укрѣпить вѣру въ нихъ. Такимъ образомъ и составилось вѣрованіе, что Сусловъ проживалъ въ этихъ домахъ. Въ настоящее время домъ Андреяна Петрова (потомъ Михѣевскій) принадлежитъ Московскому мѣщанину Ильѣ Иванову Комарову, котораго отецъ Иванъ Макаровъ и братъ Ѳедоръ Ивановъ Комаровы въ 1837 году были подъ слѣдствіемъ за принадлежность къ сектѣ хлыстовъ. Иванъ Комаровъ умеръ давно, а Ѳедоръ умеръ лишь въ 1870 году [76]).

Личности втораго и третьяго лже-христовъ, Лупкина и Андреяна Петрова не играютъ никакой особенной роли въ миѳологіи хлыстовъ. Мало того, личность Андреяна Петрова, такъ успѣшно распространявшаго ересь, бывшаго за то подъ слѣдствіемъ и сосланнаго въ 1752 году въ ссылку, поставлена на ряду съ Лупкинымъ, который спокойно умеръ среди своихъ послѣдователей въ Москвѣ.

Шестимѣсячное царствованіе Императора Петра III-го имѣло великое вліяніе на исторію секты хлыстовъ. Госу-

---

[76]) Второй «Божій домъ» принадлежитъ мѣщанкѣ Аксиньѣ Филипповой, окруженной нѣсколькими дѣвушками и ведущей уединенную жизнь.

дарь, тотчасъ по вступленіи на престолъ, даровалъ полную амнистію и свободу вѣры раскольникамъ [77]). Вслѣдъ затѣмъ было публиковано вездѣ, что всѣ слѣдствія о самосожигательствахъ раскольниковъ прекращаются [78]). Къ раскольничьимъ обществамъ приставлены особые попечители, для защиты ихъ отъ православнаго духовенства. Затѣмъ уничтожено ненавистное для всѣхъ и каждаго «Слово и Дѣло». Мѣры эти завершены указомъ 21 марта 1762 года, которымъ Императоръ Петръ III, отбирая отъ монастырей и церквей крестьянъ, приказывалъ отдать этимъ крестьянамъ всю ту землю, которую они обработывали.

Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвели всѣ эти мѣры въ средѣ хлыстовъ. Прошло лишь десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они были гонимы и преслѣдуемы, какъ 333 человѣка хлыстовъ изнывали въ тюрьмахъ, и вдругъ амнистія и свобода! Еще живы были хлысты, которые на собственномъ тѣлѣ испытали всѣ ужасы пытокъ: и вотъ, по мановенію руки новаго Царя, ужасовъ этихъ болѣе не существуетъ! Большинство хлыстовъ состояло изъ монастырскихъ крестьянъ: и вдругъ, по волѣ Петра III, эти крестьяне не только дѣлаются свободными, но получаютъ въ собственность и ту землю, которую обработывали!

Понятно послѣ этого, что первая мысль хлыстовъ, послѣ всѣхъ этихъ благодѣтельныхъ мѣръ, была та, что на Всероссійскомъ престолѣ воцарился всецѣло Самъ Іисусъ Христосъ, принявшій лишь одно имя Императора Петра III-го. Ктоже, помимо Самаго Христа, могъ сразу излить на нихъ, гонимыхъ, преслѣдуемыхъ, столь великія милости? И вотъ явилось въ средѣ хлыстовъ незыблемое убѣжденіе, что открылся вышній на престолѣ суда Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ III-й.

---

[77]) Перв. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. т. XV, № 11429.
[78]) Ibidem № 11434.

КОНЕЦЪ 1-Й ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СКОПЦЫ.

I.

Выше мы видѣли, до какого нравственнаго упадка дошла секта Людей Божіихъ, или «хлыстовщина» въ исходѣ второй половины XVIII столѣтія, когда ее постигъ тотъ страшный ударъ, который извѣстенъ подъ именемъ слѣдствія 1744—1752 гг. Но этотъ упадокъ составлялъ лишь общее правило, допускающее многія исключенія. И въ то время, и раньше, и позднѣе, въ средѣ Людей Божіихъ, существовали отдѣльныя личности, съ беззавѣтнымъ фанатизмомъ относившіяся къ ученію секты о чистотѣ и цѣломудріи. Послѣдовательное же развитіе такого ученія, при трудности и даже невозможности, въ теченіи всей жизни, при постоянныхъ соблазнахъ, соблюсти чистоту и цѣломудріе, естественно могло привести яростнѣйшихъ фанатиковъ къ другой крайности, лишенію себя тѣхъ органовъ, которые служатъ источникомъ соблазна. Эти причины могли доводить отдѣльныя личности изъ среды хлыстовскаго общества до оскопленія гораздо ранѣе появленія у насъ скопчества, какъ особаго ученія организованной секты. И дѣйствительно исторія представляетъ намъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Такъ еще въ царствованіе Петра Великаго было два-три случая единичныхъ оскопленій ради сохраненія цѣломудрія

и спасенія души, что̀ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, какъ видно изъ мемуаровъ Екатерины Великой, оскопился одинъ изъ монаховъ Воскресенскаго монастыря, въ которомъ хлыстовщина въ то время имѣла многихъ ревностныхъ послѣдователей. Позднѣе, около 1765 года, оскопилось нѣсколько фанатиковъ-хлыстовъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Но все это были отдѣльные, единичные случаи, не имѣвшіе характера какого либо особаго ученія, особой секты. Скопчество, какъ особое религіозное лжеученіе, какъ особая организованная секта, явилось нѣсколько позднѣе, именно около 1770 года и, какъ сказано выше, было видоизмѣненіемъ, крайнимъ развитіемъ ученія Людей Божіихъ, порожденіемъ хлыстовщины. Г. Мельниковъ, въ своемъ трактатѣ «Бѣлые Голуби», совершенно ошибочно, основываясь на какихъ-то преданіяхъ скопцовъ, высказываетъ предположеніе, что скопчество появилось у насъ еще при Петрѣ Великомъ и что, казненная при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, старица Настасья скопила людей. Первое предположеніе г. Мельникова не вѣрно потому, что сказанія скопцовъ, служащія основаніемъ этого предположенія, имѣютъ источникомъ бывшую при Петрѣ Великомъ казнь Кульмана и Нордермана, первоучителей хлыстовско-скопческой ереси, вовсе однако не бывшихъ скопцами. Предположеніе же относительно старицы Настасьи рѣшительно опровергается подлинными дѣлами о хлыстахъ. Изъ дѣлъ этихъ видно, что въ 1733—1734 и 1744—1752 годахъ хлыстовъ осматривали въ коммиссіяхъ, для удостовѣренія въ дѣйствительности тѣхъ самопстязаній, которымъ подвергали себя тогдашніе хлысты; по осмотру оказывались на спинахъ ихъ слѣды самопстязанія, но ни одинъ изъ нихъ не оказался оскопленнымъ.

Скопчество, какъ секта и ересь, явилось слѣдующимъ образомъ.

Іюня 28 дня 1762 года, императоръ Петръ III отрекся отъ престола, и воцарилась Екатерина Великая. Вслѣдъ затѣмъ 5 іюля отрекшійся императоръ скончался. Мол-

ніей вѣсть эта облетѣла Россію и глубоко потрясла низшіе слои тогдашняго Русскаго общества. Помѣщичьи крестьяне, ожидавшіе отъ почившаго императора воли, основываясь на льготахъ, дарованныхъ имъ дворянству, съ его смертію теряли надежду на скорое освобожденіе. Въ старообрядцахъ всѣхъ толковъ, внезапная смерть облагодѣтельствовавшаго ихъ государя рождала опасеніе за прочность полученныхъ отъ него милостей. Всё это, въ связи съ внезапностію событій, породило въ народѣ множество толковъ и предположеній относительно судьбы Петра III-го...

Подъ первымъ впечатлѣніемъ горя о великой потерѣ, народъ, имъ облагодѣтельствованный, не зналъ что подумать. Затѣмъ, очнувшись отъ перваго впечатлѣнія, начали утѣшать себя несбыточными предположеніями, что Петръ III-й не умеръ, а живъ. Толки эти возникли уже въ 1764 году въ обѣихъ столицахъ. Въ томъ же году въ Курской губерніи стали поговаривать, что Петръ III-й скрывается въ Курскѣ. Въ маѣ 1765 года пошли толки, что вмѣсто императора, который вовсе не умеръ, похороненъ какой-то адъютантъ, и что къ Петрову и Успеньеву дню нужно ожидать перемѣны, т. е. появленія Петра III-го [1]). Въ послѣдствіи, чтобы придать болѣе вѣроятія своимъ надеждамъ, составили извѣстную сказку о мнимомъ спасеніи Петра III-го отъ смерти. Разсказывали, будто стоявшій во дворцѣ на часахъ гвардейскій солдатъ спасъ государя и будто императоръ, помѣнявшись съ солдатомъ платьемъ, скрылся, а вмѣсто него въ его опочивальнѣ скончался вѣрный солдатъ, добровольно рѣшившійся пожертвовать за государя своею жизнью [2]).

Всѣ эти разсказы, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшіе тогдашнимъ симпатіямъ народа, возлагавшаго на Петра III-го большія надежды и вполнѣ отвѣчавшіе народному характеру, получили въ массахъ наиболѣе вѣры. Вѣра же вскорѣ обратилась въ полное убѣжденіе, выразившееся

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла Тайн. Экспед., связка № 354, дѣла № 9 и 17-й и связка № 357, дѣла № 12.

[2]) Ibidem, связка № 381, дѣла № 1.

въ цѣломъ рядѣ самозванцовъ [3]). Уже въ мартѣ 1764 г. монастырскій крестьянинъ Ярославской округи Василій Сергѣевъ называлъ себя царемъ, а императрицу Екатерину II-ю своей супругой. Въ маѣ того же года появился настоящій самозванецъ лже-Петръ III, въ лицѣ армянина Антона Асламбекова. Въ декабрѣ 1765 года пойманъ новый самозванецъ унтеръ-офицеръ Гаврила Кременевъ, котораго многіе принимали за Петра III-го, въ Усманской, Коротояцкой и Воронежской округахъ [4]).

Послѣ всего сказаннаго понятно, какъ должны были отнестись къ внезапной смерти императора облагодѣтельствованные имъ хлысты, почитавшіе его истиннымъ Богомъ, Іисусомъ Христомъ, принявшимъ лишь пречистую плоть и имя государя Петра Ѳеодоровича. По существу своего ученія они не могли ни одной минуты вѣрить его смерти: развѣ Богъ умираетъ? Нѣтъ, думали Божьи Люди, не умеръ онъ, а лишь покинулъ суетную мірскую власть и временное величіе, ради вѣчной славы отца своего небеснаго, оставилъ земной престолъ, дворцы и чертоги, чтобы жить и страдать съ своими «вѣрными-праведными, Людьми Божьими». И если мы обратимъ вниманіе на мѣстности, изъ которыхъ выходили приведенные разсказы и въ которыхъ появлялись помянутые самозванцы, то увидимъ, что большая часть всего этого происходила въ средѣ, зараженной хлыстовщиной. Разсказъ о тайномъ проживаніи Петра III-го въ Курскѣ возникъ въ Курской губерніи, которая въ то время была переполнена хлыстами. Сказаніе о солдатѣ, спасшемъ царя, возникло и обнаружено въ подмосковномъ селѣ Пахрѣ, въ которомъ изстари существовали хлысты и даже, какъ расказываютъ они сами, нѣкоторое время проживалъ и проповѣдывалъ первый лже-христъ Сусловъ. Первый самозванецъ Василій Сергѣевъ былъ монастырскій крестьянинъ Ярославской округи, гдѣ хлыстовскій

---

[3]) Самозванство, какъ извѣстно, не прекращалось почти до самой кончины Екатерины II-й.

[4]) Моск. Арх. Мин. Юст. связка № 354 Дѣла № 3, связка № 355 Дѣла № 1, связка № 358 д. № 5.

корабль процвѣталъ съ давняго времени и пользовался уваженіемъ даже Московскихъ хлыстовъ. Самозванецъ Кременевъ былъ признанъ за Петра III-го именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя въ половинѣ XVIII в. были переполнены хлыстами.

Понятно, что всѣ хлысты вѣрили, что Петръ III-й живъ и ожидали появленія его въ своей средѣ. Но съ наибольшимъ нетерпѣніемъ ожидали этого появленія въ Курскихъ, Фатежскихъ, Кромскихъ, Орловскихъ и Сѣвскихъ корабляхъ, такъ какъ въ этой сторонѣ, по народнымъ толкамъ, онъ тогда скрывался.

Религіозно-нравственное состояніе хлыстовъ, въ этотъ періодъ времени, находилось въ крайнемъ упадкѣ: забыты были заповѣди Данилы Филиповича. Вмѣсто цѣломудрія глубокій развратъ поселился въ обществѣ Людей Божіихъ и разъѣдалъ его въ конецъ; вмѣсто умерщвленія плоти и воли постомъ, молитвою и подвигами самоистязанія, ихъ учители и пророки предавались блуду, любостяжанію и самому грубому произволу; мѣсто «единой вѣры» заступили своевольныя мудрствованія наставниковъ и соперничество пророковъ.

Таковы были ожиданія, настроеніе и нравственное состояніе хлыстовъ къ 1770 году, т. е. ко времени возникновенія секты скопцовъ въ Россіи.

II.

Выше сказано, что около 1765 г. въ Сѣвской округѣ Орловской губерніи оскопилось нѣсколько человѣкъ [5]). Въ числѣ ихъ былъ крестьянинъ той-же округи села Брасова Андрей Ивановъ, по всей вѣроятности, тотъ самый, который, подъ именемъ юрода Андреяна Петрова, въ 1737—1745 годахъ игралъ такую видную роль въ средѣ Московскихъ хлыстовъ. Бродилъ онъ по Сѣвскимъ хлыстовскимъ кораблямъ вмѣстѣ съ «другомъ своимъ сердечнымъ и вѣрнымъ, неизмѣннымъ товарищемъ» Мартыномъ Родіоновымъ, вѣроятно тоже уроженцемъ Сѣвской округи. Куда они ни приходили, вездѣ видѣли конечный упадокъ «вѣры Людей Божіихъ». Видѣли они своеволіе, любостяжаніе и раздоры учителей и пророковъ, видѣли и полнѣйшее забвеніе Людьми Божіими заповѣданнаго имъ ученія. Предъ глазами ихъ «братья и сестры» предавались свальному грѣху, пророки перекорялись и дрались между собой изъ за споровъ, въ комъ сильнѣе дѣйствуетъ духъ святый, учители отдавали явное предпочтеніе богатому передъ бѣднымъ и безъ всякаго стыда и совѣсти обирали и грабили своихъ послѣдователей. Видя все это, фанатики вооружились проповѣдью противъ такого явнаго попиранія заповѣдей Данилы Филиповича. Подъ видомъ нищихъ, странниковъ скитались они по «соборамъ» Людей Божіихъ. Переходя изъ села въ село, гремѣли они противъ нечестія и разврата. Но «братья и сестры» оставались глухи на ихъ увѣщанія и гнали отъ себя непрошенныхъ наставниковъ. Тогда Андрей Ивановъ и Мартынъ Родіоновъ стали доискиваться, своимъ слабымъ умомъ, причины такой нераскаянности хлыстовъ и пришли къ тому выводу, что корень всякаго зла и соблазна заключается въ плотскихъ пожеланіяхъ, служащихъ источникомъ и разврата, и любостяжанія, и жаж-

---

[5]) Полн. Собр. постан. по части раскола. Спб. 1860, кн. 1.

ды къ обогащенію, и всевозможныхъ раздоровъ и земныхъ страстей. Не будь плотскихъ пожеланій, думали они, не стало бы разврата, не для чего было бы собирать богатства; роскошь и разныя мірскія удовольствія потеряли бы всякую привлекательность, человѣкъ сдѣлался бы безстрастнымъ и почти безплотнымъ, подобно ангелу. Такимъ образомъ страсти и грѣхъ были бы совершенно изгнаны изъ міра. Припомнили при этомъ и тотъ, неоднократно слышанный ими, текстъ Священнаго Писанія (Евангелія отъ Матѳея V, 29—30-й), въ которомъ говорится: «аще око твое десное соблажняетъ тя, изми·е и верзи отъ себе; аще десная рука твоя соблажняетъ тя, усѣцы ю и верзи отъ себе». И вотъ въ головѣ безумцевъ рождается и созрѣваетъ мысль, что только отсѣченіе соблазняющаго органа можетъ спасти людей и дать хлыстамъ возможность сохранить во всей чистотѣ заповѣданное имъ ученіе, что единственный выходъ для нихъ заключается въ оскопленіи или «убѣленіи». Въ этомъ они видятъ коренное лекарство отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій міра сего.

Оскопившись сами, Андрей Ивановъ и Мартынъ Родіоновъ выступаютъ съ своей проповѣдью «чистоты» или «убѣленія» хлыстовъ. Но, будучи хорошо знакомы съ настроеніемъ умовъ въ тогдашнихъ хлыстовскихъ корабляхъ, они, для бо́льшаго успѣха своей проповѣди, рѣшились воспользоваться существовавшимъ между Людьми Божіими ожиданіемъ христа императора Петра Ѳеодоровича [6]). Взявъ на себя роль ожидаемаго государя, Андрей

---

[6]) Изъ дѣла 1800 г. о скопцахъ по Орловской губерніи (Моск. Губ. Арх. стар. дѣлъ № 181300 (53) видно, что около 1770 г. въ Орловской округѣ сталъ распространять скопчество крестьянинъ Сѣвской округи села Брасова Андрей Ивановъ, обладавшій большимъ искусствомъ обольщать и оскоплять во имя спасенія души и оскопившій въ Орловскомъ округѣ многихъ. Изъ найденныхъ же въ 1870 г. у Московскихъ скопцовъ скопческихъ рукописей „страды государя нашего родимаго батюшки искупителя“ и проч. и „посланія отъ самаго превышняго Бога, Отца и Сына и Св. Духа, писаннаго въ Цареградѣ“, видно, что скопческій ересіархъ сначала бродилъ съ Мартыномъ Родіоновымъ и что, еще до ссылки въ Сибирь, грозилъ непослушнымъ гнѣвомъ бѣлаго царя императора Петра и его сына благовѣрнаго великаго князя Павла Петровича, когда послѣдній всту-

Ивановъ даетъ Мартыну Родіонову роль приближеннаго къ себѣ вельможи князя Дашкова, раздѣлившаго будто-бы съ нимъ его странническую жизнь и инкогнито. При этомъ Андрей, для вящшаго удобства, принимаетъ личину юродиваго-молчальника, а Мартынъ—нищаго-странника. Подъ такой личиной, «въ нищенскомъ образѣ», фанатики идутъ на сѣверъ въ Орловскую округу.

Орловскій хлыстовскій корабль, въ то время, заключалъ въ себѣ сотни послѣдователей. Во главѣ корабля находилась крестьянка Кромской округи Акулина Ивановна, называвшаяся у хлыстовъ «матушкой», «помощницей», «дорогой полковницей», «владычицей», «верховной гостьицей» и пользовавшаяся глубокимъ благоговѣніемъ Людей Божіихъ. Но, по случаю ея старости, всѣми дѣлами корабля заправляла лже-пророчица Анна Романовна, пріобрѣтшая не только въ своемъ кораблѣ, но и во многихъ сосѣднихъ громкую извѣстность умѣньемъ предугадывать погоду, урожаи, хорошій ловъ рыбы и т. п. И вотъ на сборищахъ корабля Акулины Ивановны начали показываться двое нищихъ-странниковъ съ истощенными лицами [7]). Одинъ былъ довольно высокаго роста, лѣтъ сорока пяти, съ большими глазами, продолговатымъ скулистымъ лицемъ, длиннымъ носомъ, широкимъ ртомъ и нѣсколькими волосиками на щекахъ, бородѣ и верхней губѣ [8]). Другой былъ лѣтъ 30-ти, средняго росту, съ бѣлымъ лицемъ, острымъ носомъ, свѣтлорусыми волосами и крайне-рѣдкой бородой [9]). Оба были одѣты въ обыкновенное крестьянское нищенское платье. Первый былъ глухо-нѣмой юродивый, смиренный и крот-

---

питъ на престолъ. Себя-же, въ этомъ посланіи, онъ вездѣ называетъ государемъ и сыномъ божіимъ и совершенно прозрачно намекаетъ, что онъ-то и есть императоръ Петръ Ѳеодоровичъ.

[7]) Вышеупомянутыя рукописи.

[8]) Портреты скопческаго ересіарха, находящіеся въ кладовой Министерства Внутр. Дѣлъ и взятые у Плотицына и другихъ скопцовъ.

[9]) Письмо генералъ-прокурора кн. Вяземскаго къ Московскому оберъ-полиціймейстеру Архарову отъ 21 августа 1775 г. (Русскій Архивъ изд. при Чертков. библ. 1864 г., изд. 2-е, стр. 878).

кій, садившійся у порога, а иногда и за порогомъ. Никогда не входилъ онъ въ среду «братій», никогда не радѣлъ, никто никогда не слышалъ отъ него ни единаго звука. Другой былъ пророкъ, постоянно выступавшій «на округу» [10]) и бойко ходившій въ «словѣ» [11]). Но между тѣмъ всѣ замѣчали, что онъ оказывалъ особливое почтеніе своему нѣмому и смиренному товарищу. Бродили они по домамъ Людей Божіихъ, питались мірскимъ подаяніемъ, ночевали гдѣ день, гдѣ ночь. Когда младшаго спрашивали, кто они и откуда, онъ всегда отвѣчалъ одно, что они Кіевскіе затворники [12]), познавшіе «вѣру истинную Людей Божіихъ» и скитающіеся по міру, замаливая грѣхи человѣческіе. Это и были наши фанатики Андрей Ивановъ и Мартынъ Родіоновъ.

Съ самаго появленія своего въ кораблѣ Акулины Ивановны они сильно заинтересовали собою Анну Романовну, но особенно возбуждалъ ея вниманіе Андрей. Вскорѣ любопытство ея возрасло до того, что она пригласила Андрея къ себѣ въ избу. Посадивъ его рядомъ съ собой, она взяла крестъ и, по заведенному обычаю, первѣе всего хотѣла «привести его на путь» [13]). Но тутъ случилось то, чего она никакъ не ожидала. Вырвавъ у Анны Романовны изъ рукъ крестъ, нѣмой Андрей вдругъ заговорилъ:

«Дай-ка я тебя самоё сызнова приведу», вскричалъ онъ.

Эта внезапность до того поразила неприготовленную Анну Романовну, что съ нею сдѣлался обморокъ. Едва она очнулась, Андрей, подъ глубочайшей тайной и всевозможными заклятіями никому ничего не расказывать, открылъ ей, что онъ-то и есть государь Петръ Ѳеодоровичъ, ожидаемый Людьми Божіими, и затѣмъ немедленно скрылся.

---

[10]) Округа—это средина моленной, гдѣ лже-пророки вертятся, ожидая наитія св. духа и пророчествуютъ.

[11]) Слова—это пророчества, предсказанія лже-пророковъ хлыстамъ.

[12]) Это видно изъ указаннаго выше письма князя Вяземскаго, изъ изслѣдованія г. Надеждина и другихъ источниковъ.

[13]) Обратить въ ересь цѣлованіемъ креста.

Прошло нѣсколько дней. У Акулины Ивановны было сборище. Пришло около восьмидесяти человѣкъ хлыстовъ. По обычаю, мужчины сидѣли по правую, женщины по лѣвую сторону. Акулина Ивановна сидѣла въ переднемъ углу на особой скамьѣ, а Анна Романовна ходила въ «словѣ». Вдругъ послѣдняя видитъ входящаго Андрея. Какъ и прежде, онъ усѣлся на порогѣ. При его появленіи Анна Романовна затряслась, повернулась къ Андрею и заговорила:

«Самъ богъ пришелъ! Теперь твой конь бѣлъ и смиренъ!»

Съ крестомъ въ рукѣ стала она потомъ обходить собраніе и каждому давала подержать крестъ. Дойдя же до Андрея, она совсѣмъ отдала ему крестъ и, обратясь къ другимъ пророкамъ, сказала:

«Ступайте на округу и отгадайте, у кого богъ живетъ?»

Нѣсколько человѣкъ вышли на середину моленной и начали вертѣться. Долго они вертѣлись, но не могли отгадать мудреной загадки. Тогда Анна Романовна взяла крестъ изъ рукъ Андрея и сказала, указывая на него:

«Смотрите, вѣрные-праведные, вотъ у кого богъ живетъ!»

Потомъ, велѣвъ выдвинуть на средину моленной сундукъ и посадивъ на него, рядомъ съ собой Андрея, она обратилась къ нему съ такимъ предсказаніемъ:

«Ты одинъ откупишь земель иностранныхъ товары, и будутъ у тебя просить ихъ, но ты никому не давай и не показывай, а сиди крѣпко на своемъ сундукѣ! Тебя здѣсь предадутъ, но хотя ты и будешь сосланъ далеко и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, претерпѣвъ великія бѣды, ты снова воротишься въ свою Россію и потребуешь всѣхъ пророковъ къ себѣ на лице и станешь судить ихъ своимъ судомъ! И тогда всѣ цари, короли и архіереи поклонятся тебя и отдадутъ великую честь, и пойдутъ за тобой народы всякаго чина, полки полками!» [14])

---

[14]) Тѣже страды и донесеніе крестьянина Ивана Андреянова, поданное императору Александру Павловичу 16 февраля 1825 г., еди-

Такъ совершилось торжественное признаніе Андрея Иванова лже-христомъ и лже-Петромъ Θеодоровичемъ въ одномъ изъ самыхъ громадныхъ хлыстовскихъ кораблей— Орловскомъ кораблѣ Акулины Ивановны, получившей, вслѣдствіе этого, отъ своихъ послѣдователей новое титло: «матушки христа», «богородицы».

Понятно, что признаніе Андрея Иванова ожидаемымъ христомъ со стороны такой могущественной пророчицы, какою была Анна Романовна и притомъ признаніе на округѣ, въ «словѣ» т. е. будто-бы подъ наитіемъ Св. Духа, не могло встрѣтить въ кораблѣ ни малѣйшихъ возраженій. Какъ бы повидимому ни казалось сумазброднымъ признаніе Сыномъ Божіимъ безвѣстнаго бродяги; но, въ глазахъ хлыстовъ, какъ велѣніе Божіе, оно требовало полнаго и безпрекословнаго повиновенія.

Вѣсть объ этомъ событіи быстро разнеслась между хлыстами Орловской губерніи. До однихъ она дошла въ томъ видѣ, что въ кораблѣ «владычицы» Акулины Ивановны открылся христосъ, воплотившійся въ пречистую плоть юродиваго-молчальника, Кіевскаго затворника Андрея; до другихъ, болѣе посвященныхъ въ тайны секты, она дошла всецѣло, т. е. что тамъ открылся христосъ іисусъ, государь Петръ Θеодоровичъ.

Подготовивъ такимъ образомъ почву, Андрей и Мартынъ смѣло выступили съ своей проповѣдью «убѣленія» или оскопленія. Первоначально, при содѣйствіи Акулины Ивановны и лже-пророка ея корабля Романушки, имъ удалось соблазнить и оскопить такого же проходимца какъ и они сами, крестьянина Тульской губерніи Александра Иванова Шилова, того самаго, котораго скопцы величаютъ «предтечей» [15]). На сколько важно было для нихъ пріобрѣтеніе Шилова, это видно изъ отзывовъ о немъ самаго Андрея, который впослѣдствіи говорилъ о немъ

ногласное показаніе всѣхъ скопцовъ, открывавшихъ происхожденіе ереси. Изъ этихъ же источниковъ видно также и то, что корабль Акулины Ивановны находился близь Орла (а не въ Тульской губерніи, какъ до сихъ поръ писали) и что она жила въ Орлѣ, а умерла и погребена въ Кромскомъ уѣздѣ.

[15]) Тѣже страды.

скопцамъ такъ: «Скажу вамъ о своемъ возлюбленномъ «сыночкѣ Александрѣ Ивановичѣ, который наперсникомъ «моимъ былъ и родился съ благодатью. Еще, живучи въ «мірѣ, онъ бога узналъ, произошелъ всѣ вѣры; былъ и «перекрещенцемъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, «а самъ говорилъ: не истинна эта вѣра, и постоять не«за что! О! Кабы нашелъ я самую истинную вѣру, пло«ти своей не пощадилъ бы, радъ бы головушку за нее «сложить и плоть свою на мелкія части раздробить! И «господь услышалъ его обѣщаніе и избралъ его мнѣ въ «помощники. Онъ былъ мнѣ вѣрный другъ, великій по«мощникъ и воинъ непобѣдимый: до конца жизни своей «ревностно воевалъ противъ грѣха и много мнѣ помо«галъ. Нѣтъ и не будетъ равнаго ему!» [16]). Но время для дѣятельности Шилова тогда еще не наступило: онъ не умѣлъ оскоплять [17]), а на первое время такое умѣнье было необходимо. Поэтому, оставивъ пока Шилова, Андрей съ Мартыномъ отправились въ путь одни. Пришедши въ деревню Богдановку тойже Орловской округи, Андрей соблазнилъ тамъ и оскопилъ тринадцать человѣкъ крестьянъ полковника Александра Турчанинова. Въ числѣ оскопленныхъ былъ крестьянинъ Ѳедоръ Лопатинъ, въ послѣдствіи и обнаружившій настоящее имя и званіе оскопителя [18]). Изъ Богдановки фанатики прошли въ сельцо Васильевское, помѣщицы Дурново, и здѣсь совратили еще нѣсколько человѣкъ, которыхъ Андрей и оскопилъ [19]).

Но на этомъ и остановились первые успѣхи ихъ въ Орловской губерніи. Въ кораблѣ Акулины Ивановны успѣ-

---

[16]) Тѣже страды и показанія скопцовъ.

[17]) Унтеръ-офицеръ Архиповъ, давшій, во время слѣдствія надъ Московскими скопцами въ 1835 году, весьма обстоятельное показаніе, утверждаетъ, что Шиловъ только совратилъ его Архипова въ скопчество, а оскоплялъ его и другихъ, по приказанію Шилова, солдатъ Казуткинъ, и вообще Архиповъ, бывшій свидѣтелемъ всей дѣятельности Шилова въ Ригѣ, не упоминаетъ, чтобы Шиловъ кого либо оскопилъ лично. Моск. Губ. Арх., Дѣло о Холуйковѣ № 27.

[18]) Дѣло Моск. Губ. Архива 1800 г. о скопцахъ по Орловской губерніи № 181300.

[19]) Ibidem.

ла образоваться враждебная Андрею партія. Несочувствовавшіе оскопленію хлысты тайно донесли полковнику Турчанинову объ оскопленіи тринадцати человѣкъ его крестьянъ. Турчаниновъ представилъ ихъ всѣхъ въ Орловскую провинціальную канцелярію. Пошли допросы, и имя Андрея Иванова выплыло наружу. Тотчасъ сдѣланы были распоряженія о его поимкѣ. Тогда Андрей и Мартынъ рѣшились бѣжать и, вѣроятно по совѣту Шилова, знавшаго конечно о существованіи хлыстовъ въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, направились туда.

Въ Алексинскій уѣздъ пришли они подъ видомъ тѣхъ же нищихъ-странниковъ, бродили по базарамъ и ярмаркамъ, распѣвая псалмы, заходили и на хлыстовскія сборища, питались по прежнему мірскимъ подаяніемъ, укрываясь, гдѣ день, гдѣ ночь, у своихъ «братій» хлыстовъ. На сборищахъ Андрей, по прежнему, садился у порога, былъ нѣмъ и глухъ, смиренъ и кротокъ, на арену же дѣятельности выдвигалъ Мартына. Послѣдній принималъ участіе въ радѣніяхъ, выходилъ на округу, пророчествовалъ и, подъ видомъ наитія св. духа, громилъ нечестіе хлыстовъ, порицалъ отступленіе ихъ отъ правилъ «чистоты» и цѣломудрія и проповѣдывалъ «убѣленіе». Притворяясь вдохновеннымъ, онъ, отъ имени таинственнаго христа Петра Ѳеодоровича, говорилъ Людямъ Божьимъ жалобныя рѣчи, призывая ихъ къ «чистотѣ» такими словами:

«Пріидите, мои дѣтушки, ко мнѣ на корабль, и я отецъ вашъ буду вамъ конечно радъ; пріидите, вы мои возлюбленные, на мой трубный гласъ, на мой жалобный вопль выходите изъ темнаго лѣсу, отъ лютыхъ звѣрей, отъ ядовитыхъ змѣй! Бѣгите вы, мои возлюбленные, отъ своихъ отцевъ и матерей, отъ своихъ женъ и дѣтей! Берите вы съ собой лишь однѣ души ваши, плачущія въ тѣлесахъ вашихъ! Почему же ты, человѣкъ, не идешь на гласъ сына божьяго, который толико лѣтъ зоветъ тебя отъ утробы матери твоей тѣлесной? Почему не ищешь ты себѣ матери небесной, которая воспитала бы душу твою благодатію господнею и привела бы ее къ жениху небесному, берущему за себя всю подвселенную и воз-

водящему душу вѣрную на небо, въ сонмъ вѣрныхъ-праведныхъ, преподобныхъ, богоносцевъ, мучениковъ, пророковъ, апостоловъ и учителей!» Но не успѣшна была здѣсь сначала ихъ проповѣдь: тульскіе хлысты не только не убѣдились ихъ доводами, но возненавидѣли ихъ самихъ за ихъ «чистоту» и начали гнать ихъ изъ дома въ домъ [20]). Хлысты возстали противъ изувѣровъ и не давали имъ покоя: какая-то пророчица покушалась убить Андрея камнемъ изъ за угла, а братъ ея стрѣлялъ въ него изъ ружья, но не попалъ. На одной ярмаркѣ поймали его солдаты, привязали къ телѣгѣ и остригли полголовы, такъ что онъ едва ночью успѣлъ бѣжать и соединиться съ своимъ товарищемъ Мартыномъ. Въ другомъ мѣстѣ ихъ обоихъ травили сабаками. Приходилось имъ укрываться и въ свиномъ хлѣву, и въ скотной избѣ, и въ падежной ямѣ, и въ стогу соломы. Однако фанатики не только не унялись, но продолжали свою проповѣдь. Прошли они въ сторону и снова показались на хлыстовскомъ сборищѣ, гдѣ Мартынъ снова заговорилъ къ хлыстамъ:

«Пробуждайтеся, други, отъ сна крѣпкаго, оставляйте вы житье свое лѣпкое, съ чистотой соединитеся, свѣту-батюшкѣ поклонитеся, сестры съ братьями не садитеся!...»

Но проповѣдь эта окончательно вывела хлыстовъ изъ терпѣнія, и послѣ одного сборища Мартына Родіонова подкараулили и убили, а на увернувшагося Андрея пожаловались своему главному пророку Филимону.

Вѣроятно Филимонъ пригрозилъ ему доносомъ, потому что Андрей Ивановъ бросился въ сторону и лѣсомъ пробрался на фабрику капит. Лугинина. Здѣсь пріютилъ и

---

[20]) Изъ отношенія, производившаго слѣдствіе о возникновеніи скопчества, Тамбовскаго вице губернатора Шрейдера отъ 19 сентября 1816 года, на имя главнокомандующаго въ Петербургѣ, видно, что секту скопцовъ основали двое бродягъ Андрей и Кондратій, бродившіе по хлыстовскимъ караблямъ и въ 1771 году пришедшіе въ Алексинскій уѣздъ Тульской губерніи (Моск. Губ. Арх. Дѣло № 27 т. 6. Производство 1835 г. о Холуйковѣ и др. стр. 196—201). Изъ страдовъ же видно, что скопческій ересіахръ пришелъ въ Тульскую губернію съ Мартыномъ Родіоновымъ. Остальное взято изъ страдъ, страницы 1, 2 и 3-я. Тутъ Мартынъ назывался Кондратіемъ.

укрылъ его писарь той фабрики, крестьянинъ-хлыстъ Емельянъ Ретивой. Ретивой помѣстилъ Андрея Иванова въ житницѣ, куда самъ, тайно отъ домашнихъ, носилъ ему пищу. Мало по малу Андрей началъ склонять Ретиваго къ оскопленію, увѣряя, что безъ того онъ не будетъ въ состояніи сохранить чистую вѣру «Людей Божіихъ». При этомъ Андрей намекнулъ Ретивому, что онъ скрываетъ у себя не простаго человѣка, а самаго христа Петра Ѳеодоровича.

«Боюсь, чтобы не умереть», сказалъ на убѣжденія Андрея Ретивой.

— Не бойся, отвѣчалъ ему Андрей, не только не умрешь, а еще паче воскресишь душу свою, и будетъ тебѣ легко и радостно, и станешь какъ на крыльяхъ летать: духъ божій вселится въ тебя, и душа твоя обновится! Сходи къ своему пророку Филимону, и онъ тебѣ скажетъ, что въ твоемъ домѣ невидимо самъ богъ проживаетъ.

Ретивой поѣхалъ къ Филимону. И вотъ на сборищѣ, когда дошла очередь до Ретиваго, Филимонъ, по обычаю, между разными предсказаніями, прорекъ Ретивому, какъ и другимъ вліятельнымъ хлыстамъ, что и благодать съ нимъ пребываетъ, и богъ его любитъ и невидимо въ его домѣ живетъ [26]).

Экзальтированный Андреемъ, Ретивой понялъ пророчество Филимона буквально, вполнѣ увѣровалъ въ Андрея и принялъ отъ него оскопленіе. Подъ вліяніемъ Ретиваго оскопилось еще нѣсколько человѣкъ фабричныхъ крестьянъ [22]).

Теперь положеніе Андрея Иванова упрочилось; онъ сталъ твердой ногой на новой почвѣ: Ретивой былъ на столько богатъ и вліятеленъ, что не только могъ защитить Андрея отъ преслѣдованія хлыстовъ, но и доставить ему дальнѣйшіе успѣхи на избранномъ имъ кровавомъ поприщѣ.

---

[21]) Тѣже страды, страницы 14, 15, 8, 9 и 10-я.

[22]) Отношеніе Тамбовскаго вице-губернатора Шрейдера отъ 19 сентября 1816 г. къ главнокомандующему въ Петербургѣ (Москов. Губ. Арх., Дѣло № 27. т. 6. Производство 1835 г. о Холуйковѣ и др.).

Въ тоже время къ Андрею Иванову прибылъ новый другъ и наперсникъ—упоминавшійся выше Александръ Ивановъ Шиловъ.

Оставивъ ихъ у себя въ домѣ укрѣплять въ новыхъ прозелитахъ ересь, Ретивой уѣхалъ въ Тамбовскую губернію, въ село Сосновку Моршанскаго уѣзда, для закупки кожъ. Въ Сосновкѣ Ретивой склонилъ къ оскопленію сосновскихъ дворцовыхъ крестьянъ гр. Бенкендорфа Софона Попова и Ивана Прокудина и увезъ ихъ къ себѣ на Лугининскую фабрику, гдѣ Андрей Ивановъ и совершилъ надъ ними операцію оскопленія. Воротившись домой, Поповъ и Прокудинъ соблазнили сына Попова Ульяна (женатаго и имѣвшаго дѣтей), Сосновскаго дьякона Семена Алексѣева и крестьянъ Пимена Плотицина и Кузьму Топоркова. Поповъ и Прокудинъ сами повезли ихъ къ Ретивому, въ домѣ котораго Андрей оскопилъ и ихъ [23]), послѣ чего оскопленные уѣхали домой.

Въ 1774 году Андрей Ивановъ, сопутствуемый Шиловымъ (называвшимся Кондратіемъ), отправился самъ въ Сосновку. Остановившись въ домѣ Софона Попова, они открыли здѣсь первыя скопческія сборища, ничѣмъ впрочемъ существеннымъ неотличавшіяся тогда отъ радѣній хлыстовскихъ. Здѣсь же, въ домѣ Попова, Андрей Ивановъ производилъ и операціи оскопленія надъ новыми прозелитами, которые не замедлили явиться по его прибытіи въ Сосновку [24]). Такъ, вскорѣ по прибытіи, онъ оскопилъ сосновскаго дьячка Савелія Алексѣева и зажиточныхъ сосновскихъ крестьянъ Ивана Карнѣева, Іону Холина и Алексѣя Тарасова [25]). Теперь уже Андрею Иванову въ дѣлѣ совращенія помогали Шиловъ и первооскопленные Андреемъ сосновскіе крестьяне. И помощь ихъ, какъ видно, была не безплодна, потому что въ короткое время Андрей успѣлъ оскопить не только многихъ сосновскихъ крестьянъ, но и нѣсколькихъ однодворцевъ

---

[23]) Тоже отношеніе вице-губернатора Шрейдера и изслѣдованіе о скопцахъ г. Надеждина, стр. 35.

[24]) Тоже отношеніе вице-губернатора Шрейдера.

[25]) Помянутыя страды, стр. 84.

изъ селъ Лѣвыхъ и Правыхъ Ламокъ Моршанскаго уѣзда. Такъ въ это время оскоплены сосновскіе крестьяне Василій, Петръ, Степанъ и Гаврило Поповы, Иванъ Панфиловъ Казарцевъ и ламовскіе однодворцы Егоръ и Иванъ Дробышевы и Ѳедоръ Кузнецовъ [26]). Вслѣдъ за тѣмъ, не довольствуясь взрослыми, Андрей Инановъ началъ оскоплять и малолѣтнихъ.

Въ началѣ 1775 года, въ глубокую полночь, въ избѣ Софона Попова, было сборище: человѣкъ двадцать мужиковъ, въ бѣлыхъ длинныхъ рубахахъ, подпоясанныхъ узенькими поясами, сидѣли на лавкахъ, стоявшихъ у стѣнъ. Лица ихъ были блѣдны, морщиноваты, всѣ они держали въ рукахъ бѣлые платки. Въ переднемъ углу подъ образами, у маленькаго столика, покрытаго бѣлою скатертью, сидѣлъ старикъ высокаго роста съ большими глазами, широкимъ ртомъ, нѣсколькими волосками на подбородкѣ, длиннымъ, желтымъ, обвислымъ лицомъ и широкимъ ртомъ. Одѣтъ онъ былъ какъ и остальные собравшіеся. На столикѣ возлѣ него лежали деревянный восьмиконечный крестъ и пачка бѣлыхъ, восковыхъ свѣчь. Большая русская печь въ заднемъ углу ярко топилась. Тутъ же была устроена постель. Всѣ окна были занавѣшаны разнымъ тряпьемъ. Отворилась дверь, и въ избу вошелъ лѣтъ сорока крестьянинъ съ такимъ же блѣднымъ отекшимъ лицомъ, ведя за руку двѣнадцати-лѣтняго мальчика, одѣтаго въ обыкновенное крестьянское платье. Они остановились у порога. При входѣ ихъ всѣ встали, зажгли у образовъ свѣчи, а старикъ, взявъ крестъ, сталъ у столика. Тогда всѣ начали молиться на старика, полагая поклоны съ крестнымъ знаменіемъ. Помолившись и установясь рядами, запѣли: «Царю небесный», «Пріидите поклонимся....», «Елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся, аллилуія!» Затѣмъ старикъ, обратясь къ мальчику, спросилъ:

«Ты зачѣмъ пришелъ?»

---

[26]) Указъ Тамбовской Уголов. Палаты отъ 24 апрѣля 1836 года Моршанскому Уѣздному Суду. Въ дѣлѣ Моск. Губ. Арх. о скопцахъ Сѣровѣ и Прибытковѣ № 27, т. 5.

— Богу помолиться, отвѣчалъ мальчикъ.

Положивъ крестъ на столикъ, старикъ снова обратился къ мальчику:

«По нашему жить, сказалъ онъ, такъ надо трудъ нести, вина не пить, мяснаго не ѣсть, избѣгать женщинъ и не только не жениться, но даже и не прикасаться къ женщинѣ, скверно-матерными словами не браниться, на свадьбы и крестины не ходить. Желаешь ли ты все это исполнять?»

— Желаю, несвязно проговорилъ мальчикъ.

Тогда всѣ взяли въ руки зажженныя восковыя свѣчи; такую же свѣчу дали и мальчику, котораго подвели къ самому столику. Тутъ старикъ, обращаясь снова къ мальчику, заговорилъ:

«Ну говори за мной: пришелъ я къ тебѣ, господи, на истинный путь спасенія, не по неволѣ, а по своему желанію, и обѣщаюсь тебѣ, господи, про дѣло сіе святое никому не открывать, въ чемъ даю порукой сына твоего іисуса христа! Обѣщаюсь тебѣ, господи, за дѣло сіе святое претерпѣть гоненіе, мученіе, огнь, воду, кнутъ, топоръ, плаху и смерть, но отъ дѣла твоего святаго отнюдь не отказываться! Прости меня, господи, прости меня, пресвятая богородица, прости меня, ангелы, архангелы, херувимы и серафимы и вся небесная сила! —Теперь цѣлуй крестъ!»

Мальчикъ приложился ко кресту. Тогда два человѣка подошли къ нему съ бѣлой длинной рубахой, разомъ сдернули съ него верхнее платье и сорочку и накинули на него свою бѣлую рубаху. Затѣмъ снова стали класть земные поклоны и запѣли: «Дай къ намъ, господи....» Во время пѣнія, одинъ изъ предстоявшихъ завязалъ мальчику глаза платкомъ, а другой вытащилъ изъ печи длинный, раскаленный ножъ съ длинною рукоятью и подалъ старику. Мальчика схватили за руки у плечь, закинули на голову рубаху, взмахнулъ страшный ножъ, послышался раздирающій крикъ жертвы. . . . . .
Мгновенно погасили свѣчи, запѣли: «Христосъ Воскресе....» и начали кружиться и вертѣться по солнцу.

Старикъ этотъ былъ Андрей Ивановъ. Оскопленный мальчикъ былъ Алексѣй Кузминъ Топорковъ, сынъ провожавшаго его скопца крестьянина Кузмы Топоркова [27]).

Въ февралѣ того же 1775 года было снова подобное же сборище въ избѣ Софона Попова: тутъ Андрей Ивановъ оскопилъ сосновскаго крестьянина Ивана Семыкина и пріемыша скопца Ивана Карнѣева, крестьянина Дѣя.

Затѣмъ Андрей Ивановъ, находя вѣроятно, что на первый разъ въ Сосновкѣ сдѣлано достаточно и что дальнѣйшіе успѣхи подобнаго рода могли бы повести къ открытію его преступной дѣятельности, уѣхалъ съ Шиловымъ обратно въ Алексинскій уѣздъ къ Ретивому, а оттуда, для большей безопасности, пробрался въ Тулу [28]).

Всего оскоплено было имъ въ Сосновкѣ и Правыхъ и Лѣвыхъ Ламкахъ около шестидесяти человѣкъ [29]).

Между тѣмъ, по возбужденному полковникомъ Турчаниновымъ въ Орлѣ дѣлу о тринадцати оскопленныхъ крестьянахъ деревни Богдановки, вслѣдствіе донесенія Орловской канцеляріи, 2-го іюля 1772 года, состоялся Высочайшій указъ императрицы Екатерины II, на имя полковника Волкова. Полковнику Волкову повелѣвалось ѣхать въ Орелъ, узнать на мѣстѣ, есть ли тамъ дѣло о «новаго рода нѣкоторой ереси», истребовать это дѣло и безъ малѣйшей медленности, самому, безъ огласки, изслѣдовать его. Въ тоже время Волкову поручалось постановить и приговоръ надъ виновными на слѣдующихъ основаніяхъ: зачинщика и его сообщниковъ въ изуродованіи другихъ высѣчь кнутомъ на мѣстахъ ихъ дѣятельности и сослать въ Нерчинскъ «вѣчно»; тѣхъ, которые, бывъ совращены сами, другихъ на то совращали, высѣчь батожьемъ и сослать въ фортификаціонную работу въ Ригу; простяковъ же, совращенныхъ другими и слѣпо повино-

---

[27]) Моск. Губ. Архивъ. Показ. Алек. Топоркова 1816 года; помян. указъ Тамб. Угол. Палаты, дѣло этой Палаты о Моршан. скопцахъ 1816—1820 гг. и пок. скопца Амфилохія Васильева. Дѣло 1835 г. № 27, т. 6.

[28]) Изслѣдованіе г. Надеждина, стр. 35—37.

[29]) Отношеніе вице-губернатора Шрейдера.

вавшихся безумію своихъ наставниковъ, оставить въ мѣстахъ жительства, отдавъ лишь подъ надзоръ мѣстной полиціи и помѣщиковъ. Кромѣ того Волкову внушалось, чтобы онъ не придавалъ особенной важности этому дѣлу и трактовалъ его не какъ политическое, а какъ обыкновенное гражданское [30]).

О результатахъ поѣздки Волкова въ Орелъ документовъ не сохранилось. Но изъ предъидущаго мы видѣли, что ни Андрея Иванова, ни Мартына Родіонова онъ не нашелъ уже въ Орловской губерніи. Кромѣ того изъ сохранившагося указа Военной Коллегіи Орловскому рекрутскому присутствію, отъ 25 февраля 1774 года, и изъ слѣдствія, произведеннаго въ 1800 году Орловскимъ губернаторомъ, видно слѣдующее. Сначала тринадцать богдановскихъ скопцовъ были оставлены на мѣстѣ жительства, а потомъ въ 1774 году тѣ изъ нихъ, которые, кромѣ порока оскопленія, соотвѣтствовали требованіямъ рекрутскаго устава, сданы въ рекруты. Но видно не всѣ оказалиль годными, потому что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ все таки осталось на мѣстѣ жительства [31]).

Между тѣмъ, по отъѣздѣ Андрея Иванова изъ Сосновки, тамъ стали сильно поговаривать о неизвѣстныхъ людяхъ, перепортившихъ много народу. Узналъ объ оскопленіи сына и отецъ Ивана Семыкина и произвелъ огласку. Въ тоже время какая-то крестьянка, зашедши нечаянно въ избу Софона Попова, увидѣла тамъ крестьянина Дѣя въ крови, лечившагося послѣ недавняго оскопленія. Не раздумывая долго, крестьянка отправилась къ сосновскому священнику Ивану Емельянову и сообщила о томъ, что видѣла. Иванъ Емельяновъ, взявъ товарища своего священника Герасима, тотчасъ отправился къ Попову и дѣйствительно нашелъ тамъ недавно оскопленнаго Дѣя. На распросы священниковъ, Дѣй объявилъ, что его чѣмъ-то опоили и оскопили въ безпамятствѣ [32]).

---

[30]) Первое Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. т. XIX № 13838.

[31]) Рапортъ Орловскато вице-губернатора генералъ-прокурору отъ 26 декабря 1800 г. № 4286 и дѣло о скопцахъ по Орловской губерніи въ Москов. Губ. Арх. № 181300 за 1800 годъ.

[32]) Изслѣдованіе Надеждина, стр. 35—37.

Сосновскіе священники донесли объ этомъ, 16 марта 1775 года, Тамбовскому преосвященному Ѳеодосію. Преосвященный же, увѣдомивъ Тамбовскую провинціальную канцелярію, донесъ Святѣйшему Синоду. Едва Тамбовская провинціальная канцелярія начала слѣдствіе, какъ по Высочайшему повелѣнію прибылъ на мѣсто тотъ же Волковъ, переименованный передъ тѣмъ въ статскіе совѣтники.

Вытребовавъ дѣло, Волковъ приступилъ къ слѣдствію не только по Тамбовской, но и по Тульской провинціямъ. Волкову удалось обнаружить, что скопческая ересь выродилась около 1770 года изъ секты «хлыстовщины»; что основали ее двое бродягъ, изъ которыхъ одинъ былъ Андрей, а другой назывался Кондратіемъ; что, пришедши въ 1771 году въ Алексинскій уѣздъ на фабрику Лугинина, къ фабричному Ретивому, они убѣдили его и другихъ фабричныхъ оскопиться, для сохраненія во всей чистотѣ вѣры «Людей Божіихъ». Обнаружены были и поѣздка Ретиваго въ Сосновку и оскопленіе тамошнихъ крестьянъ, поѣздка туда самаго Андрея, радѣнія и оскопленія въ домѣ Попова и т. п.

Ретивой и сосновскіе скопцы тотчасъ были забраны въ Тамбовъ. Туда же былъ привезенъ и Андрей съ Шиловымъ, пойманные въ Тулѣ. Августа 16-го 1775 года Волковъ постановилъ о нихъ свой приговоръ. Андрей Ивановъ былъ наказанъ кнутомъ въ Сосновкѣ и сосланъ въ каторжную работу въ Нерчинскъ*). Шиловъ, Ретивой, Поповъ, Плотицинъ, Прокудинъ, Карнѣевъ, Топорковъ, Семыкинъ и дьяконъ Алексѣевъ признаны совратителями другихъ, наказаны батогами и сосланы въ крѣпостную работу въ г. Ригу. Всѣ же остальные скопцы, какъ никого сами дотолѣ не совратившіе и не оскопившіе, оставлены на мѣстѣ жительства безъ наказанія [33]). Бродяга

---

*) По прибытіи въ Иркутскъ онъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, оставленъ былъ тамъ на поселеніи, по неспособности къ работѣ.

[33]) Тоже отношеніе вице-губернатора Шрейдера и страды, стр. 81 и 82.

Кондратій (подъ каковымъ именемъ сопутствовали Андрею сначала Мартынъ, потомъ Шиловъ) конечно, не былъ розысканъ. Но на всякій случай Волковъ и его включилъ въ свой приговоръ, присудивъ его заочно къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторгу [34]).

Этими ссылками оканчивается первый фазисъ въ жизни русскаго скопчества, фазисъ его рожденія. Второй фазисъ составляетъ первоначальное распространеніе его по Россіи или основаніе первыхъ скопческихъ кораблей, о чемъ я и разскажу въ третьей главѣ.

---

[34]) Тоже отношеніе; поэтому скопецъ Кондратій, 35-ти лѣтъ, розыскивался и послѣ ссылки Андрея, что́ видно изъ вышеуказаннаго письма князя Вяземскаго къ Архарову.

III.

Приговоръ статскаго совѣтника Волкова не достигъ желаемыхъ результатовъ, не остановилъ скопчества. Причина этого частію заключалась въ самомъ характерѣ правительственныхъ мѣропріятій, частію же коренилась въ самомъ обществѣ и тогдашнемъ государственномъ строѣ.

Въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ заключалось одно чрезвычайно важное недоразумѣніе. Скопчество, въ томъ видѣ, какъ оно появилось у насъ, было не преступленіемъ, вопіявшимъ о законномъ отмщеніи, а страшной, заразительной болѣзнью,—новой язвой на организмѣ русскаго общества. Поэтому и къ обнаруженнымъ тогда скопцамъ слѣдовало отнестись не какъ къ преступникамъ, подлежавшимъ карѣ закона, а какъ къ больнымъ неизлѣчимою и въ тоже время весьма прилипчивою болѣзнью. Вмѣсто наказанія и ссылки однихъ и оставленія въ покоѣ другихъ, необходимо было всѣхъ безъ исключенія найденныхъ тогда скопцовъ совершенно исторгнуть изъ общества, отнявъ у нихъ всякую возможность заражать своимъ безуміемъ другихъ. Ни суровость наказанія относительно совратителей, ни гуманность относительно совращенныхъ не были умѣстны въ данномъ случаѣ. Первая, окруживъ совратителей ореоломъ мнимаго мученичества, лишь сильнѣе возбудила фанатизмъ изувѣровъ. Послѣдняя сохранила въ центрѣ Имперіи разсадникъ будущаго развитія секты. Отложивъ въ сторону и излишнюю гуманность, и безполезную жестокость, необходимо было поразить болѣзнь въ самомъ корнѣ, ссылкою всѣхъ безъ исключенія зараженныхъ ею въ такія мѣстности, въ которыхъ ядъ заразы былъ бы совершенно безвреденъ.

Но и внѣ круга правительственной дѣятельности лежали причины безуспѣшности первыхъ мѣропріятій противъ скопцовъ. Причины эти заключались въ мистицизмѣ,

объявшемъ общество въ концѣ XVIII вѣка, въ невыносимой тяжести крѣпостнаго права, побуждавшей народъ на всевозможныя крайности, въ низкомъ уровнѣ умственно-религіознаго развитія и въ полнѣйшемъ несовершенствѣ тогдашняго государственнаго строя, подъ эгидой котораго процвѣтали всякаго рода преступленія, толпами бродили бѣглые, безслѣдно изчезали цѣлыя семьи и т. п. Все это, взятое вмѣстѣ, сдѣлало то, что скопчество, не смотря на своевременно принятыя правительствомъ мѣры, не только не было пресѣчено въ корнѣ, но распространялось съ изумительной, для такого дикаго явленія, быстротой.

Много заманчиваго представляло скопчество въ тогдашнее темное время. Человѣкъ крайне религіозный, но не развитый, могъ видѣть въ немъ радикальное лекарство отъ смущавшихъ его грѣховъ любострастія. Крестьянинъ, задавленный барщиной и непроизводительной семьей, сознательно топившій свое отчаяніе въ пьянствѣ, находилъ въ немъ полный выходъ изъ своего безотраднаго положенія. Въ настоящемъ скопчество спасало его отъ семьи, тяжелымъ бременемъ ложившейся на его плеча и вылѣчивало отъ пьянства. Въ будущемъ же оно сулило ему надежду на благосостояніе и свободу, такъ какъ бережливость, воздержная жизнь и отсутствіе многихъ потребностей, неразрывныя съ скопчествомъ, давали къ тому полную возможность. Солдату, угнетенному, обезличенному и безъ того лишенному семейныхъ радостей, оно представляло вѣрный способъ разомъ покончить со всѣми тѣми недостатками, которые наиболѣе были нетерпимы въ его положеніи. Вмѣсто наказаній за пьянство, воровство и развратъ, онъ могъ разчитывать на всѣ выгоды, доступныя примѣрному служакѣ, такъ какъ всѣ названные пороки, съ принятіемъ скопчества, устранялись сами собой. Къ этому присоединялось и ложное толкованіе, что само Евангеліе указываетъ на скопчество, какъ на истинный путь ко спасенію. Разъяснить же дѣйствительный смыслъ Евангельскаго текста о скопчествѣ было некому. Бѣглому и преступнику, при несовершенствѣ администраціи, скопчество доставляло и вѣрный пріютъ у послѣдователей секты, и фальшивый паспортъ, и новое имя,

навсегда укрывавшее перваго отъ помѣщика, а послѣдняго отъ правосудія [35]).

Наконецъ скопчество всегда имѣло твердую и готовую почву въ хлыстовщинѣ. Сходство вѣрованій и обрядовъ для всякаго ревностнаго хлыста дѣлало переходъ въ скопчество весьма легкимъ.

Вотъ причины, парализовавшія успѣшность мѣръ, принятыхъ Императрицей Екатериной II противъ распространенія секты скопцовъ.

И дѣйствительно, обращаясь къ фактамъ, мы видимъ, что не прошло десяти лѣтъ послѣ сосновскихъ казней, какъ оставленный на мѣстѣ жительства, сосновскій же скопецъ Иванъ Панфиловъ Казарцовъ собралъ разсѣявшійся корабль своего первоучителя Андрея Иванова и началъ вербовать новыхъ прозелитовъ не только въ Сосновкѣ, но и въ сосѣднихъ селахъ [36]). Въ тоже время, оскопленные Андреемъ, Алексинскіе фабричные крестьяне хлыста отставнаго капитана Ивана Лугинина, образовали въ Москвѣ, въ домѣ своего господина, настоящій скопческій корабль. Во главѣ этого корабля находились скопцы: приказчикъ Лугинина Маркъ Екушовъ и домовые служители Шеметовъ, Астаховъ и Богатыревъ. Тутъ производились и радѣнія, и оскопленія. Слѣдя за разнаго рода тайными обществами, Московскій главнокомандующій князь Прозоровскій, въ 1792 году, напалъ на скопцовъ корабля Лугинина. Объ этомъ открытіи онъ сообщилъ, въ іюлѣ того же года, графу Зубову, прося его испросить Высочайшее повелѣніе, какъ поступить съ этими скопцами, относительно которыхъ въ законѣ не было никакихъ указаній. О результатахъ этого сообщенія никакихъ документовъ не оказалось [37]). Вѣроятно, въ ви-

---

[35]) По одному Моршанскому уѣзду съ 1775 по 1790 годъ производилось болѣе 100 дѣлъ о бѣглыхъ крестьянахъ, фальшивыхъ видахъ и т. п.

[36]) Ibidem, Указъ Тамб. Угол. Палаты отъ 24 апр. 1836 г. въ дѣлѣ о Сѣровѣ и Прибытковѣ № 27.

[37]) Ibidem, Дѣло о скопцахъ, раскольникахъ и раскольничьихъ кладбищахъ 1792 года № 181102.

ду грозныхъ событій, совершавшихся тогда на западѣ Европы, на открытіе князя Прозоровскаго не было обращено вниманія, и оно осталось безъ послѣдствій.

Этими же скопцами, по всему вѣроятію, были совращены въ секту Московскіе купцы Жигаревъ, ведшій оптовую торговлю съ Сибирью и его комиссіонеры братья Ѳедоръ и Тимофей Евсеевы Колесниковы, оскопленные между 1785 и 1790 годами. Изъ двухъ братьевъ Колесниковыхъ особенно замѣчателенъ первый, Ѳедоръ Евсеевъ Колесниковъ, по прозванію «Масонъ». Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ Новиковымъ, былъ лично извѣстенъ Государынѣ Императрицѣ и Великому Князю Павлу Петровичу и пользовался ихъ довѣріемъ. Даже прозвище «Масона» получилъ онъ отъ Императрицы, называвшей его такъ за его связи съ масонами. Такъ какъ онъ часто ѣздилъ въ Сибирь по дѣламъ Жигарева, то весьма понятно, что на него, какъ на человѣка пользовавшагося довѣріемъ, были иногда возлагаемы порученія и отъ Высочайшаго Двора [38]). Несомнѣнно и то, что, бывая въ Иркутскѣ, Масонъ видѣлся тамъ съ Андреемъ Ивановымъ, утѣшалъ и ободрялъ его надеждою на лучшія времена. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы увидимъ, какую роль игралъ Колесниковъ-Масонъ въ развитіи скопчества, а теперь перейдемъ къ ближайшему разсказу о скопцахъ.

Изъ Москвы скопчество проникло въ тѣ подмосковныя мѣстности, гдѣ издавна были хлысты. Такъ, около 1790 года, появилось нѣсколько скопцовъ въ дворцовомъ селѣ Царицынѣ. Во главѣ ихъ стоялъ крестьянинъ Иванъ Сорокинъ. Тогда же появились они и въ Подольскомъ уѣздѣ, въ экономической деревнѣ Ѳоминской и селѣ Булатниковѣ. Здѣсь былъ и скопитель, Ѳоминскій крестьянинъ Василій Хрѣновъ. Въ тоже время показались скопцы и въ Серпуховскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Максимихѣ и въ Калужской губерніи, въ деревняхъ князя Прозоровскаго и князя Волконскаго [39]).

---

[38]) Изслѣд. г. Надеждина. [39]) Приговоръ Москов. Уголов. Палаты 5 декабря 1813 года; слѣдств. производство засѣдателя Подольскаго

Теперь перенесемся въ г. Ригу, куда сосланы были ближайшіе наперсники Андрея Иванова и посмотримъ, что̀ дѣлалось тамъ около 1790 года.

Была осенняя пора, канунъ годоваго праздника. Въ глубокую полночь, въ домѣ Рижскаго мѣщанина Дегтярева, въ просторной горницѣ, освѣщенной бѣлыми восковыми свѣчами, собралось человѣкъ тридцать народу. Лица собравшихся были желты, обвислы, глаза тусклы, пальцы на рукахъ блѣдны и вытянуты. Всѣ они были въ длинныхъ, бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ узенькими поясами. Собраніе къ чему-то прислушивалось. Вдругъ на дворѣ послышался шумъ. Собравшіеся вскочили съ лавокъ и заговорили: «катитъ нашъ батюшка, нашъ Александръ Ивановичъ!» Растворились двери, и въ комнату вошло семь человѣкъ съ такими же дряблыми лицами, апатичными глазами и вытянутыми пальцами, одѣтые въ арестантское платье. Вошедшіе были Шиловъ и его товарищи, сосновскіе скопцы, отпущенные въ домъ Дегтярева изъ Динаминдской крѣпости, гдѣ ихъ содержали крайне слабо. Ожидавшіе ихъ у Дегтярева люди были частію солдаты квартировавшаго въ Ригѣ Нотенбургскаго полка, а частію мѣстные купцы и мѣщане. Тѣ и другіе уже нѣсколько лѣтъ были скопцами. Совращены они были Шиловымъ, а оскоплены, по его распоряженію, инженернымъ унтеръ-офицеромъ скопцомъ Савельемъ Казуткинымъ.

Шиловъ усѣлся въ переднемъ углу, его товарищи помѣстились съ нимъ рядомъ. Остальные скопцы расположились по прочимъ лавкамъ. Когда всѣ усѣлись, Шиловъ обратился къ собранію съ такою рѣчью:

«Други мои возлюбленные, вѣрные-праведные, внемлите глаголу устъ моихъ: не пейте вы вина, въ немъ бо есть блудъ, не кушайте мяса, ибо то есть грѣхъ, непрощаемый ни въ семъ свѣтѣ, ни въ будущемъ, будьте скромны, трудолюбивы, служите вѣрно, никого не обижайте и обрѣтете на землѣ счастіе, а на небесахъ жизнь

Земскаго Суда Лебедева, такое же производство Серпуховскаго Земскаго Суда. Дѣло Моск. Губ. Арх. № 10/5888 т. 1-й.

вѣчную съ праведными. Вспомните государя нашего родимаго батюшку, искупителя насъ грѣшныхъ. Истинный отецъ нашъ искупитель сими цвѣтами себя украшалъ до воспріятія данной ему отцемъ его небеснымъ чаши сладчайшаго питія, до восшествія на крестный престолъ и воспріятія на главу короны огненной. Послалъ онъ всѣмъ своимъ дѣтушкамъ сильныя обороны, чтобы ихъ не заклевали вороны. Онъ самъ себя не жалѣлъ, а дѣтушекъ своихъ всё лелѣлъ: не словами и языкомъ за нихъ отвѣчалъ, а разнымъ похожденіемъ и дѣйствительными страдами на своихъ ручушкахъ качалъ. А во время своего странствованія, отецъ нашъ искупитель былъ въ Тулѣ, и есть тамъ монастырь Воздвиженья. И онъ нашъ батюшка всходилъ тамъ на колокольню, одной рукой въ колоколъ звонилъ, другой же въ громогласную трубушку трубилъ и со всѣхъ четырехъ сторонушекъ къ себѣ дѣтушекъ манилъ: «Вы подите, мои дѣтушки, взывалъ нашъ батюшка, на мой корабль, подите, мои возлюбленные, на мой трубный гласъ, выходите изъ лѣсу темнаго, отъ лютыхъ звѣрей и ядовитыхъ змѣй!» И на его жалобный гласъ и на колокольный звонъ стали дѣтушки его отъ вѣчнаго сна пробуждаться, стали головы свои изъ гробовъ поднимать, изо дна моря выплывать, изъ темнаго лѣсу выходить и къ нему приходить! А на крестъ отдали нашего родимаго батюшку свои-Божьи Люди. Жилъ онъ въ Тулѣ у жены грѣшницы, у Ѳедосьи Іевлевны. Она его приняла, а свои не приняли, а еще доказали и привели къ ней въ домъ солдатъ команду. А онъ нашъ отецъ былъ въ подпольи, тамъ и жилъ. Божьи Люди стали говорить и указывать: «ломайте полъ—онъ тамъ въ подпольѣ!» И разломали, а его не нашли. Два раза приходили и два раза не нашли. Пришли въ третій разъ, нашли и вытащили его за святые волоса и, бога не боясь, били его чѣмъ попало. А наказывать повезли нашего родимаго батюшку въ Сосновку. Тутъ его дѣтушки за тридцать верстъ встрѣчали, слезно плакали-рыдали и говорили: «везутъ нашего родимаго батюшку!» Въ Сосновкѣ наказывали его кнутомъ и долго сѣкли безъ всякой пощады. И повели его потомъ въ Иркутскъ на ка-

натѣ вмѣстѣ съ разбойниками и душегубцами. И наказывалъ онъ намъ своимъ дѣтушкамъ: «храните чистоту и всѣмъ будете довольны, и тайнымъ, и явнымъ! А я съ вами со всѣми увижусь!.....»

Долго говорилъ Шиловъ, и долго слушали его, горько рыдавшіе, скопцы. Умолкъ наконецъ Шиловъ. Поднялись всѣ съ мѣстъ, поклонились ему въ ноги съ крестнымъ знаменіемъ и началось пѣніе: пѣли про батюшку-искупителя, про его страды тяжкія, про его нужды долгія. И до разсвѣта домъ Дегтярева оглашался дребезжащими, нестройными голосами скопцовъ [40]).

Изъ Риги скопчество откинулось въ Ревель, а оттуда въ Петербургъ. Около 1790 года во главѣ петербургскаго скопческаго корабля находились скопцы: Ревельскіе мѣщане Гаврила Матвѣевъ и Михаила Савельевъ, оскопившіеся хлысты Сидоръ и Иванъ Яковлевы Ненастьевы, имѣвшіе домъ въ Староконюшенной улицѣ, купецъ Андрей Костровъ, жившій близь Шестилавочной улицы и Алексѣй Даниловъ Огородниковъ, имѣвшій домъ у Московской заставы [41]).

---

[40]) Показаніе 75 лѣтняго скопца унтеръ-офицера Дениса Архипова 1835 года въ дѣлѣ о скопцахъ Холуйковѣ и др. № 27; страды стр. 1—37 и др. документы.

[41]) Ibidem. Дѣло объ открытыхъ въ 1806 году скопцахъ № 185198. Шестилавочная улица—это нынѣшняя Надеждинская улица.

IV.

О жизни Андрея Иванова въ Иркутскѣ оффиціальныхъ свѣдѣній не сохранилось. Но изъ «страдовъ» видно, что онъ не прекратилъ общенія съ своими послѣдователями. Въ страдахъ разсказывается объ этомъ такимъ образомъ.

Пять лѣтъ скопцы не знали о мѣстопребываніи своего первоучителя. Потомъ «нарядилъ» Богъ дочку его Анну Софоновну. И стало отъ нея въ «духѣ» (пророчествѣ) выходить, какъ отца искупителя находить и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить. Нарядилъ Богъ «судьбою своею» Алексѣя Тарасьевича и Марея Карповича. И сказалъ имъ «духъ» чрезъ уста Анны Софоновны: «ступайте, дѣтушки, за своимъ батюшкой». Они же отвѣчали: «куда мы пойдемъ и гдѣ мы его найдемъ?» И велѣлъ «духъ» искать его въ Иркутскѣ. Благословясь, помолились скопцы всею обителью Богу, сдѣлали складчину, и посланцы поѣхали. Вотъ пріѣзжаютъ они въ Иркутскъ-городъ. Лошадей поставили на постоялый дворъ, да и говорятъ между собою: «Ну вотъ и пріѣхали, что̀ же теперь будемъ дѣлать?» Однако пошли они на базаръ. А тамъ Андрей Ивановъ ходилъ съ блюдомъ и собиралъ на церковное строеніе. Увидавъ своихъ, онъ подошелъ къ нимъ и говоритъ: «Здравствуйте! Никакъ вы Россійскіе?» Тутъ-то посланцы признали его и залились горькими слезами. А онъ и говоритъ имъ: «молчите, молчите! ступайте на постоялый дворъ, а я самъ къ вамъ приду!» И пришелъ онъ къ нимъ повечеру, долго бесѣдовалъ и отъ радости ночевать съ ними остался.—Стали посланцы уговаривать Андрея ѣхать съ ними въ Россію. «Мы за тобой пріѣхали, государь-батюшка», говорили посланцы. «Нѣтъ, отвѣчалъ Андрей, я видѣлъ сонъ, будто по дорогѣ разставлены веретья*), и нѣтъ мнѣ дороги къ

*) Веретья—тенеты; смыслъ тотъ, что его на дорогѣ поймаютъ.

вамъ.... Когда вы чанъ слезъ наплачете, тогда отецъ небесный отпуститъ меня къ вамъ, а теперь не настало еще время!» И поѣхали посланцы домой одни и возвратились въ Сосновку. Встрѣтили ихъ тутъ свои и горючими слезами заливались, и сердцами «своему батюшкѣ отдавались». И доходили ихъ слезы къ нему въ Иркутскъ по подземелью и обжигали его ноги, и онъ ихъ спрашивалъ: «чьи вы, слезы?» И слезы ему сказывали, чьи онѣ!..... [42]).

И такъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II не настало еще время возвратиться въ Россію скопческому лже-искупителю. Тогда припомнили скопцы тѣ рѣчи, которыя слышали отъ него еще до ссылки въ Сибирь.

Говорилъ онъ имъ тогда:

«Ей, ей! Бойтеся, други, Великаго Россійскаго Князя и Бѣлаго Царя Императора Петра! Ей, повѣрьте ему и будьте вѣрны его сыну Великому Князю Павлу Петровичу! А вѣдь когда воцарится и превозвысится и уже совсѣмъ приметъ престолъ, тогда и многія власти своего чину лишатся, тогда всякая власть и сила его почтутъ!..... «Вѣдь мы за тѣмъ и помазанники божіи, добавлялъ онъ, что намъ господь во всемъ поможетъ!» [43]) Припомнивъ эти рѣчи; скопцы порѣшили, что время возвращенія лже-искупителя въ Россію настанетъ лишь съ воцареніемъ Императора Павла Петровича. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ они ждали этого событія, надѣясь, что Государь Павелъ Петровичъ возвратитъ ихъ лже-искупителю, котораго они дѣйствительно считали Петромъ III, подобающую ему честь, и власть, и славу.

Неудивительно послѣ этого, что вступленіе на престолъ Государя Императора Павла I-го, совершившееся 6 ноября 1796 года, произвело между скопцами страшное оживленіе и возбудило неимовѣрныя надежды. Петербургскіе скопцы завели дѣятельную переписку съ Ри-

---

[42]) Страды, стр. 39—48.

[43]) Первое посланіе лже-искупителя къ скопцамъ, писанное еще до ссылки его въ Сибирь. Старинный списокъ съ этого посланія найденъ у Московскихъ скопцовъ въ 1870 году.

гой, Ревелемъ и Москвой. Мигомъ подготовлена была интрига, расчитанная на довѣрчивость новаго Государя. Изъ Москвы тотчасъ примчался скопецъ Колесниковъ-Масонъ, извѣстный довѣріемъ къ нему Высочайшаго Двора. Немедленнно представился онъ Государю и, въ видѣ великой тайны, доложилъ, что Императоръ Петръ III живъ и находится въ Иркутскѣ, гдѣ онъ Масонъ лично его видѣлъ. При этомъ повторены были сказки о солдатѣ, спасшемъ будто бы покойнаго Государя, и о скитальческой жизни спасеннаго Царя. Казнь и ссылка Андрея Иванова конечно были объяснены страннымъ недоразумѣніемъ со стороны властей и т. п. Въ подтвержденіе своихъ словъ Масонъ, вѣроятно, сослался на Шилова и Петербургскихъ скопцовъ.

Докладъ этотъ, если и не могъ внушить къ себѣ довѣрія, то, во всякомъ случаѣ, былъ на столько важенъ, что Государь рѣшился лично видѣть человѣка, выдававшаго себя за покойнаго Императора, равно какъ и тѣхъ лицъ, на которыхъ ссылался Масонъ. Немедленно отдано было секретное приказаніе привезти Андрея Иванова въ Петербургъ. Сюда же велѣно было привезти изъ Риги Шилова и его товарища сосновскаго первооскопленника Софона Попова. Между тѣмъ Масонъ и Петербургскіе скопцы Огородниковъ, Матвѣевъ, Агеевъ и Савельевъ были тоже представлены Государю и вслѣдъ затѣмъ арестованы [44]). Въ началѣ декабря того-же 1796 года Егоръ Егоровичъ Гине (впослѣдствіи президентъ Лифляндскаго оберъ-гофъ-герихта) привезъ въ Петербургъ и прямо представилъ Государю Шилова и Попова. Императоръ довольно долго тихо говорилъ съ Шиловымъ и Поповымъ, затѣмъ приказалъ Гине сдать ихъ Петербургскому военному губернатору Николаю Петровичу Архарову. Самому же Гине приказано было навѣщать скопцовъ и доносить, если они будутъ заявлять что либо важное [45]).

---

[44]) Изслѣдованіе Надеждина и показанія скопцовъ.

[45]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. Русскій Архивъ, изд. г. Бартенева 1872 г., стр. 151.

Между тѣмъ къ концу января 1797 года привезенъ былъ въ Петербургъ и Андрей Ивановъ. До сихъ поръ не разъяснено: прямо ли изъ Сибири былъ привезенъ Андрей Ивановъ или, какъ показывали нѣкоторые скопцы, успѣлъ бѣжать оттуда ранѣе и поджидалъ случая въ Москвѣ. Документовъ объ этомъ нѣтъ, но вѣрно то, что 27 января 1797 года онъ былъ представленъ Императору Павлу Петровичу. Понятно, что первый взглядъ на Андрея Иванова окончательно убѣдилъ Государя въ самозванствѣ бродяги. Разговоръ же съ нимъ удостовѣрялъ, что Андрей былъ положительно помѣшанный.

Если вѣрить показаніямъ скопцовъ, то Государь спросилъ Андрея Иванова:

«Почему ты называешься моимъ отцемъ?»

— Я грѣху не отецъ, отвѣчалъ фанатикъ, я чистотѣ отецъ, прими мою чистоту, и я буду тебѣ отцемъ! [46])

Результатомъ такого разговора было то, что Андрей Ивановъ, въ тотъ же день, былъ отправленъ въ домъ сумасшедшихъ, находившійся при Обуховской больницѣ, куда и поступилъ подъ именемъ «неизвѣстнаго». Черезъ два дня рѣшена была участь и остальныхъ скопцовъ, поднявшихъ всю эту тревогу. Всѣ они пятеро вмѣстѣ съ Шиловымъ были отправлены въ Шлиссельбургъ, для содержанія подъ крѣпкимъ карауломъ. Туда же вскорѣ были привезены изъ Динаминда и остальные сосланные по слѣдствію Волкова скопцы [47]).

Во все время царствованія Павла I-го, Андрей Ивановъ безвыходно сидѣлъ въ домѣ сумасшедшихъ. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра Павловича взгляды правительства измѣнились. Сектаторство совершенно утратило въ его глазахъ свой политическій характеръ: ему стали придавать исключительно религіозное значеніе, обращая на него вниманіе лишь на столько, на сколько оно имѣло отношеніе къ чисто уголовному праву. Но и на уголовныя правонарушенія сектъ смотрѣли крайне снисходительно. Словомъ, терпимость ко

---

[46]) Показанія скопцовъ Дениса Архипова, Ивана Михайлова и др.

[47]) Изслѣдованіе г. Надеждина и страды, стр. 74 и 78-я.

всевозможнымъ религіознымъ заблужденіямъ доведена была до самыхъ широкихъ размѣровъ. Такъ смотрѣлъ новый Государь и на скопчество. Онъ видѣлъ въ немъ лишь религіозное увлеченіе, доводящее людей до преступленія вреднаго лишь самому преступнику. Государю не были извѣстны ни политическія тенденціи секты, ни то страшное отрицаніе, съ которымъ относились скопцы не только ко всѣмъ основамъ политическаго, гражданскаго и общественнаго быта, но и къ успѣхамъ ума человѣческаго. О томъ же, что скопцы, по самому существу своего физическаго положенія, не могутъ не быть пропагандистами, тогда никто и не подозрѣвалъ. Въ виду всего этого, сочтено было вполнѣ достаточнымъ задерживать дальнѣйшее развитіе секты лишь мѣрами кротости и путемъ разумныхъ увѣщаній. Мысль о томъ, что разумъ не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ дѣйствуетъ безуміе и что нужно лечить болѣзнь совершеннымъ удаленіемъ зараженныхъ ею отъ общества, тогда еще не была принята въ соображеніе [48].

Такимъ образомъ милости, излитыя Государемъ при вступленіи его на престолъ, на разныхъ преступниковъ, распространены были и на скопцовъ. Содержавшіеся въ Шлиссельбургѣ Сосновцы, кромѣ Шилова, передъ тѣмъ умершаго, были освобождены и разосланы по монастырямъ, гдѣ имъ послѣ разрѣшено было и постричься въ монахи. Петербургскіе же скопцы Савельевъ съ товарищами и Колесниковъ-Масонъ получили полную свободу. Вслѣдъ затѣмъ коммиссіи, учрежденной для пересмотра старыхъ уголовныхъ дѣлъ, поручено было разобрать дѣла и объ остальныхъ скопцахъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые не скопили другихъ, повелѣно было возвратить въ мѣста жительства; скопителямъ же велѣно было облегчить наказаніе, если вина ихъ не вполнѣ была доказана.

Но не успѣла еще коммиссія представить свой докладъ, какъ Андрей Ивановъ, благодаря милосердію Монарха, получилъ полное облегченіе своей и безъ того нетяжелой участи. О немъ доложено было Государю особо и, со-

---

[48]) Дѣла о скопцахъ съ 1800 по 1825 годъ.

гласно принятой системѣ терпимости, 6 марта 1802 года, состоялось Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Андрея Иванова изъ дома умалишенныхъ и помѣщеніи въ богадѣльню въ Смольномъ. Сюда Андрей Ивановъ былъ препровожденъ при отношеніи надзирателя городской больницы Солодовникова и назвался «Кондратіемъ Селивановымъ, крестьяниномъ села Столбова, Орловской округи». Подъ этимъ именемъ онъ и значится во всѣхъ, изданныхъ доселѣ, сочиненіяхъ о скопцахъ, хотя оно вовсе ему не принадлежало. Произведеннымъ въ 1844 году въ Столбовѣ дознаніемъ, при которомъ спрошены были причтъ, Волостное Правленіе и столбовскіе старожилы до 80-ти лѣтняго возраста, положительно обнаружено, что о Кондратіѣ Селивановѣ въ Столбовѣ никогда даже и слуховъ не было [49]).

Разсмотрѣвъ дѣла Тамбовской Верхней Расправы съ 1770 по 1800 годъ и сообразивъ извлеченныя изъ нихъ свѣдѣнія съ другими историческими данными, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно принятія Андреемъ Ивановымъ имени Кондратія Селиванова, крестьянина села Столбова. Фамилія Селивановыхъ была общераспростроненная, въ 1770—1800 годахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ долго скитался Андрей Ивановъ, именно въ Тамбовскомъ и Моршанскомъ уѣздахъ и потому могла быть почему либо особенно ему памятна [50]). Подъ именемъ же «Кондратія» долго дѣлилъ съ Андреемъ его черные дни первый другъ и вѣрный, неизмѣнный товарищъ его Мартынъ Родіоновъ. Что касается села Столбова, то оно отстояло отъ родины Андрея, села Брасова, всего въ двадцати верстахъ и конечно памятно ему было потому, что съ этого мѣста началась его пропаганда и скитальческая жизнь. И такъ изъ этихъ трехъ воспоминаній, вѣроятно, дорогихъ его сердцу, Андрей Ивановъ и составилъ свое новое имя и званіе. Открыть же свое настоящее имя для Андрея Иванова значило отречься навсегда отъ того мрачнаго дѣла, которому онъ съ такимъ

---

[49]) Изслѣдованіе г. Надеждина.

[50]) Дѣла Тамбовской Верхней Расправы въ Моск. Арх. Мин. Юст. №№ 303, 341, 378.

постоянствомъ отдался и ради котораго пожертвовалъ и своимъ прошедшимъ и будущимъ.

Что имя Кондратія вовсе не принадлежало ему, это доказывается и тѣмъ, что соловецкіе скопцы, которымъ дѣла скопчества слишкомъ хорошо были извѣстны, въ своихъ признаніяхъ вездѣ называютъ его Андреемъ, а не Кондратіемъ.

Въ это время выступила на арену скопческой дѣятельности новая личность, о которой предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ. Послѣ третьяго раздѣла Польши, въ русскую службу вступилъ каммергеръ короля Станислава-Августа Понятовскаго, Алексѣй Михайловичъ Елянскій. Около 1794 года Елянскій (вѣроятно въ это время принявшій православіе) переименованъ былъ въ статскіе совѣтники съ пенсіономъ изъ Кабинета. Проживалъ онъ въ Петербургѣ. Чрезъ свою землячку полковницу Екатерину Филиповну Татаринову (урожденную Буксгевденъ), извѣстную основательницу хлыстовскаго корабля въ Михайловскомъ замкѣ, онъ сошелся съ Петербургскими хлыстами и въ томъ числѣ съ домомъ Ненастьевыхъ, обратившимся въ скопчество. Духъ радикально-фанатической секты скопцовъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ крайне-мистическому настроенію Елянскаго и его симпатіямъ къ аскетической жизни. Не извѣстно, когда именно Елянскій принялъ оскопленіе, но въ восьмисотыхъ годахъ онъ уже всей душой былъ преданъ скопцамъ и игралъ непослѣднюю роль въ средѣ руководителей Петербургскаго скопческаго корабля. Для послѣднихъ же пріобрѣтеніе такого человѣка, какъ Елянскій, было и лестно, и во многихъ отношеніяхъ выгодно. Елянскій имѣлъ большія связи и литературный талантъ даже и на русскомъ языкѣ. Въ концѣ января 1802 года Елянскій, по Высочайшему повелѣнію, присланъ былъ къ митрополиту Амвросію, для помѣщенія въ Александро-Невскую Лавру. При этомъ ему назначенъ былъ изъ Кабинета пенсіонъ по 250 рублей въ годъ. Въ Лаврѣ ему отвели приличную келью и оказывали всевозможное пособіе.

Къ этому-то вліятельному собрату своему скопцы обратились съ просьбою выхлопотать Андрею Иванову полное

освобожденіе. И вотъ 23 іюля того же 1802 года С. Петербургскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія предписалъ надзирателю богадѣльни «уволить Кондратія Селиванова просителю статскому совѣтнику Елянскому» [51]). Елянскій принялъ Андрея Иванова изъ богадѣльни лишь на бумагѣ. Въ дѣйствительности же Андрей прямо поселился у одного изъ вождей Петербургскаго скопческаго корабля, Сидора Яковлева Ненастьева, въ его домѣ въ Староконюшенной улицѣ. Въ послѣдствіи Андрей Ивановъ перешелъ отъ Ненастьева къ другому вліятельному скопцу Андрею Иванову Кострову, номинально женатому на Афросиньѣ Софоновой Поповой, дочери сосновскаго первооскопленника Софона Попова, сестрѣ лже-пророчицы Анны Софоновой Поповой [52]).

Еще прежде, когда между скопцами пронесся слухъ, что ихъ государь-батюшка возвращается въ Петербургъ, сюда со всѣхъ сторонъ стали стекаться скопцы «во срѣтеніе государю батюшкѣ». Такимъ образомъ и многіе сосновскіе скопцы, успѣвшіе между тѣмъ разбогатѣть и приписаться къ Моршанскому купечеству, прибыли въ Петербургъ, иные на время, иные на всегда. Теперь же, когда Андрей Ивановъ окончательно соединился съ «своими дѣтушками», Петербургъ сдѣлался для нихъ настоящимъ «Новымъ Іерусалимомъ», «Горнимъ Сіономъ». Теперь Петербургъ сдѣлался мѣстомъ, куда новые прозелиты стремились для принятія «убѣленія» отъ самаго «живаго бога», оскопленные—для поклоненія ему, учители и пророки,—для полученія отъ него инвеституры на свое учительство и пророчество. Домъ Ненастьева сталъ «Сіонской Горницей», гдѣ скопцы совершали свои радѣнія въ присутствіи самаго «живаго бога» [53]).

И такъ, благодаря непостижимой игрѣ случая, исполнилось предсказаніе Андрея, произнесенное имъ на пре-

---

[51]) Изслѣдованіе г. Надеждина.

[52]) Отношеніе вице-губернатора Шрейдера, показаніе Дениса Архипова и др.

[53]) Донесеніе крестьянина Андреянова отъ 16 февраля 1825 г. отношеніе вице-губернатора Шрейдера, показаніе Михайлова и т. п.

щаньи съ сосновскими скопцами: онъ снова соединился съ ними. Но какой поразительный контрастъ представляло прошедшее съ настоящимъ! Мѣсто глухаго степнаго села заступила столица Имперіи, резиденція Высочайшаго Двора; вмѣсто простыхъ деревенскихъ крестьянъ явились богатѣйшіе столичные купцы, лица, облеченныя саномъ священства и монашества, и люди чиновные, въ родѣ Елянскаго; скитальческую жизнь, нищенскую суму, вѣчный страхъ и укрывательство во ржи, соломѣ, свиномъ хлѣву, падежной ямѣ—замѣнили полная свобода, довольство, великолѣпныя палаты, сонмъ слугъ; мѣсто кандаловъ, острога, кнута и каторги замѣнила «честь божеская и царская,» воздаваемая въ торжественныхъ собраніяхъ благоговѣющихъ дѣтушекъ. Было отъ чего помѣшаться и не такой головѣ, какъ у Андрея!

И дѣйствительно дальнѣйшіе поступки Андрея Иванова заставляютъ положительно сомнѣваться въ нормальности его умственныхъ способностей.

Вотъ что̀ разсказывалъ онъ о себѣ своимъ дѣтушкамъ, что̀ передавали они другимъ и чему до настоящаго времени слѣпо вѣруютъ скопцы:

Онъ, т. е. Андрей Ивановъ, есть истинный свѣтъ, истинный богъ и истинный сынъ божій, сошедшій вторично на землю, для новаго искупленія рода человѣческаго, посредствомъ огненнаго крещенія, т. е. оскопленія. Снисшелъ же онъ съ неба не по своей волѣ. Прислали его на землю самъ отецъ его небесный и матушка Акулина Ивановна, грѣха тяжкаго недоточная, чистая дѣвица непорочная, владычица небесная, дорогая полковница. Она была не простая женщина. Была она изъ царскаго роду, царица Елизавета Петровна. Процарствовавши всего два года и поручивъ царство любимой фрейлинѣ своей, совершенно похожей на нее лицомъ, она оставила свой царскій престолъ, свое прежнее имя, назвалась Акулиной Ивановной и поселилась въ Орлѣ—«укрылась», «утаилась». Онъ же истинный свѣтъ искупитель, сынъ божій родился отъ нея не по плоти, а отъ духа святаго и во младенцахъ не былъ, а прямо принялъ пречистую плоть и имя императора Петра Ѳеодоровича. Онъ

тоже царствовалъ недолго — всего шесть мѣсяцевъ; а тамъ позналъ и принялъ «чистоту». За это Императрица Екатерина II возненавидѣла его, а князья и вельможи рѣшились погубить его. Тогда онъ задумалъ оставить свои царскіе чертоги, свои преславные престолы и царство, укрыться подобно матушкѣ свой Елизаветѣ Петровнѣ и приступить къ своему призванію—спасенію людей, посредствомъ огненнаго крещенія. Онъ, зная, какъ богъ, о днѣ исполненія заговора; перемѣнился платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, и тотъ умеръ въ царской опочивальнѣ и похороненъ вмѣсто царя. А онъ, принявъ нищенскій образъ, пошелъ странствовать по Россіи и землямъ заграничнымъ съ проповѣдью «огненнаго крещенія». Въ Россіи онъ странствовалъ больше въ странѣ полуденной: губерніяхъ Орловской, Курской, Калужской, Тульской, Тамбовской и Воронежской. Былъ онъ и въ кораблѣ матушкѣ своей Акулины Ивановны, у которой были тысячные полки Людей Божіихъ (хлыстовъ) и великая пророчица Анна Романовна. Анна Романовна была знатная, придворная дама, раздѣлившая съ Акулиной Ивановной ея уединеніе. И какъ только онъ вступилъ въ «соборъ» [54]) своей матушки Акулины Ивановны, такъ Анна Романовна тотчасъ признала его и передъ цѣлымъ соборомъ назвала «богомъ боговъ» и «царемъ царей». Но «Люди Божіи», по слѣпотѣ своей, не всѣ признали его. И бесѣдовалъ онъ съ матушкой своей Акулиной Ивановной и съ великой пророчицей Анной Романовной наединѣ. И видѣла Анна Романовна отъ «духа» видѣніе, что полетѣла отъ него птица по всей вселенной, чтобы возвѣстить, что онъ богъ надъ богами, царь надъ царями и пророкъ надъ пророками. Случился въ то время въ кораблѣ Акулины Ивановны возлюбленный другъ и наперсникъ его, тайный совѣтникъ и вѣрный, неизмѣнный посланникъ и казначей Александръ Ивановичъ (Шиловъ). Послалъ онъ Андрей Ивановъ къ Александру Ивановичу своего слугу Романушку и велѣлъ возвѣстить Александру Ивановичу объ истинной вѣрѣ. Но Александръ

---

[54]) Соборъ—сборище, молитвенное собраніе.

Ивановичъ сказалъ Романушкѣ, чтобы онъ прислалъ того, отъ кого посланъ; «съ нимъ поговорилъ бы я, прибавилъ Александръ Ивановичъ, но я знаю, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ, а только онъ одинъ могъ грѣховный узелъ развязать!» Тогда Андрей Ивановъ самъ пошелъ къ Александру Ивановичу, и тотъ встрѣтилъ его съ радостію, исповѣдалъ въ немъ сына божія и принялъ отъ него чистоту. Потомъ странствовалъ онъ Андрей Ивановъ по Тульской губерніи съ своимъ любезнымъ сыномъ, вѣрнымъ другомъ и неизмѣннымъ товарищемъ Мартыномъ Родіоновичемъ. А Мартынъ Родіоновичъ былъ знатный вельможа, изъ рода князей Дашковыхъ, раздѣлившій съ своимъ спутникомъ его инкогнито и для того перемѣнившій свое вельможество на «нищенскій образъ». Ходили они по «Божьимъ Людямъ», проповѣдуя чистоту. Но ослѣпленные «Люди Божіи» не признали ихъ, возненавидили ихъ чистоту, гнали ихъ изъ дома въ домъ и много разъ покушались убить. И много испыталъ Андрей Ивановъ тогда нуждъ всякихъ, и негдѣ ему было головы приклонить. Наконецъ укрылъ и пріютилъ его «божій человѣкъ» Аверьянъ, исповѣдалъ его божество и принялъ «чистоту». Потомъ онъ странствовалъ по Тамбовской и другимъ полуденнымъ губерніямъ. Когда же пришло время ему пострадать за дѣтушекъ, то, по изволенью божью, донесли на него свои же люди. И взяли его на крестъ въ Тулѣ у жены грѣшницы Ѳедосьи Іевлевны и повели его съ великимъ торжествомъ въ Тамбовъ, а оттуда въ Сосновку. Тутъ наказывали его на двухъ человѣкахъ Іонушкѣ и Ульянушкѣ [55]). Били его жестоко и безчеловѣчно. Послѣ наказанія, дѣтушки, сняли съ него окровавленную рубашку, а на него надѣли свою бѣлую. И тутъ-то онъ сказалъ имъ, что непремѣнно увидится со всѣми ими. Изъ Сосновки повели его въ Иркутскъ на канатѣ вмѣстѣ съ ворами и убійцами. Вмѣстѣ съ нимъ скованъ былъ разбойникъ, сначала сильно притѣснявшій его, а потомъ увѣровавшій и принявшій его

---

[55]) Сосновскіе скопцы, Іона Холинъ и Ульянъ Софоновъ Поповъ, братъ лже-пророчицы Анны Софоновны.

чистоту. Въ Иркутскѣ ходилъ онъ по городу съ блюдомъ и собиралъ на церковное строеніе. Когда же воцарился Императоръ Павелъ Петровичъ, то скопцы доложили ему, что отецъ его живъ и страдаетъ въ Иркутскѣ. Тогда Государь «сильно затужилъ, всѣ собранья отложилъ» и мигомъ послалъ за нимъ гонцевъ. Когда же его привезли, то Царь спросилъ: «Старинушка, говорятъ, что ты мнѣ отецъ?» А онъ Андрей Ивановъ сказалъ: «я грѣху не отецъ, а чистотѣ отецъ: прими мою чистоту, и я буду тебѣ отцомъ». На это Государь разгнѣвался и закричалъ: «я не хочу быть въ твоей вѣрѣ, а за этотъ за смѣшокъ посажу тебя въ мѣшокъ!» Онъ же кротко отвѣчалъ: «Ты земная клечетина, ночью же твоя кончина! Я изберу себѣ царя-бога на кругу; онъ будетъ мирно управлять, властямъ воли не давать, а всѣми тронами, дворцами Александра благословлю!» Разгнѣванный Государь тотчасъ отправилъ его въ богадѣльню, гдѣ онъ (Андрей Ивановъ) и жилъ до смерти Государя. Императоръ же Александръ Павловичъ, познавъ его божество, немедленно далъ ему свободу, чтобы онъ могъ проповѣдывать свою чистоту [56]).

Первые годы царствованія Императора Александра Павловича были годами реформъ и внутреннихъ преобразованій. Старыя учрежденія временъ Петра I-го и Екатерины II замѣнялись новыми министерствами, совѣтами, канцеляріями. Ожидали и болѣе существенныхъ преобразованій.

Зорко слѣдя за направленіемъ, господствовавшимъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, скопцы находили это время какъ нельзя болѣе удобнымъ для проведенія и своихъ замысловъ. Безпримѣрное снисхожденіе къ нимъ Государя, удача во всѣхъ дѣлахъ и бредни Андрея Иванова внушили имъ смѣлый планъ: сдѣлать Андрея и своихъ лже-пророковъ фактическими распорядителями судебъ Имперіи. Этимъ могла осуществиться мнимая мис-

---

[56]) Донесеніе Андреянова. Тайности скопческой ереси архимандрита Досиѳея. Страды и оглавленіе къ нимъ. Показанія Будылина, Архипова, Михайлова и др. Отношеніе Шрейдера.

сія ихъ лже-искупителя: оскопить всю Россію, а за ней и другія государства. Понятно, что подобнаго рода планы и мечты могли родиться лишь въ разстроенномъ мозду скопцовъ. Разработку этого плана и дальнѣйшее его движеніе принялъ на себя, весьма естественно, Елянскій. Въ тиши своей кельи, въ Александро-Невской Лаврѣ, вырабатывалъ онъ проэктъ скопческо-ѳеократическаго правленія въ Россіи, или учрежденія «Божественной Канцеляріи». По проэкту Елянскаго, во всякій городъ, въ каждый полкъ и на всякій корабль слѣдовало назначить скопца-іеромонаха и скопца-пророка, но такъ, чтобы ни свѣтское, ни духовное начальство не знали, что они скопцы. Затѣмъ начальники городовъ, полковъ и кораблей не должны были предпринимать ничего, не посовѣтовавшись предварительно съ такимъ іеромонахомъ. Послѣдній же, узнавая волю Божію черезъ пророка, долженъ былъ направлять дѣятельность начальниковъ, согласно этому высшему указанію. Самъ Елянскій съ двѣнадцатью пророками хотѣлъ состоять, для той же цѣли, при главной арміи. Андрей же Ивановъ долженъ былъ находиться при особѣ самаго Государя, секретно руководя высшими правительственными распоряженіями и возсылая на всякое благое начинаніе благословеніе и покровъ Отца Небеснаго. Весь этотъ ѳеократическій строй и долженъ былъ составлять такъ называемую «Божественную Канцелярію».

Къ этому проэкту Елянскій присоединилъ краткую записку подъ заглавіемъ: «Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается». Здѣсь, называя Андрея Иванова богодохновеннымъ сосудомъ, въ которомъ полный духъ святый съ отцемъ и сыномъ присутствуетъ, Елянскій благоразумно умалчиваетъ о политическомъ самозванствѣ Андрея. При этомъ онъ высказываетъ, что скопцы суть единые истинные христіане, сохранившіе, во всей чистотѣ, преподанное Спасителемъ міра ученіе. Онъ говоритъ, что одни скопцы, по примѣру Апостольской церкви, руководятся постояннымъ, непрерывнымъ откровеніемъ отъ Духа Святаго, возвѣщаемымъ чрезъ пророковъ; что затѣмъ всѣ остальные люди, именующіеся христіанами, основывающіе все на мертвыхъ книгахъ, преданіи и обрядности,

вовсе не христіане; а ихъ духовенство, сдѣлавшее изъ своего сана лишь прибыльное ремесло, есть не что иное, какъ книжники и фарисеи. «Мы же, говоритъ Елянскій, истинные послѣдователи Христу, родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, Бога боящіеся, царя почитающіе, властямъ покоряющіеся, воздающіе дани и оброки..... Чиновный и простой, мы всѣ единочадцы Отца Свѣтовъ, Господа Іисуса Христа и такъ покорны волѣ Отца Небеснаго, яко никто имущество свое своимъ именуетъ, но вся Бога Отца, а не наше..... О чемъ молимся, никогда напередъ не знаемъ, но Духъ Божій, за кого и какъ молиться и поститься, прикажетъ, то только и стараемся сердечно воздыханіями неизглаголанными исполнять....»

Въ мартѣ 1804 года Елянскій, чрезъ Новосильцова, представилъ свой проектъ и «извѣстіе» на воззрѣніе Государя Императора [57]), а въ августѣ того же года онъ исчезъ изъ Александро-Невской Лавры навсегда. По Высочайшему повелѣнію онъ былъ отправленъ на жительство въ Спасо-Евѳиміевъ Суздальскій монастырь, куда изстари ссылали безумныхъ и сумасшедшихъ, почему либо заслуживавшихъ особаго вниманія правительства. Здѣсь, подъ именемъ Поляка Алексѣя Михайлова, прожилъ онъ до самой смерти своей, случившейся въ мартѣ 1813 года. Но и здѣсь онъ не переставалъ, ратовать на пользу скопчества, какъ это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго разсказа [58]).

Проэктъ Елянскаго нимало не пошатнулъ положенія скопцовъ. Слѣдуя принятой системѣ терпимости, Государь повелѣлъ и на этотъ разъ прибѣгнуть къ мѣрамъ кротости и вразумленія. Предположено было постараться, заискавъ довѣріе и откровенность начальниковъ секты, убѣдить ихъ въ пагубности дальнѣйшаго ея распространенія и затѣмъ уже черезъ нихъ дѣйствовать и на остальныхъ сектаторовъ [59]). Въ то время духовными дѣ-

---

[57]) 4-я кн. Чтеній Моск. Общ. Ист. и Древ. за 1867 годъ.

[58]) Изслѣдованіе Надеждина.

[59]) Дѣло Моск. Губ. Арх. 1806 г. объ открывшихся въ Москвѣ скопцахъ № 185198.

лами завѣдывалъ оберъ-прокуроръ Св. Синода князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, поклонникъ Бема, Эккартгаузена, Сведенборга, извѣстный своими симпатіями къ хлыстамъ. Ему-то и С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору графу П. А. Толстому поручено было привести эти предположенія въ исполненіе. Князь Голицынъ и графъ Толстой отправились къ Андрею Иванову въ домъ Ненастьева, гдѣ онъ въ то время проживалъ. Понявъ изъ первыхъ словъ, что за люди были передъ нимъ, Андрей Ивановъ, съ видомъ полной откровенности, высказалъ свое ученіе, выставляя его конечно въ самомъ невинномъ свѣтѣ. Затѣмъ онъ, не только за себя, но и за своихъ послѣдователей, далъ обѣщаніе не допускать болѣе оскопленій, говоря, что время для этого уже прошло и что оскопленіе теперь не своевременно [60]).

Восхищенные такимъ быстрымъ и удачнымъ выполненіемъ возложеннаго на нихъ порученія, князь Голицынъ и графъ Толстой совершенно успокоили Государя на счетъ секты. Кромѣ этой существенной пользы, посѣщеніе князя Голицына и графа Толстаго доставило скопцамъ и другія неисчислимыя выгоды. Андрей Ивановъ не могъ не произвесть на такого мистика, какъ князь Голицынъ, самаго выгоднаго впечатлѣнія. Съ легкой руки князя Голицына, Андреемъ начала интересоваться Петербургская знать. Знатныя барыни стали искать случая видѣть этого таинственнаго затворника. Случай представлялся самъ собою. Семейство Ненастьевыхъ, у которыхъ жилъ Андрей, имѣло большія знакомства и связи въ богатомъ кругу Петербургскаго общества; и не въ его расчетахъ было отказывать знати въ удовлетвореніи ея любопытства. И вотъ у дома Ненастьевыхъ стали останавливаться ряды каретъ. Знатныя барыни уѣзжали отъ Андрея Иванова вполнѣ восхищенныя: имъ удалось увидѣть настоящаго праведника, блаженнаго, послушать его наставленій, получить предсказаніе будущаго и какую-нибудь вещицу на память, образокъ, крестикъ, просфору, суха-

---

[60]) Ibidem и дѣло Арх. С. Петербургской Градской Полиціи 1819 года № 12.

рикъ и т. п. Онѣ ввели Андрея въ моду и между своими мужьями. Его начали навѣщать генералъ-губернаторъ, министры, оберъ-полицеймейстеръ; скопцы предупредительно показывали имъ свои моленія и радѣнія, при чемъ, конечно, не говорилось, не дѣлалось и не выставлялось на видъ ничего такого, что́ могло набросить невыгодную тѣнь на секту.

Между тѣмъ ряды каретъ у скопческой моленной и видъ выходящихъ изъ нихъ высокихъ сановниковъ производили на простой народъ одуряющее впечатлѣніе. По неволѣ могла родиться въ головѣ солдата, чернорабочаго или мѣщанина мысль, что вѣроятно все, творящееся въ этомъ домѣ, хорошо, если такія высоко-поставленныя лица, ближніе совѣтники Государя, навѣщаютъ этотъ домъ. Стекавшимся же со всѣхъ концовъ Россіи скопцамъ и хлыстамъ наперсники Андрея Иванова, не обинуясь, указывали на эти ряды каретъ и визиты, какъ на должную дань, отдаваемую «императору Петру Ѳеодоровичу» [61]).

Около 1811 г. Андрей Ивановъ изъ дома Ненастьева перешелъ въ домъ скопца Андрея Кострова, находившійся близь прежней Шестилавочной (нынѣ Надеждинской) улицы, именно на углу нынѣшней Знаменской улицы и Ковенскаго переулка. Рядомъ съ дворовымъ мѣстомъ Кострова, съ которымъ проживалъ его родной племянникъ скопецъ Степанъ Васильевъ Васильевъ [62]), находился дворъ одного изъ богатѣйшихъ тогдашнихъ скопцовъ Михаила Назарова Солодовникова, выходившій одной сто-

---

[61]) Это видно́ изъ донесенія Ивана Андреянова, показаній скопцовъ Ивана Михайлова и др. Такое значеніе приписываютъ этимъ визитамъ скопцы и въ настоящее время, и это одинъ изъ главныхъ пунктовъ, на которыхъ опирается ихъ твердая увѣренность, что Андрей Ивановъ былъ истинный Петръ III-й. Автору приходилось слышать отъ скопцовъ такія рѣчи: „если бы искупитель былъ не Петръ III-й, то зачѣмъ бы императору Павлу Петровичу возвращать его изъ Сибири, а вельможамъ и князьямъ ѣздить къ нему на поклонъ?“

[62]) Скопцы Андрей Костровъ и его племянникъ Степанъ Васильевъ Васильевъ или Кузинъ происходили изъ крестьянъ Вологодскаго уѣзда Оларевской волости, деревни Оларевой.

роной на Знаменскую улицу, а другой на нынѣшнюю Озерную и примыкавшій задами ко двору Кострова. Около 1816 года Солодовниковъ сломалъ стоявшій на его дворѣ, лицемъ къ Озерной улицѣ, старый свой домъ, отдѣлявшійся отъ этой улицы лишь двухсаженнымъ палисадникомъ. На мѣстѣ сломаннаго дома Солодовниковъ построилъ новый, просторный деревянный домъ, куда Андрей Ивановъ и перешелъ изъ дома Кострова въ 1817 году. Съ тѣхъ поръ домъ Солодовникова сталъ домомъ «государя-батюшки искупителя», «Божьимъ Домомъ», «Горнимъ Сіономъ».

Теперь посмотримъ, что происходило въ домѣ Солодовникова послѣ перехода въ него Андрея Иванова.

Домъ состоялъ изъ нижняго этажа и огромнаго мезонина. Нижній этажъ девятью окнами, а мезонинъ пятью окнами выходили на Озерную улицу, отъ которой отдѣлялись лишь помянутымъ палисадникомъ, огражденнымъ отъ улицы высокимъ заборомъ. Къ лѣвой сторонѣ дома примыкалъ пристроенный во всю ея длину корридоръ съ стеклянной отъ двора галлереей.

Былъ праздникъ, десять часовъ утра. Въ описанный корридоръ дома Солодовникова, дверью, ведшею со двора, входили два человѣка. Одинъ былъ въ унтеръ-офицерской сѣрой шинели, еще бодрый старикъ, съ рѣденькими усами, желтоватымъ, исхудалымъ лицомъ и тусклыми глазами. Другой былъ молодой человѣкъ выше средняго росту, съ широкимъ, полнымъ, но блѣдно-желтымъ лицомъ и глубоко впавшими глазами, вовсе безъ бороды и усовъ; одѣтъ онъ былъ въ поддёвку, поверхъ которой накинута была чуйка. Вошедши въ корридоръ, они прошли въ стеклянную дверь, находившуюся справа и вступили въ длинный, узкій сквозной корридоръ, параллельный Озерной улицѣ и раздѣлявшій нижній этажъ на двѣ равныя половины. Изъ этого корридора, первою дверью на право, они вошли въ просторную переднюю съ двумя окнами, выходившими въ палисадникъ. Въ этой комнатѣ было нѣсколько мальчиковъ, по блѣднымъ и болѣзненнымъ лицамъ, которыхъ можно было принять ихъ за излѣчивавшихся отъ недавней тяжкой болѣзни. Пришедшіе

сняли верхнее платье и надѣли лежавшіе тутъ же на скамейкѣ бѣлые легкіе халаты съ пришитыми къ нимъ сзади поясками, которыми они и подпоясались. Потомъ они скинули съ себя сапоги и надѣли стоявшія тутъ туфли. Тогда молодой человѣкъ сказалъ своему спутнику: «теперь пойдемъ къ богу», и повелъ его назадъ въ туже стеклянную дверь. Отсюда онъ повернулъ направо вглубь входнаго корридора. Дошедши до двери, онъ отворилъ ее и началъ подниматься по узкой лѣстницѣ, находившейся тотчасъ за дверью. Старикъ слѣдовалъ за нимъ. Едва они прошли нѣсколько ступенекъ, какъ снизу послышалось пѣніе. Женскіе крикливые голоса пѣли:

«Овцы, вы овцы, овцы бѣлыя мои!»

Услышавъ пѣніе, старикъ набожно перекрестился и пошелъ далѣе вверхъ по лѣстницѣ, слѣдуя за ведшимъ его молодымъ человѣкомъ. Поднявшись въ мезонинъ, они вступили въ такой же длинный, узкій, сквозной корридоръ какъ и въ нижнемъ этажѣ, также раздѣлявшій мезонинъ на двѣ половины какъ и нижній корридоръ, надъ которымъ и находился. Молодой человѣкъ ввелъ старика въ первую комнату на право, меблированную диванами и стульями. Въ комнатѣ находился скопецъ, Рижскій чиновникъ Пищулинъ и еще двое скопцовъ. Обратясь къ молодому человѣку, Пищулинъ спросилъ:

« Кого ты привелъ, Александръ?»

Подойдя къ Пищулину, Александръ сказалъ тихо:

« Это нашъ, крестникъ батюшки Александра Ивановича, отставной кавалеръ изъ Риги, Денисъ Архипычъ».

— Онъ къ государю-батюшкѣ? спросилъ Пищулинъ.

« Да, отвѣчалъ Александръ».

Пищулинъ подошелъ къ Денису Архипову и, пригласивъ его слѣдовать за собой, снова вывелъ его въ корридоръ. Они пошли вдоль корридора и остановились у послѣдней двери на лѣво. Отворивши дверь, Пищулинъ ввелъ Дениса Архипова въ большую, оклеенную богатыми обоями, комнату, окнами выходившую въ садъ. Полъ былъ устланъ цѣльнымъ ковромъ, съ вытканными на немъ ликами ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ. Денисъ Архиповъ боялся ступать на святыя изображенія,

но Пищулинъ кивнулъ ему, и онъ пошелъ. Впереди онъ увидѣлъ высокую кровать, подъ великолѣпнымъ пологомъ, съ кисейными занавѣсками и золотыми кистями. На ней, утопая въ пуховикахъ, лежалъ высокій, сѣдой, съ ввалившимися большими глазами и щеками, старикъ въ бѣлой батистовой рубашкѣ. Ротъ у старика былъ чрезвычайно широкъ; вмѣсто бороды, бакенбардъ и усовъ на подбородкѣ его, щекахъ и верхней губѣ было лишь по нѣскольку совершенно пожелтѣвшихъ, коротенькихъ волосковъ. Это былъ Андрей Ивановъ. Подошедши къ кровати, Пищулинъ и Денисъ Архиповъ упали на колѣни и стали креститься и класть земные поклоны. Старикъ же, указывая на Архипова, спросилъ Пищулина:

«Откуда?»

— Изъ Риги, отставной, крестникъ батюшки Александра Ивановича, тихо отвѣчалъ Пищулинъ.

Андрей Ивановъ махнулъ Пищулину рукой, и тотъ отошелъ въ сторону. Тогда, обращаясь къ Денису Архипову, Андрей заговорилъ:

«Богъ въ помощь тебѣ, сынъ мой; я, отецъ твой, радъ тебѣ, служи ты мнѣ и отцу своему небесному вѣрно. А если придется за вѣру нашу святую и крестъ понести, не отступай; и я отецъ твой за васъ, своихъ дѣтушекъ, крестъ понесъ: и въ личико мнѣ плевали невѣрные, Іудеи и по щекамъ били, и рученки и ноженки мнѣ сковали, и къ желѣзному стулу приковали, и били меня немилосердно, и рубашечку окровавили, и вели меня въ Иркутскъ-городъ на канатѣ съ разбойниками. Все вынесъ, все претерпѣлъ за васъ, дорогихъ моихъ дѣтушекъ. Не поступись и ты, сынъ мой, и отецъ мой небесный воздастъ тебѣ явнымъ и тайнымъ».

Денисъ Архиповъ все время стоялъ на колѣняхъ и умиленно глядѣлъ на Андрея. Послѣдній, переставъ говорить, подозвалъ къ себѣ Пищулина и велѣлъ ему подать себѣ маленьную просфору. Тотъ подалъ. Передавая просфору Денису Архипову, Андрей Ивановъ благословилъ его обѣими руками и произнесъ:

«Миръ съ тобою и покровъ мой святой надъ тобою!»

Давъ затѣмъ Денису Архипову поцѣловать свою руку, Андрей велѣлъ Пищулину отвести его къ пророку.

Они прошли въ сосѣднюю небольшую комнату. Здѣсь посрединѣ стоялъ скопецъ въ бѣлой длинной до пятъ рубахѣ и произносилъ какія-то непонятныя фразы. Другой скопецъ стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ и благоговѣйно его слушалъ. На стульяхъ сидѣло еще нѣсколько скопцовъ. Когда стоявшій на колѣняхъ всталъ, Пищулинъ, объяснивъ Архипову, что человѣкъ въ бѣлой рубахѣ «пророкъ», велѣлъ ему стать передъ нимъ на колѣни. Пророкъ опять сталъ говорить такія же фразы, предсказывая между прочимъ Денисову золотой вѣнецъ и нетлѣнныя ризы. Въ заключеніе онъ сказалъ:

«Оставайся, богъ съ тобою, и покровъ мой надъ тобою!»

«Пророкъ» велѣлъ отвести Архипова въ «соборъ», и одинъ изъ сидѣвшихъ скопцовъ повелъ его внизъ, откуда явственно слышалось пѣніе множества голосовъ. Они опять спустились въ нижній этажъ и, пройдя ту переднюю, въ которой переодѣвались, вошли въ слѣдующую комнату.

Комната эта была огромной величины, обитая дорогими обоями и обставленная множествомъ стульевъ. Около двухсотъ человѣкъ скопцовъ, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ или халатахъ вертѣлись съ припрыжкой и пѣли, составляя огромный тройной кругъ, въ центрѣ котораго вертѣлись на одномъ мѣстѣ еще нѣсколько человѣкъ.

Архипову объяснили, что это называлось «ходить кораблемъ». Вокругъ стѣнъ на стульяхъ сидѣли также одѣтые скопцы. Разостлавши на колѣняхъ платки, они подлаживали пѣнію вертѣвшихся ударяя въ тактъ руками и ногами. Проводникъ объяснилъ Архипову, что по другую сторону корридора, прямо насупротивъ этой комнаты, находилась другая такой же величины комната, въ которой «радѣли» женщины, и что какъ изъ той, такъ и изъ этой комнаты въ корридоръ выходило огромное окно, сдѣланное одно противъ другаго.

«Когда (говорилъ проводникъ-скопецъ Архипову) государь-батюшка императоръ Петръ Ѳеодоровичъ вступаетъ въ «соборъ», то окна открываются, а въ корридорѣ ста-

вится между окнами для него, свѣта, ложе, на которомъ онъ и возсѣдитъ».

Круженіе и пѣніе продолжалось до вечера. Вдругъ оно прекратилось, и наступила мертвая тишина. Растворились двери изъ слѣдующей комнаты, и въ нихъ показался Андрей, одѣтый въ шелковое полукафтанье и сафьянные, съ вышитыми золотомъ херувимами, сапоги. Его вели подъ руки два скопца, одѣтые въ темныя рясы, подпоясанные черными ремнями. Едва они показались въ дверяхъ, какъ все собраніе пало на колѣни и запѣло:

„Царство, ты, царство, духовное царство!
Во тебѣ, во царствѣ, благодать великая:
Праведные люди въ тебѣ пребываютъ;
Они въ тебѣ живутъ и не унываютъ;
Надежду на батюшку они полагаютъ,
На святаго духа крѣпко уповаютъ.
Другъ они со другомъ въ любви пребываютъ,
Праведные вѣрныхъ своихъ не оставляютъ,
На вѣчное житіе мѣста припасаютъ.
А кто это царство, кто его построилъ?
Домы крѣпкіе, бѣлокаменные кто понаставилъ?
Сказать ли вамъ, братцы, про это про царство?
Построилъ намъ царство самъ отецъ небесный,
Домы понаставилъ духъ сударь святой!
Въ томъ ли во царствѣ сады превеликіе,
Во тѣхъ ли во садахъ древа плодовитыя,
По тѣмъ ли по садамъ батюшка гуляетъ.
Онъ съ деревъ плодовитыхъ плоды собираетъ,
Во единомъ мѣстѣ плоды сохраняетъ,
Да и вновь деревья еще разсаждаетъ;
Насадивши древушки, самъ ихъ поливаетъ.
Растите же, вы, древушки, и не засыхайте,
Бѣлыми цвѣточками всегда разцвѣтайте.
Будьте жъ, вы, древушки, первыя во садѣ;
Будьте, вы, во славѣ, во царствѣ небесномъ;
Будьте, вы, любимы отцу и сыну,
Отцу и сыну и святому духу!
Богу слава и держава
Во вѣки вѣковъ, аминь!“

Во время этого пѣнія, окна, выходившія въ корридоръ изъ мужской и женской моленной, открыли и между ними поставили въ корридорѣ огромное богатоубранное ложе, плотно примыкавшее къ подоконникамъ того и другаго

окна. По окончаніи гимна, Андрей Ивановъ, благословивъ собраніе обѣими руками, произнесъ:

«Покровъ мой святой надъ вами».

Потомъ онъ торжественно направился къ ложу, на которое ведшіе его скопцы бережно и опустили его, подложивъ подъ спину нѣсколько подушекъ. Оставаясь въ такомъ полулежачемъ положеніи, Андрей оборотился лицемъ къ женской половинѣ. Тогда нѣсколько женщинъ тотчасъ подошли къ окну и начали пророчествовать Андрею, предсказывая ему всевозможныя блага земныя и небесныя. Потомъ мужчины и женщины начали снова кружиться. Пролежавъ около часу на постелѣ, Андрей Ивановъ, поддерживаемый тѣми же скопцами, отправился въ свою комнату. Тотчасъ окна закрыли, но радѣніе продолжалось. Въ полночь стали прыгать всѣ вдругъ, такъ что тряслись стѣны. При этомъ они, какимъ-то могильнымъ голосомъ, кричали: «Ай духъ! Ай духъ! Ай духъ!» Затѣмъ мгновенно крики эти замѣнились тихимъ пѣніемъ: «Царь-богъ! Царь-богъ!».....

Лишь въ полночь разошлось собраніе [63]).

Вотъ дѣйствительная роль, которую игралъ Андрей Ивановъ въ обществѣ скопцовъ!

Въ той же великолѣпной спальнѣ и на той же постелѣ Андрей Ивановъ принималъ стекавшихся къ нему со всѣхъ концовъ Имперіи учителей, пророковъ, пророчицъ и скопцовъ. По богато-убранной лѣстницѣ ихъ вводили въ эту спальню и ставили на колѣни передъ постелью самозванца. Если это былъ учитель или пророкъ, то Андрей Ивановъ говорилъ ему:

---

[63]) Показанія скопцовъ унтеръ-офицеровъ Дениса Архипова, Ивана Михайлова, Николая Иванова и др.—Изслѣдованіе г. Надеждина; донесеніе крестьянина Ивана Андреянова имп. Александру Павловичу и личныя свѣдѣнія автора, извлеченныя изъ осмотра Петербургскаго скопческаго „божьяго дома“, принадлежащаго нынѣ Петербургскому купцу-скопцу, брилліантщику Александру Григорьеву (родному племяннику скопца Степана Васильева, племянника скопца Кострова), наслѣдовавшему домъ Кострова и купившему сосѣдній домъ Солодовникова; также изъ допросовъ разныхъ скопцовъ.

«Я отецъ посылаю тебя на цѣлую губернію и если ты встрѣтишься дорогою съ человѣкомъ, то и подай ему словечко,—можетъ онъ тебѣ и повѣритъ! И такъ, рыбка по рыбкѣ, у тебя будетъ и цѣлый неводъ! А если нужно, ты пойдешь и по моимъ отеческимъ стопамъ и пострадаешь за меня!»

Затѣмъ онъ подавалъ учителю кипарисный тѣльный крестъ и простой бумажный платокъ, на который клалъ обѣ руки, говоря:

«Милость и покровъ!»

Учитель, крестясь, цѣловалъ руки Андрея и, крестясь же, кланялся ему въ ноги. На прощанье Андрей давалъ ему еще нѣсколько маленькихъ финифтиныхъ образковъ, просфоръ, сухариковъ. Послѣ того «слуги искупительскіе» уводили новаго лжеучителя внизъ, снабжали его тетрадью посланій Андрея, нарочно списывавшихся въ этомъ домѣ, обрѣзками его ногтей, оческами волосъ и т. п. За все это учитель отдаривалъ приличнымъ кушемъ денегъ. Здѣсь же онъ пріобрѣталъ и портретъ Андрея, рисованіемъ и продажею которыхъ занимался скопецъ-живописецъ.

Андрей принималъ и простыхъ скопцовъ въ той же спальнѣ, благословлялъ ихъ обѣими руками, дарилъ какимъ либо образкомъ, сухарикомъ, кусочкомъ сахару. А «слуги искупительскіе» надѣляли ихъ, смотря по цѣнности денежнаго приношенія, или лоскуткомъ отъ стараго платья Андрея, или волосами, ногтями, даже грязной водой, которой умывался самозванецъ. Все это называлось «частями живыхъ мощей», принималось съ сердечнымъ трепетомъ, приносилось за сотни верстъ, въ родныя села и города, зашивалось въ ладонки и хранилось, какъ святыня: вода же ставилась къ образамъ вмѣсто крещенской или другой святой воды.

Кромѣ пріемовъ, Андрей Ивановъ занимался диктовкою писемъ и посланій во всѣ края Имперіи къ лже-учителямъ и вліятельнымъ скопцамъ и хлыстамъ. Какъ человѣкъ бывалый и опытный, онъ понималъ всю пользу сближенія скопцовъ съ хлыстами. Поэтому онъ всегда приказывалъ «своимъ дѣтушкамъ» не только не чуждаться

хлыстовъ, но стараться заискивать ихъ довѣріе и расположеніе лаской и матеріяльными пособіями [64]).

Такъ протекали невозмутимо дни Андрея Иванва до 1819 года.

Въ апрѣлѣ 1819 г. разразилась надъ Петербургскими скопцами первая серьезная административная буря. Одинъ гвардейскій офицеръ, лично извѣстный тогдашнему Петербургскому генералъ-губернатору графу Милорадовичу, открылся ему, что скопецъ, придворный лакей Кобелевъ осмѣлился пригласить его на поклонъ къ такъ называемому скопческому искупителю. Это наконецъ возмутило графа. Поднялась дѣятельная переписка между нимъ и министромъ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ помянутымъ выше княземъ Голицынымъ. Стали собирать свѣдѣнія, производить дознаніе. Но скопцы и здѣсь успѣли отпарировать ударъ. По дознанію оказывалось, что всю пропаганду вели три ничтожные скопца: мѣщане Кирила Григорьевъ, Исай Ильинъ и лакей Кобелевъ; а Андрей Ивановъ, Солодовниковъ, Костровъ, Пищулинъ, Васильевъ и другіе коноводы корабля были неповинны ни въ чемъ. По дознанію значилось, что будто Григорьевъ одинъ руководилъ всѣми дѣлами корабля, что онъ-то и увѣрялъ всѣхъ, что Андрей Ивановъ есть истинный искупитель, что онъ-то и разсылалъ приказанія въ отдаленнѣйшія края Имперіи; Исай же Ильинъ былъ единственнымъ скопителемъ всѣхъ и дѣйствовалъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Григорьева; лакей Кобелевъ, какъ гласило дознаніе, одинъ увѣрялъ все общество скопцевъ, что Андрей есть Петръ III-й и, принося ему ложно поклоны отъ Государя, приводилъ тѣмъ всѣхъ другихъ въ великій страхъ и смущеніе, что̀ и способствовало размноженію скопчества; всѣ же остальные скопцы и Андрей Ивановъ тутъ были совершенно не причемъ. Открытія эти графъ Милорадовичъ передалъ на заключеніе князя Голицына, присовокупляя, что онъ съ своей стороны находилъ бы полезнымъ всѣхъ распространителей скопчества сослать въ отдаленнѣйшіе монастыри.

---

[64]) Донесеніе крестьянина Андреянова 16 февраля 1825 года.

Князь Голицынъ отвѣчалъ графу, что онъ находитъ предлагаемую имъ мѣру вполнѣ благоразумною, но полагалъ бы ограничиться примѣненіемъ ея къ личностямъ Григорьева, Ильина и Кобелева. Остальнымъ же скопцамъ, по мнѣнію князя Голицына, достаточно было объявить, въ присутствіи Андрея Иванова, что Григорьевъ, Ильинъ и Кобелевъ сосланы единственно за распространеніе скопчества. Затѣмъ, заключалъ князь Голицынъ, «старика» нужно оставить въ покоѣ: пускай онъ молится, и пусть собираются у него для молитвы, только бы искупителемъ его не называли, да не принимали бы солдатъ въ свое общество. Предположенія эти доложены были графомъ Милорадовичемъ Государю въ подлинникѣ и удостоились Высочайшаго утвержденія. Затѣмъ Григорьевъ, Ильинъ и Кобелевъ были сосланы въ Соловецкій монастырь, а скопцамъ было объявлено, что они сосланы за распространеніе скопчества. Тѣмъ вся буря и кончилась.

Исторія эта замѣчательна еще тѣмъ, что во всемъ докладѣ, представленномъ на воззрѣніе Государя, имя Императора Петра III ни разу не упомянуто, тогда какъ въ дѣлѣ оно упоминается чуть не на каждой страницѣ [65]).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, именно въ октябрѣ 1819 года, къ Андрею Иванову, въ домѣ Солодовникова, по Высочайшему повелѣнію прибыли директоръ департамента Народнаго Просвященія Поповъ и съ нимъ другой чиновникъ того же департамента. Жившій у Андрея скопецъ Хорошкеевъ разсказывалъ послѣ, что, поговоривъ съ Андреемъ, чиновники эти пожали плечами и шли отъ него задомъ, всплескивая руками и восклицая: «Господи! Если бы не скопчество, то за такимъ бы человѣкомъ пошли бы полки-полками!» О чемъ они говорили съ Андреемъ, неизвѣстно. Но вслѣдъ за тѣмъ 17 февраля 1820 года, по Высочайшему повелѣнію, учрежденъ былъ особый секретный комитетъ изъ митрополита Михаила, архіепископа Тверскаго Филарета (послѣ митрополита Московскаго), князя Голицына, графа Милорадовича и кня-

---

[65]) Ислѣд. Надеждина. Дѣло въ Архивѣ С-Петер. Град. Полиціи 1819 г. № 12.

зя Кочубея, управлявшаго тогда Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Результатомъ совѣщаній этого комитета было слѣдующее событіе: іюля 7 дня 1820 года ночью въ домъ Михаила Солодовникова пріѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ. Не объясняя ничего, онъ по узенькой описанной выше лѣстницѣ прошелъ вверхъ въ комнату Андрея и, пригласивъ его слѣдовать за собой, вѣжливо усадилъ его въ карету и отвезъ въ съѣзжій домъ Московской части, а оттуда въ домъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Здѣсь ожидали уже Андрея Иванова нарочно приготовленная коляска и слѣдственный приставъ Путвинскій, который долженъ былъ отвезти его въ Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ монастырь на постоянное жительство. Оберъ-полицiймейстеръ самъ проводилъ ихъ до заставы. Вслѣдъ за ними помчались скопцы Солодовниковъ и Кузнецовъ и настигли Андрея на станціи Тоснѣ. Они успѣли добиться отъ Путвинскаго дозволенія проститься съ Андреемъ. Бросившись предъ самозванцемъ на колѣни, они цѣловали его руки и обливали ихъ горькими слезами. Андрей же благословлялъ ихъ и давалъ послѣднія наставленія. Въ Москвѣ они остановились на ночлегъ. На другой день Андрей началъ упрашивать Путвинскаго остаться здѣсь дня на три или, по крайней мѣрѣ, позволить ему повидаться съ Московскимъ скопцомъ Анофріемъ Якимовымъ Пороховымъ. За это онъ обѣщалъ Путвинскому и отъ Порохова и отъ Петербургскихъ и Московскихъ скопцовъ весьма значительное вознагражденіе. Но Путвинскій не согласился, и они того же дня поѣхали далѣе по дорогѣ въ Суздаль.

Между тѣмъ митрополитъ Михаилъ, увѣдомляя настоятеля Спасо-Евѳиміевскаго Суздальскаго монастыря Парфенія о томъ, что къ нему въ монастырь, по Высочайшему повелѣнію, препровождается «старикъ, начальникъ секты скопцовъ», далъ ему слѣдующую инструкцію, относительно содержанія ссыльнаго: 1) Принять его съ человѣколюбивою ласковостью и христіанскимъ расположеніемъ сердца, изъ состраданія къ старости его и сожалѣнія о заблужденіи его. 2) Помѣстить его въ кельѣ, которая бы служила, по уединенію своему, къ спокой-

ствію его и благоразмышленію, имѣя надъ нимъ такой присмотръ, какой предписанъ будетъ отъ правительства. 3) Приставить къ присмотру и услуги ему людей немолодыхъ и въ христіанскихъ правилахъ опытныхъ и постоянныхъ, дабы не могли быть совращены отъ него въ пагубное скопчество. 4) Постороннихъ къ нему не допускать.... 5) Не допуская постороннихъ видѣться съ нимъ, не принимать и не доставлять ему писемъ и присылокъ подъ видомъ милостыни и приношеній.... 6) Вамъ, по настоятельской должности и по обязанности духовнаго званія, надобно часто посѣщать его и бесѣдовать съ нимъ о истинныхъ средствахъ къ спасенію, каковы суть.... 7) Для сего назначить ему изъ братій духовника, человѣка благонравнаго и свѣдущаго.... 8) При употребленіи таковыхъ къ обращенію его изъ настоящаго заблужденія средствъ, примѣчать какъ за наружнымъ поведеніемъ его, такъ и за внутреннимъ расположеніемъ.... 9) И въ какомъ положеніи когда онъ будетъ находиться, по секрету доводить до свѣдѣнія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына, по третямъ года».

Въ этомъ монастырѣ прожилъ Андрей Ивановъ остальные свои годы, стараясь даже изъ этого уединенія сѣять плевелы своего противуестественнаго ученія [65]). Умеръ онъ 20 февраля 1832 года въ глубочайшей старости [66]) и погребенъ въ монастырскомъ саду близь Николаевской церкви. «Между монастырскою братіею (говоритъ г. Надеждинъ въ своемъ изслѣдованіи о скопцахъ) остался слухъ, что онъ, передъ смертью, оказалъ раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ и, по долгу христіанина православной церкви, исповѣданъ и сподобленъ причастія Св. Таинъ. Было ли это раскаяніе истинное и полное, знаетъ одинъ Богъ. Людямъ остается только удивленіе, что безвѣстный бродяга, невѣжда, не знавшій грамоты, каторжникъ, высѣченный кнутомъ, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, на глазахъ правительства, могъ играть и доиграть до конца такую невообразимо-чудовищную роль: роль самозванца-царя и самозванца-бога!...»

---

[65]) Изслѣдованіе Надеждина.

[66]) „Страды“, стр. 75. (Изданіе рукописное, скопца Бычкова).

V.

Система терпимости, принятая въ царствованіе Императора Александра Павловича, и возвращеніе Андрея Иванова изъ Сибири имѣли рѣшительное вліяніе на развитіе ереси. Скопчество стало распространяться съ поразительной быстротой.

Около 1797 года на родинѣ скопчества, въ Орловской губерніи, явился новый скопитель, крестьянинъ Орловской округи помѣщицы Дурновой, Василій Шишкинъ, оскопившій своихъ односельцовъ Кузовкова и Грачева и занесшій ересь въ Кромскую и Ливенскую округи, гдѣ онъ также оскопилъ нѣсколькихъ крестьянъ. Скопцы эти въ 1800-хъ годахъ были открыты, наказаны батогами и сосланы одни въ Екатеринбургъ, а другіе въ Динаминдъ. Но ссылка ихъ, за исключеніемъ Шишкина, продолжалась не долго: въ 1802 году, по докладу Коммиссіи, пересматривавшей старыя уголовныя дѣла, они были возвращены въ мѣста жительства и такимъ образомъ образовали на родинѣ сѣмена будущаго развитія скопчества. Въ 1806 году отданъ былъ въ солдаты открытый въ Малоархангельской округѣ скопецъ Егурновъ [67]).

Около 1802—1810 годовъ ересь проникла и на сѣверъ отъ Орла, въ Мценскій уѣздъ, гдѣ образовался уже цѣлый корабль, имѣвшій въ деревнѣ Кудиновой свою моленную съ радѣніями и оскопленіями [68]).

Точно также развивалось скопчество и въ Тульской губерніи. Въ 1806 году земскій (вотчины графа Головкина, Алексинскаго уѣзда, деревни Вышенокъ) Бровинъ представилъ въ Тульское рекрутское присутствіе двадцать

---

[67] 1-е Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. т. XXX № 23294 и изслѣд. Надеждина.

[68]) Показ. скопца Амфилохія Васильева, Моск. Губ. Арх. Дѣло 1835 г. о Холуйковѣ и др. т. 1-й.

человѣкъ, недавно оскопленныхъ крестьянъ этой деревни. Присутствіе не приняло ихъ, по случаю оскопленія. Но мѣстный губернскій прокуроръ, задавшись мыслью, что они оскопились для избѣжанія рекрутчины, представилъ о томъ министру юстиціи. По всеподданнѣйшему докладу министра, скопцовъ этихъ велѣно было принять въ рекруты, не смотря на ихъ оскопленіе [69]).

Изъ Алексинскаго уѣзда скопчество проникло въ сосѣдній съ нимъ Тарусскій уѣздъ Калужской губерніи. Здѣсь въ селѣ Буриновѣ около 1810 года явился скопитель крестьянинъ Парфенъ Васильевъ, оскопившій двухъ Буриновскихъ крестьянъ [70]).

Но гораздо дѣятельнѣе шла скопческая пропаганда въ Тамбовской губерніи. Здѣсь она не только шла быстрыми шагами впередъ, но достигла замѣчательнаго изувѣрства. Въ десятилѣтіе съ 1797 по 1807 годъ скопчество изъ Сосновки проникло въ села Правые и Лѣвые Ламки и Атмановъ Уголъ Моршанскаго уѣзда, въ село Малые Пупки Козловскаго уѣзда и Верхнюю Байгору Усманскаго уѣзда. Въ Ламкахъ въ это время было оскоплено около двадцати человѣкъ, и по нѣскольку человѣкъ въ остальныхъ селахъ. Въ это же время и въ этихъ именно мѣстностяхъ положено начало оскопленію женщинъ. У нихъ вырѣзывали или одну правую грудь или обѣ, иногда до самыхъ костей. Первыя оскопились такимъ образомъ Сосновскія крестьянки Авдотья Иванова Казарцова и Марѳа Попова и однодворка Лѣвыхъ Ламокъ Варвара Дробышева. Въ самое короткое время такимъ образомъ было оскоплено въ одной Сосновкѣ и Ламкахъ около пятнадцати женщинъ. Основателями скопчества въ Ламкахъ были Дробышевы, Прибытковы, въ Малыхъ Пупкахъ—Щетинины, въ Байгорѣ—Калина Трубниковъ. Во главѣ Тамбовскаго скопческаго корабля находились въ это время Сосновскій скопецъ Иванъ Панфиловъ Казарцовъ, его дочь Авдотья Иванова

---

[69]) Журналъ Тульск. рекрут. присутствія на 1 февр. 1807 г. Ibidem. Дѣло Будылина № 74315 т. 4.

[70]) Ibidem. Дѣло о скопцѣ Филиппѣ Васильевѣ № 96907 за 1844 годъ.

и упоминавшаяся выше, дочь Сосновскаго первооскопленника Софона Попова, Анна Софонова Попова. Совращенные ими люди отправлялись, подъ видомъ богомолья, въ Петербургъ и оттуда возвращались домой, уже спустя значительное время, съ совершенно измѣнившимся, болѣзненно-блѣднымъ лицомъ—печатью скопчества. Въ домахъ Казарцовой и Поповой происходили радѣнія, а иногда и оскопленія. Черезъ нихъ же Андрей Ивановъ сносился съ Тамбовскими скопцами своими письмами и посланіями.

Въ 1817 году о Тамбовскихъ скопцахъ возникло, по Тамбовской палатѣ уголовнаго суда, дѣло. Въ октябрѣ 1818 года палата постановила приговоръ, которымъ они, на основаніи существовавшихъ тогда узаконеній, были присуждены къ отдачѣ въ солдаты въ отдѣльный Грузинскій корпусъ, а въ случаѣ неспособности къ военной службѣ, къ ссылкѣ на поселеніе. О женщинахъ же заключено было представить Правительствующему Сенату, такъ какъ въ законахъ не существовало относительно ихъ никакихъ указаній. Тамбовскій губернаторъ, согласившись во всемъ съ приговоромъ палаты, представилъ о нѣкоторыхъ пунктахъ его, министру полиціи графу Вязьмитинову. Въ отвѣтъ на это представленіе, графъ Вязьмитиновъ далъ знать губернатору, что, на основаніи особыхъ правилъ, данныхъ въ руководство министерству полиціи, скопцы эти должны быть освобождены отъ суда. Палата, выслушавъ это предложеніе, отвѣчала губернатору, что рѣшеніе ея основано на существующихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ и что поэтому, не имѣя въ виду имяннаго Высочайшаго указа, она не можетъ исполнить предписаніе министра. Губернаторъ представилъ объ этой резолюціи палаты графу Вязьмитинову и получилъ, въ іюнѣ 1819 года, отвѣтъ, что, по всеподданнѣйшему докладу его Государю Императору, всѣхъ этихъ скопцовъ велѣно отъ суда и слѣдствія освободить. Почему Тамбовскіе скопцы и были выпущены изъ острога и отпущены въ мѣста своего жительства [71]).

---

[71]) Указъ Тамб. угол. палаты Моршанскому уѣзд. суду отъ 24 апрѣля 1836 г. ibidem. Дѣло о Сѣровѣ и Прибытковѣ, № 27, т. 5 и отношеніе Тамбовскаго вице-губернатора Шрейдера отъ 1816 года.

Изъ Усманскаго уѣзда скопчество откинулось на востокъ въ Балашевскій уѣздъ Саратовской губерніи, въ село Малиновку графа Разумовскаго. Здѣсь основателемъ скопчества былъ Малиновскій крестьянинъ Козьма Ретяевъ, оскопившій между 1802 и 1805 годами крестьянина Степана Иванова Нѣжнова и съ нимъ еще нѣсколькихъ человѣкъ Малиновскихъ крестьянъ. Въ 1813 году, по этому поводу, производилось въ Саратовскомъ Губернскомъ Правленіи дѣло, окончившееся тѣмъ, что Малиновскіе крестьяне были возвращены въ мѣста своего жительства. Изъ нихъ Нѣжновъ переселился потомъ въ Москву, записался въ мѣщанство и нажилъ значительное состояніе [72]).

Одновременно съ Малиновкой, скопчество проникло въ Раненбургскій и Зарайскій уѣзды Рязанской губерніи. Изъ нихъ Раненбургскій находится въ смежности съ Моршанскимъ уѣздомъ Тамбовской, а Зарайскій съ Алексинскимъ уѣздомъ Тульской губерніи. Въ Рязанской губерніи скопчество нашло готовые хлыстовскіе корабли, облегчившіе ему путь. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ скопчество началось съ селъ Стараго Кленскаго, Дубоваго, Жабина и Раненбургской подгородной слободы. Здѣсь оно основано однодворцами Трофимомъ Духанинымъ, Яковомъ и Сергѣемъ Антоновыми и Селиверстомъ Жабинымъ. Къ 1807 году въ этихъ селахъ и въ Раненбургѣ образовался уже цѣлый скопческій корабль, изъ членовъ котораго извѣстно около пятнадцати человѣкъ скопцовъ и столько же хлыстовъ. Между ними были фамиліи Парамоновыхъ, Сигитовыхъ, Копыловыхъ, Юмашевыхъ и Кузовлевыхъ, переселившихся послѣ въ Москву и основавшихъ тамъ скопческіе дома подъ этими фамиліями. Во главѣ корабля стояли Духанинъ, Жабинъ, Антоновы и Саврасовъ. Сборища корабля по преимуществу происходили въ Раненбургской подгородной слободѣ, въ домѣ Копыловыхъ. Замѣчательны показанія, данныя Раненбургскими скопцами

---

[72]) Подробный журналъ Балашевскаго Земскаго Суда на 12 сентября 1845 г. и указъ Саратовскаго Губерн. Правленія этому суду отъ 12 февр. 1814 г. ibidem. Дѣло по доносу Будылина, т. 7.

при судѣ надъ ними, происходившемъ въ 1808 году въ Рязанской Палатѣ Уголовнаго Суда. Духанинъ показалъ, что, ходя по паспорту, встрѣтился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Тотъ далъ ему напиться воды, отъ которой онъ, Духанинъ, уснулъ, а проснувшись, увидалъ себя оскопленнымъ; неизвѣстный же человѣкъ скрылся. Изъ остальныхъ одни показали, что, сорвавшись съ дерева, напоролись дѣтородными частями на сукъ, отъ чего они начали гнить и отвалились безъ остатка. Другіе объяснили, будто бы ихъ сбросила лошадь, разбила дѣтородныя части, отъ чего они отгнили и отвалились. Одинъ уснулъ пьяный на улицѣ и проснулся уже оскопленнымъ. Сергѣй же Ивановъ Копыловъ, впослѣдствіи Московскій купецъ, показалъ, что поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, спрыгнулъ съ воза въ снѣгъ, наткнулся на хворостину, вслѣдствіе чего дѣтородныя части у него тутъ же и вывалились въ снѣгъ. Перевязавъ кое-какъ рану, онъ повезъ дрова домой, куда и пріѣхалъ благополучно. По рѣшенію Рязанской Палаты, состоявшемуся въ 1809 году, Раненбургскіе скопцы отданы были въ солдаты [73]). Но вѣроятно они имѣли случай бѣжать, потому что, послѣ 1815 года, многихъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ уже въ Москвѣ купцами, мѣщанами и цеховыми.

На сѣверъ отъ этихъ мѣстностей, во Владимірскую и Костромскую губерніи, скопчество проникло изъ Суздаля. Въ Суздалѣ основателемъ его былъ, сосланный туда въ ссылку въ Спасо-Евфиміевъ монастырь за свой проэктъ, статскій совѣтникъ Елянскій. Во время прибытія Елянскаго въ Суздаль, въ тамошнемъ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ находилась монахиня Паисія, родомъ изъ крестьянъ села Козлова Суздальскаго уѣзда. Какъ-то у нея болѣла рука, и Елянскій началъ лечить ее и такимъ образомъ они познакомились. Знакомство это повело къ тому, что Паисія вступила въ секту, а за нею и еще одна мо-

---

[73]) Рѣшеніе Рязанской Палаты Угол. Суда отъ 1809 года. Ibidem, Дѣло по доносу Будылина т. 5 и Дѣло о скопцахъ Куликовѣ, Андреевѣ и др. №$^{6888}/_{10}$ и (о Зарайскомъ уѣздѣ) отношеніе вице-губернатора Шрейдера.

нахиня Назарета. Вслѣдъ за тѣмъ ересь начала распространяться далѣе: совратились Суздальскіе мѣщанки Матрена и Арина Биркины, ихъ отецъ Левъ Биркинъ, многія послушницы Покровскаго монастыря, кое-кто изъ земляковъ Паисіи крестьянъ села Козлова и ея родной братъ Иванъ Елизаровъ Коробовъ. Въ кельѣ Паисіи начали происходить сборища и радѣнія. Въ 1812 году Владимірскій епископъ возбудилъ противъ Паисіи преслѣдованіе, и она была заключена въ Переславльскій женскій монастырь. Здѣсь она оставалась до 1820 года т. е. до ссылки въ Суздаль Андрея Иванова. Въ этомъ же году, вѣроятно по ходатайству Петербургскихъ скопцовъ, желавшихъ, чтобы подъ рукой у Андрея Иванова была преданная сектѣ женщина, Паисія признана была раскаявшеюся и возвращена обратно въ Покровскій монастырь. И дѣйствительно скопцы не ошиблись: Паисія не только сама проникла къ Андрею Иванову, но съумѣла провести къ нему и Биркиныхъ. И вотъ, при ихъ посредствѣ, Андрей Ивановъ началъ посылать свои ободренія «дѣтушкамъ,» благословлять стекавшихся къ нему въ Суздаль со всѣхъ концовъ Россіи скопцовъ, передавать имъ остатки своихъ одеждъ, обрѣзки ногтей, очески волосъ и т. п. Словомъ, между Андреемъ Ивановымъ и его послѣдователями установились постоянныя правильныя сношенія. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу крестьянинъ Костромской губерніи, Галичскаго уѣзда, Осокинской волости, Иванъ Андреяновъ, въ своемъ донесеніи, поданномъ 16 февраля 1825 года Императору Александру Павловичу.

Въ Галичскомъ уѣздѣ, разсказываетъ Андреяновъ, между 1815 и 1825 годами было уже два скопческихъ корабля. Въ одномъ учителемъ былъ какой-то Максимъ. Въ другомъ же, въ которомъ обращался и онъ Андреяновъ, учителемъ и кормщикомъ былъ отставной солдатъ, родомъ изъ Нерехотскаго уѣзда Костромской губерніи, Алексѣй Ивановъ. Ивановъ питалъ къ Андреянову особое расположеніе, постоянно убѣждалъ его оскопиться и возилъ съ собою по разнымъ мѣстамъ, изобиловавшимъ скопцами. Однажды поѣхали они съ другими скопцами къ сво-

имъ заволжскимъ собратамъ. Тамъ, въ домѣ скопца крестьянина Никифорова, они совершали свои моленія. При этомъ Ивановъ ставилъ на лавку подъ образа портретъ Андрея Иванова. На портретъ этотъ они молились, а по окончаніи радѣній, крестясь, прикладывались къ нему. Послѣ того скопцы приступили къ Андреянову съ убѣжденіями оскопиться. «Стóитъ-же, говорили они, насъ нашъ государь-батюшка, а и тотъ изволилъ пострадать». Послѣ скопцовъ приступила къ Андреянову ихняя пророчица и говорила ему:

«Убѣлись, Иванушка, и будетъ тебѣ великая милость отъ Господа, и Петербургскіе братья тебя полюбятъ, а не убѣленныхъ они не любятъ».

Но Андреяновъ не сдался, и скопцы отъ него отстали. Проживъ двѣ недѣли у Никифорова, Андреяновъ сталъ просить Алексѣя Иванова, чтобы онъ свозилъ его въ Суздаль посмотрѣть «мѣсто искупителя». Ивановъ охотно согласился и они отправились.

Пятаго августа они прибыли въ Суздаль и остановились прямо у Биркиныхъ. Здѣсь они нашли уже человѣкъ десять скопцовъ и около тринадцати женщинъ, пріѣхавшихъ въ Суздаль также поклониться «мѣсту искупителя».

Между ними былъ одинъ отставной солдатъ скопецъ, проживавшій въ Кромскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Разговоръ шелъ объ «искупителѣ». Говорили о его терпѣливомъ страданіи, горько сожалѣли объ его заключеніи и удивлялись его добровольному (яко бы) мученичеству. Тутъ солдатъ, указывая на образъ Божіей Матери, сказалъ:

«Вотъ міръ-народъ дуракъ думаетъ, что Дѣва Марія родила сына плотію, а того не знаетъ, какъ сынъ божій отъ нея родился».

Вынувъ потомъ изъ кармана двѣ старинныя серебрянныя монеты, рубль и полтинникъ, солдатъ показалъ ихъ скопцамъ и спросилъ:

«Знаете ли вы, чьи это изображенія?»

Скопцы набожно перекрестились и стали цѣловать монеты. Взявъ потомъ одну монету въ руки, солдатъ продолжалъ:

«Царица, на этомъ рублѣ изображенная, оставила свой царскій тронъ, свое прежнее имя, назвалась Акулиной Ивановной и поселилась въ Орлѣ. А когда почувствовала приближеніе своей блаженной кончины, то пріѣхала къ намъ въ Кромскій уѣздъ, почила и у насъ погребена».

На другой день всѣ они отправились въ Спасо-Евиміевской монастырь и долго смотрѣли на зданіе, въ которомъ жилъ Андрей Ивановъ. Послѣ того кто-то посовѣтовалъ имъ выѣхать изъ Суздаля и за городомъ ждать вѣстей отъ Андрея Иванова. Ввечеру пришла къ нимъ за городъ одна изъ Биркиныхъ съ такою вѣстью отъ Андрея Иванова:

«Искупитель, говорила она, приказалъ сказать вамъ, что напрасно вы торопитесь уходить: все тихо, и отецъ гнѣвается на тѣхъ, кто такъ скоро васъ выслалъ. Велѣлъ еще передать вамъ, что онъ отецъ веселъ и только тѣломъ въ неволѣ, а духомъ всегда на волѣ съ дѣтушками своими, а потому и не слѣдуетъ вамъ печалиться!»

Тутъ они еще погоревали, и при этомъ Ивановъ сказалъ:

«Когда искупителя выслали въ Суздаль, онъ говорилъ своимъ дѣтушкамъ, что покатился отъ нихъ только на три годочка, а видно государь-батюшка пробудетъ тутъ и два раза по три годочка».

Изъ Суздаля Андреяновъ и Ивановъ отправились пѣшкомъ по тракту на Петербургъ. Съ ними шла, возвращавшаяся также изъ Суздаля, дѣвушка-скопчиха. Къ ночи пришли они въ Шую, гдѣ и ночевали у скопца. На другой день хозяинъ ихъ съ мѣстной дѣвушкой-скопчихой проводили ихъ за городъ, до кустарниковъ. Здѣсь сдѣлали привалъ, и Ивановъ имъ пророчествовалъ. Потомъ они двинулись далѣе и на дорогѣ остановились отдохнуть на травѣ. Во время отдыха Ивановъ настойчиво убѣждалъ Андеянова оскопиться тутъ-же, говоря:

«Какъ было бы хорошо, если бы ты пришелъ въ Петербургъ уже убѣленный!» Но и на эти убѣжденія Андреяновъ не согласился. Къ ночи пришли они въ деревню Борисово, гдѣ также ночевали у скопца. На слѣдующій день прибыли въ деревню Ганину и здѣсь остановились

на нѣсколько дней у своей спутницы, бывшей изъ этой деревни. Въ одну ночь собралось къ нимъ, по случаю прибытія Иванова, около сорока пяти окрестныхъ скопцовъ и скопчихъ. Молились, радѣли, пѣли распѣвы, Ивановъ пророчествовалъ мужчинамъ, а пріѣхавшая изъ Чухломы пророчица женщинамъ. Потомъ пріѣхалъ къ нимъ скопецъ-бурмистръ какой-то деревни и пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости. Къ бурмистру тоже собрались скопцы и скопчихи и тоже радѣли и т. п.

Здѣсь Андреяновъ простился съ Алексѣемъ Ивановымъ и скопцами и вдвоемъ съ Чухломской лже-пророчицей отправился въ Петербургъ. На прощаніи Ивановъ далъ Андреянову нѣсколько волосковъ съ головы лже-искупителя и нѣсколько обрѣзковъ одежды его, за что и получилъ отъ Андреянова щедрое вознагражденіе.

Въ Петербургѣ Андреяновъ нашелъ знакомыхъ скопцовъ. Они разсказывали ему, что въ каждый воскресный и праздничный день ходятъ въ «соборъ искупителя» и радѣютъ до того, что даже съ одежды ихъ течетъ потъ, такъ что приходится по нѣскольку разъ вытирать полъ сухими полотенцами. Отъ нихъ же Андреяновъ узналъ, что въ «соборъ» неубѣленныхъ не принимаютъ, а потому, розыскавъ въ Петербургѣ брата, понемногу отсталъ отъ скопцовъ. Десять лѣтъ Андреяновъ обращался между скопцами и вотъ что онъ говоритъ объ ихъ учителяхъ и пророчицахъ:

«Учители ихъ вертятся на одномъ мѣстѣ долго и удивительно скорыми оборотами, и я знаю, что человѣкъ, не имѣющій въ себѣ духа, не можетъ вертѣться на одномъ мѣстѣ такъ сильно и долго. Ибо при таковыхъ дѣйствіяхъ я самъ прежде иногда ощущалъ въ себѣ дѣйствіе того духа. Пророчица-жъ ихъ Устинья, которая была со мною въ Суздалѣ, имѣетъ великую силу отъ духа, ибо можетъ пророчествовать безпрерывно весьма долго и въ пророчествахъ иногда со слезами увѣряетъ ихъ (скопцовъ) отъ высоты многими и ужасными изрѣченіями, чтобы они въ вѣрѣ не сомнѣвались, и приводитъ ихъ въ слезы и умиленіе.... При пророчествахъ она иногда обходила меня вокругъ, становилась предо мною на колѣни

и выпѣвала, что это она дѣлаетъ мнѣ по власти божіей, а не просто.... Часто пророчествовала она мнѣ со слезами, многими изрѣченіями. Прорекала, что если я дѣлу божію не повѣрю и сойду съ пути ихъ, то богъ не дастъ мнѣ ни въ чемъ счастья.... Прежде чѣмъ я началъ писать сіе, пророки ихъ меня сильно трогали, такъ что я не зналъ что̀ и дѣлать!...»

Ближайшій къ Петербургскому Рижскій скопческій корабль тоже чрезвычайно усилился. Вмѣсто одной моленной, у скопца Дегтярева, въ Ригѣ образовалось ихъ четыре: въ домѣ скопца-чиновника Пищулина по Каменной улицѣ, у каменнаго столба, у купца-скопца Ивана Васильева Мацкова по Романовкѣ и у мѣщанъ-скопцовъ Емельяна Пахомова и Якова Яковлева [74]).

Въ Московской губерніи скопчество, кромѣ Московскаго и Подольскаго уѣздовъ, проникло и въ Серпуховской, въ имѣніе помѣщицы Бозобразовой, сего Максимиху. Въ 1806 году, при продажѣ г-жей Безобразовой этого имѣнія графу Орлову, крестьяне дали новому помѣщику отъ себя подписку, что у нихъ всего шесть человѣкъ скопцовъ и что на будущее время они не будутъ допускать у себя оскопленій [75]).

Теперь обратимся къ Москвѣ и посмотримъ, что̀ происходило въ ней вслѣдъ за воцареніемъ императора Александра Павловича.

---

[74]) Ibidem, Дѣло о скопцахъ 1806 г. № 181198.

[75]) Слѣд. производ. Серпух. Земск. Суда 1832 г. Ibidem: дѣло о Куликовѣ и др. № 6888, т. I.

VI.

Былъ августъ 1803 года, канунъ Успеньева дня. Вечерѣло. Въ Мѣщанской части, въ приходѣ Троицы, что̀ въ Троицкомъ, въ одной изъ глухихъ, по тогдашнему времени, улицъ, въ большомъ деревянномъ домѣ, въ задней горницѣ, при тускомъ свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчь, сидѣло двое собесѣдниковъ. Одинъ былъ старый, брюзглый, безбородый съ блѣдно-желтымъ лицомъ. Другой былъ молодъ, свѣжъ, съ небольшой бородкой. Старикъ былъ самъ хозяинъ дома, Московскій купецъ-скопецъ Ѳедоръ Евсѣевъ Колесниковъ или Масонъ. Собесѣдникъ же его былъ прикащикъ Петербургскаго купца Алексѣева, помѣщичій крестьянинъ Романовскаго уѣзда Сергѣй Михайловъ Салтыковъ, пріѣхавшій въ Москву по дѣламъ своего хозяина. Они пили кофе и вели бесѣду.

«Едины дѣвственники, протяжно дребезжалъ Масонъ, предстанутъ передъ престоломъ Всевышняго. Взирающій же на жену, во еже вожделѣти ю, уже любодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ».

— Это точно, что такъ, робко подтвердилъ Салтыковъ.

«Любодѣи-же не внидутъ въ царствіе небесное», продолжалъ внушительно Масонъ.

— Что̀-же дѣлать намъ грѣшнымъ? спросилъ Салтыковъ.

«Знаешь, другъ, что̀ сказалъ Спаситель ученикамъ, вопрошавшимъ его такожде: аще, говорилъ Спаситель, око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себѣ и аще десная рука твоя соблазняетъ тя, усѣцы ю и верзи отъ себе. Умертвите уды ваша, яже на земли....».

Лицо Салтыкова выразило крайнее недоумѣніе.

«Надобно, продолжалъ Масонъ, уподобить себя ангеламъ безплотнымъ и для того умертвить плоть свою и очистить чувствія свои; а сіе ничѣмъ инымъ содѣять не возможно, какъ только единымъ убѣленіемъ».

— Что́ же это такое убѣленіе? въ смущеніи спросилъ Салтыковъ.

Въ это время подали ужинъ.

Едва они поужинали, пробило полночь. Масонъ пригласилъ Салтыкова идти за нимъ, повелъ его въ подвальный этажъ и ввелъ въ ярко освѣщенную комнату. Здѣсь Салтыковъ увидѣлъ человѣкъ пятнадцать мужчинъ и женщинъ. Мужчины были въ бѣлыхъ, длинныхъ рубахахъ, а женщины въ сарафанахъ и бѣлыхъ платкахъ. Въ одномъ углу топилась печь. Собраніе привѣтствовало Масона земнымъ поклономъ съ крестнымъ знаменіемъ. Ставъ посреди комнаты, Масонъ началъ вертѣться, сначала тихо, потомъ быстрѣе, быстрѣе и быстрѣе. По мѣрѣ того, какъ круги, имъ дѣлаемые, учащались, онъ началъ отрывисто произносить безсвязныя фразы. Салтыковъ стоялъ въ страхѣ и волненіи отъ невиданнаго зрѣлища. Остальные собравшіеся сидѣли вокругъ комнаты на стульяхъ, ударяя въ тактъ руками и ногами. Когда Масонъ пересталъ кружиться, женщины и нѣкоторые изъ мужчинъ вышли изъ комнаты. Въ моленной осталось всего человѣкъ восемь. Тогда Масонъ сказалъ, обращаясь къ Салтыкову:

«Ну, другъ, теперь настало наконецъ время тебѣ узнать, что́ такое убѣленіе».

Не успѣлъ Салтыковъ спросить, чтожъ это за убѣленіе, какъ всѣ присутствовавшіе бросились къ нему. Одинъ, схвативъ его сзади, мигомъ завязалъ ему глаза и зажалъ ротъ подушкой. Другой выхватилъ изъ печи большой раскаленный ножъ, называвшійся у скопцовъ «булатнымъ мечемъ». Салтыкова повалили, мгновенно растянули на полу, взмахнулъ «булатный мечъ», послышался вопль, и Салтыковъ былъ оскопленъ.

«Смотрите, смотрите, вѣрные-праведные, вскричалъ Масонъ, указывая на отрѣзанное: вотъ она, адамова голова»!

Безчувственнаго Салтыкова принесли на ближайшую постель и начали вспрыскивать водой. Лишь черезъ три часа онъ пришелъ въ себя. Восемь дней пролежалъ онъ больной, въ смертельной тоскѣ и отчаяніи. Масонъ же съ

братомъ своимъ Тимофеемъ, сидя у постели своей жертвы, убѣждали Салтыкова покориться необходимости:

«Прими нашу вѣру святую, истинную, говорили они, дай присягу никому не открывать ничего тобой видѣннаго и слышаннаго, и Господь утолитъ твои страданія, и сдѣлается тебѣ легко и радостно. Въ противномъ же случаѣ тебя постигнетъ смерть неминуемая, и жена твоя и малыя дѣти останутся на вѣкѣ сиротами».

Обуреваемый отчаяніемъ и страхомъ за себя и семейство, терзаемый тоской и физическими страданіями, Салтыковъ согласился и далъ требуемую присягу. Тогда Колесниковы открыли ему, что всѣ они скопцы ради царствія небеснаго, что «братія» ихъ во множествѣ проживаетъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ и другихъ городахъ и что въ Петербургѣ у нихъ есть великій учитель, самъ христосъ іисусъ, сынъ божій, государь Петръ Ѳеодоровичъ. Тутъ же Салтыковъ узналъ, что, еслибы онъ не перенесъ операціи, то трупъ его сожгли бы безслѣдно въ той самой печи, въ которой калился булатный мечъ.

По выздоровленіи, Салтыковъ сталъ проживать въ Москвѣ и занялся торговыми дѣлами, разъѣзжая въ Петербургъ, Ригу и другіе города [76]).

И такъ едва лишь Масонъ успѣлъ освободиться изъ Шлиссельбургской крѣпости, какъ тотчасъ предался самой яростной пропагандѣ скопчества.

Но не одинъ онъ дѣйствовалъ въ это время подобнымъ образомъ въ Москвѣ. Съ неменьшей энергіей подвизались здѣсь на этомъ поприщѣ и другіе скопцы. Такъ отставной солдатъ Александръ Ивановъ Коняхинъ, одновременно съ Масономъ, открылъ другую скопческую моленную у себя въ домѣ въ пригородѣ Московскомъ, селѣ Чиркизовѣ. Моленная Коняхина служила центромъ совращенія и оскопленія солдатъ.

Такъ въ это же время (1803—1804) въ домѣ Коняхини поселился оскопленный унтеръ-офицеръ Романъ Нефедовъ, а по сосѣдству съ ними зажили своимъ домомъ

---

[76]) Тоже дѣло о скопцахъ 1806 г. № 185198.

унтеръ-офицеры Московской губернской роты скопцы Иванъ Алексѣевъ Горшковъ и Филиппъ Андреевъ. Года два спустя послѣ этого, были оскоплены нѣсколько человѣкъ солдатъ Московскаго военнаго госпиталя, произведенныхъ послѣ въ унтеръ-офицеры [77]). Вслѣдъ затѣмъ основаны были моленныя въ домѣ Горшкова и въ Чиркизовскомъ же домѣ Московскихъ цеховыхъ Спиридона и Кириллы Никитиныхъ [78]).

Но еще энергичнѣе дѣйствовали на поприщѣ скопческой пропаганды скопцы: Московскій мѣщанинъ Андрей Тимофеевъ Колесниковъ и купецъ Анофрій Якимовъ Пороховой.

Андрей Колесниковъ насаждалъ скопчество въ Серпуховской части. Близь Серпуховскихъ воротъ онъ устроилъ въ 1803 году моленную, въ которой пророчицей была его дочь Пелагея. Домъ Колесникова былъ первый скопческій домъ въ этой части города Москвы, столь любимой нынѣ скопцами. Около 1808 года у Колесникова появилась таинственная личность, произведшая большое оживленіе между скопцами и весьма скоро пріобрѣтшая между ними огромное вліяніе. Это была, явившаяся неизвѣстно откуда, женщина замѣчательной красоты, выдававшая себя между скопцами за супругу Великаго Князя Константина Павловича и называвшаяся Еленой Павловной. Подъ этимъ именемъ Колесниковъ и другіе скопцы приписали ее, по фальшивой отпускной, къ Московскому мѣщанскому обществу. Она стала показываться на скопческихъ сборищахъ, разыгрывая роль богородицы и великой княгини. Скопцы принимали ее съ величайшимъ почетомъ и уваженіемъ и ея ложнымъ титуломъ вліяли на легковѣрныхъ людей, совращаемыхъ ими въ секту. Иногда она выѣзжала изъ Москвы, сопутствуемая то Пелагеей Колесниковой, то Раненбургской купеческой дочерью Кожушкиной и Козловской мѣщанкой Марьей Долго-

---

[77]) Указъ Москов. уголов. Палаты 1-му Департаменту Моск. Магистрата отъ 18 января 1829 года ibidem. Дѣло по доносу Будылина т. 1-й и дѣло о скопцахъ Куликовѣ, Андреевѣ и др. № 6888.

[78]) Тотъ-же указъ Палаты.

вой. Елена Павловна разъѣзжала, подъ именемъ богородицы и великой княгини, по Раненбургскому, Моршанскому и Серпуховскому уѣздамъ, принимая отъ скопцовъ почетъ и денежныя приношенія. Ѣздила она и въ Петербургъ къ Андрею Иванову, но не понравилась ему за свой нахальный и дерзкій характеръ. Около 1820 года она съ Колесниковымъ и скопцами его корабля Прокофьемъ Игнатьевымъ Жулинымъ и Васильемъ Михайловымъ Обойщиковымъ занесли ересь въ деревни Талежи и Завалишевскую и село Крюковъ Серпуховскаго уѣзда. Роль оскопителя принялъ при этомъ Обойщиковъ. Въ домѣ скопца, крестьянина деревни Талежей, Петра Сидорова они открыли сборища и радѣнія, при чемъ выставлялись подъ образами портреты Императора Петра III и самой Елены Павловны. Въ недолгое время имъ удалось оскопить здѣсь нѣсколько крестьянъ и совратить въ ересь ихъ семейства и многихъ другихъ женщинъ. Послѣ 1820 годовъ Елена Павлова, забравъ свое имущество, вдругъ исчезла изъ Москвы, а въ 1827 году, въ пьяномъ видѣ, была задержана въ Раненбургѣ и заключена въ острогъ. Тутъ-то наконецъ открылось, кого скопцы такъ долго принимали за великую княгиню и богородицу. Оказалось, что дѣйствительное имя Елены Павловны было Ирина Николаева Катасонова, что она была дочь Лебедянскаго 3-й гильдіи купца Николая Голева и жена Лебедянскаго мѣщанина Катасонова. Въ 1800 году, будучи пятнадцати лѣтъ отъ роду, она была выдана замужъ за Катасонова. Проживъ съ мужемъ всего два года, Катасонова бѣжала отъ него въ Арзамасъ и поступила въ Алексѣевскій общежительный монастырь. Года черезъ два ее отсюда выгнали, и она бросилась въ Кіевъ, гдѣ поступила во Фроловскій дѣвичій монастырь. Высланная и оттуда, Катасонова пробралась въ Москву въ Ивановскій женскій монастырь. Здѣсь-то она познакомилась съ дочерьми Колесникова. Понявъ слабую струну скопцовъ, Катасонова, подъ видомъ секрета, объявила Колесниковымъ, что она великая княгиня, оставившая свое земное величіе и скрывающаяся, ради вѣры скопцовъ. Послѣ этого она тотчасъ съ великимъ почетомъ была принята

въ домъ Колесникова, гдѣ и начала свою карьеру въ средѣ скопцовъ

По приговору Рязанской Уголовной Палаты, которой неизвѣстно было ни о сектаторствѣ Катасоновой, ни о томъ, какой титулъ она себѣ присвоила, самозванка была наказана плетьми черезъ полицейскихъ служителей и водворена въ мѣсто жительства, въ г. Лебедянь. Отсюда она скрылась и, въ началѣ 1831 года, пробралась въ Серпуховской уѣздъ, гдѣ, въ домѣ скопца Сидорова, опять начала разыгрывать роль великой княгини и богородицы. Но въ томъже году была снова задержана и заключена въ острогъ. Чѣмъ кончила свою карьеру эта авантюристка, неизвѣстно. Колесниковъ же и его дочери продолжали спокойно проживать близь Серпуховскихъ воротъ и распространять скопчество по преимуществу между Московскими дѣвушками [79]).

Скопецъ Московскій купецъ Анофрій Якимовъ Пороховой жилъ близь Прѣсненскихъ прудовъ, но въ Арбатской части. Происходя изъ крестьянъ Звенигородскаго уѣзда, Пороховой, вскорѣ по оскопленіи, составилъ себѣ громадное состояніе, занимаясь разными подрядами, въ томъ числѣ очисткой Прѣсненскихъ прудовъ. По этимъ подрядамъ Пороховому приходилось держать прикащиковъ и рабочихъ, что̀ и служило ему средствомъ для распространенія скопчества. Его родные и земляки, Звенигородскіе крестьяне, наслышавшись о его богатствѣ и большихъ торговыхъ связяхъ, приходили въ Москву и поступали къ нему въ услуженіе. Зная, какое неотразимое вліяніе имѣетъ на простаго Русскаго человѣка надежда внезапнаго обогащенія, Пороховой, мало по малу, чрезъ приближенныхъ къ себѣ скопцовъ, обольщалъ ихъ къ оскопленію. Поддавшись искушенію, они оскоплялись и дѣйствительно получали отъ Пороховаго щедрое денежное вознагражденіе. Такъ оскопились двоюродный братъ

---

[79]) Ibidem. Дѣло о крестьянинѣ графа Орлова Петрѣ Сидоровѣ 1831 года № 62202; показаніе Будылина въ дѣлѣ о скопцахъ по его доносу № 74315; о пребываніи же самозванки въ Петербургѣ значится въ донесеніи Андреянова.

Пороховаго Өедоръ Васильевъ Карабинеровъ, родственники его Семенъ и Кондратій Барановы, конторщикъ его Антонъ Елизаровъ Чумаковъ, отецъ послѣдняго Елизаръ и дядя Панфилъ Чумаковы, и другіе. Вліяніе Пороховаго съ 1813-го по 1820 годы было такъ велико, что Московскіе скопцы считали его какъ бы своимъ настоятелемъ [80]). Съ нимъ-то хотѣлъ видѣться Андрей Ивановъ, проѣздомъ чрезъ Москву на пути въ Суздаль.

Послѣ великой отечественной войны начали переселяться въ Москву и иногородные скопцы. Ихъ влекли сюда слухи о быстромъ обогащеніи Московскихъ скопцовъ и надежда на ихъ помощь. И они не ошиблись въ своихъ расчетахъ. Неизвѣстные пришельцы, вся рекомендація которыхъ заключалась лишь въ печати скопчества на лицѣ, радушно принимались въ Москвѣ и получали отъ скопцовъ мѣста и денежную помощь. При свойственной же скопцамъ бережливости и отсутствіи многихъ человѣческихъ потребностей, они, въ весьма непродолжительномъ времени, наживали значительные капиталы.

Результатомъ сказаннаго было то, что къ восемьсотъ двадцатымъ годамъ оскопленниками Коняхина, Колесникова и Пороховаго и иногородными скопцами положено было основаніе извѣстнымъ впослѣдствіи въ Москвѣ скопческимъ домамъ.

Такъ кварталъ-унтеръ-офицеръ Рогожскаго полицейскаго частнаго дома Семенъ Ларіоновъ устроилъ скопческій домъ въ Серпуховской части.

Московскій скопецъ Иванъ Ивановъ Богдашовъ съ своей сестрой Авдотьей основали, въ той же части, на Щипкѣ извѣстный скопческій Богдашевскій домъ и завели ситцеплаточную фабрику.

Вольноотпущенники г-жи Булыгиной Московскіе скопцы Елизаръ и Панфилъ Чумаковы, торговавшіе мелочью на Ильинкѣ и квартировавшіе на Мурашевскомъ подворьи,

---

[80]) Ibidem. Тотъ же журналъ Московской Угол. Палаты 1829 г. и другіе документы; дѣла № 3224 и 76240; дѣло о скопцахъ Андреевѣ, Куликовѣ, Пустобаевѣ № 6888.

положили основаніе извѣстному скопческому дому Чумаковыхъ. Сынъ Елизара, конторщикъ Пороховаго, скопецъ Антонъ Чумаковъ съ своимъ братомъ скопцомъ же Ѳеопемпомъ пріобрѣли Мурашевское подворье въ свою собственность и выстроили огромные дома въ 3 кварталѣ Яузской части и у Калужскихъ воротъ.

Вольноотпущенникъ графа Гудовича, крестьянинъ Подольскаго уѣзда деревни Поливанихи, скопецъ Ларіонъ Андреевъ Подкатовъ съ своей двоюродной сестрой Анной Аѳанасьевой Подкатовой основали, въ Серпуховской же части, скопческій Подкатовскій домъ.

Его землякъ, вольноотпущенникъ графа же Гудовича скопецъ Михайла Пахомовъ завелъ въ обширныхъ размѣрахъ ситце-платочную фабрику.

Другой землякъ Подкатова Василій Кондратьевъ Миткалевъ устроилъ извѣстный скопческій домъ близь Конной, въ Коровьемъ переулкѣ, Серпуховской же части. Вмѣстѣ съ крестьяниномъ деревни Властьева, Подольскаго уѣзда, скопцомъ Никитой Яковлевымъ Якунинымъ, Миткалевъ также основалъ ситце-платочную фабрику.

Московскіе скопцы, родомъ изъ однодворцевъ Раненбургскаго уѣзда. Андрей и Ѳедоръ Трофимовы-Соболевы построили себѣ домъ также въ Серпуховской части, по Валовой улицѣ и завели мѣняльную лавку.

Бѣглые солдаты скопцы Иванъ Іоновъ Калмыковъ и Егоръ Яковлевъ, воспользовавшись Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 1815 года, явились въ Москву, подъ видомъ выходцевъ изъ за границы, приписались въ мѣщане и пріобрѣли дома въ Петро-Павловскомъ переулкѣ той же части.

Такимъ же образомъ приписались въ Московское мѣщанство поселившіеся въ тупикѣ по Дворянской улицѣ, бѣглый солдатъ, Раненбургскій скопецъ Сергѣй Ивановъ Копыловъ и его землякъ однодворецъ-скопецъ Максимъ Трифоновъ Сигитовъ.

Въ это же время сдѣлалась извѣстной въ скопческомъ мірѣ бѣлица Ивановскаго дѣвичьяго монастыря Ѳедосья Иванова, находившаяся въ близкихъ сектаторскихъ сно-

шеніяхъ съ помянутымъ выше скопцомъ унтеръ-офицеромъ Ларіоновымъ. Она имѣла домъ и ленточную фабрику въ подмосковномъ селѣ Ивановскомъ [81]).

---

[81]) Ibidem и показаніе скопца Холуйкова и др. въ дѣлѣ о Холуйковѣ 1835 года.

VII.

Теперь я постараюсь заглянуть во внутреннюю жизнь описанныхъ скопческихъ домовъ въ періодъ времени съ 1820 по 1830 годъ.

Домъ скопца Ивана Богдашева, записанный на имя сестры его Авдотьи, находился на Щипкѣ, въ 3 кварталѣ Серпуховской части. Домъ былъ на каменномъ фундаментѣ, деревянный, двухъ-этажный съ мезониномъ. Въ одной половинѣ нижняго этажа шумѣли ткацкіе станы, за которыми десять жившихъ у Богдашевой дѣвушекъ работали ленты. Второй этажъ занимали Богдашевы, а въ мезонинѣ жилъ ихъ прикащикъ крестьянинъ Звенигородскаго уѣзда, деревни Зеленцовой, скопецъ Алексѣй Герасимовъ Солодовниковъ. Отдѣльно во флигелѣ жило человѣкъ двѣнадцать рабочихъ съ фабрики Богдашева.

Былъ 1827 годъ, лѣтняя пора, канунъ большаго годоваго праздника. Едва стало вечерѣть, какъ въ домѣ Богдашова поднялась бѣготня. Дѣвушки, оставивъ станы, шмыгали на чердакъ, въ кладовыя, отворяли сундуки, одѣвались по праздничному. Одна изъ нихъ стала у калитки воротъ. Вслѣдъ затѣмъ въ калиткѣ стали показываться мужчины и женщины съ узелками въ рукахъ и, пропускаемые дѣвушкой, проходили въ домъ. Черезъ часъ все смолкло на дворѣ, калитка и ворота заперты на замокъ, прежнюю караульную смѣнила новая.

Теперь перенесемся въ домъ. Въ просторной горницѣ нижняго этажа, на стульяхъ вокругъ стѣнъ, сидѣло человѣкъ пятьдесятъ народу, мужчинъ и женщинъ. Большую часть мужчинъ составляли среднихъ лѣтъ скопцы, большинство женщинъ—молодыя дѣвушки. Мужчины были въ бѣлыхъ длинныхъ, опоясанныхъ шелковыми поясками, рубахахъ и туфляхъ. Женщины въ сарафанахъ съ свѣтлокрапчатыми платками на головѣ, шеѣ и въ рукахъ. Подобные же платки разосланы были на колѣняхъ у муж-

чинъ. Въ переднемъ углу стоялъ маленькій треугольный столикъ, покрытый бѣлою скатертью, а на немъ, рисованный на холстѣ масляными красками, портретъ. Портретъ изображалъ старика съ длиннымъ морщинистымъ лицомъ, большими глазами, широкимъ вваливщимся ртомъ и нѣсколькими волосками на подбородкѣ. Старикъ нарисованъ былъ въ халатѣ, одна рука его лежала на кругломъ столикѣ, другая на колѣняхъ. Надъ портретомъ были образа Св. Нерукотвореннаго Спаса, Живоначальныя Троицы, Неопалимыя купины и др. На стѣнахъ висѣли огромныя изображенія Св. Георгія Побѣдоносца, Архангела Михаила и картины Спасителя въ видѣ мальчика, пасущаго бѣлыхъ овецъ, мученика Трифона, цѣлителя Пантелеймона и т. п.

Отворилась дверь, и въ горницу вошли Богдашевъ, въ длинной батистовой рубахѣ, опоясанной полотенцемъ черезъ плечо, Богдашова—въ сарафанѣ и платкѣ, и Алексѣй Герасимовъ Солодовниковъ въ халатѣ и туфляхъ. Послѣдній былъ брюнетъ, лѣтъ 25-ти, съ красивымъ, но блѣдно-желтымъ лицомъ. Собраніе привѣтствовало хозяевъ земнымъ поклономъ. Когда вошедшіе усѣлись на переднихъ мѣстахъ, всѣ собравшіеся запѣли:

«Дай къ намъ, господи, къ намъ ісуса христа, свѣтъ помилуй, сударь насъ.....» Потомъ мужчины, вскочивъ съ стульевъ, побѣжали другъ за другомъ въ припрыжку, описывая кругъ по солнцу и напѣвая вмѣстѣ съ женщинами:

„Царство, ты царство, духовное царство,
„Во тебѣ въ царствѣ благодать великая,
„Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.....“

Послѣ мужчинъ точно также закружились женщины, напѣвая тотъ же стихъ вмѣстѣ съ мужчинами, сидѣвшими на стульяхъ и ударявшими въ тактъ руками и ногами. За женщинами снова вскочили мужчины и, разсыпавшись по угламъ, по нѣскольку человѣкъ, начали быстро перебѣгать изъ угла въ уголъ—крестообразно. Послѣ нихъ тоже сдѣлали и женщины. Затѣмъ, то мужчины, то женщины бѣгали въ кругъ по солнцу, и такъ продолжалось до полуночи.

Тогда изъ среды мущинъ, по приглашенію Богдашева, вышелъ молодой, худощавый, длиннолицый съ сѣрыми глазами скопецъ, помолился на портретъ и завертѣлся на одномъ мѣстѣ сначала тихо, потомъ чаще, чаще и наконецъ такъ быстро, что не стало видно лица его. Провертѣвшись немного, онъ закричалъ:

«Духъ! Духъ! Ай духъ!»

При этихъ словахъ все собраніе упало на колѣни и съ благоговѣніемъ обратилось къ кружившемуся. Послѣдній же, завертѣвшись снова, заговорилъ:

«Благослови, батюшка-государь, милосердый глава, искупитель изъ рая, недостойнаго раба на твоемъ святомъ кругу пойтить и праведнымъ рабамъ про твои дѣла возвѣстить, какъ ты страдалъ въ Тулѣ и Суздалѣ-градѣ, подаеши всѣмъ отрады!»

Послѣ этихъ словъ всѣ стали, а кружившійся подошелъ къ одному изъ мужчинъ, упавшему снова на колѣни и заговорилъ:

«Здравствуй, любезный сирота, Ѳедоръ Трофимовичъ, государь-батюшка отворитъ тебѣ райскіе ворота, въ нетлѣнную ризу одѣнетъ, на бѣлаго коня посадитъ, отъ фарисеевъ избавитъ, безцѣннымъ товаромъ надѣлитъ. Ну, оставайся Богъ съ тобою!»

Обошедши такимъ образомъ мужчинъ, онъ завертѣлся на пяткѣ быстро, быстро, какъ кубарь и потомъ сѣлъ.

Тогда выступила Богдашева и, провертѣвшись недолго, начала говорить тѣже рѣчи женщинамъ. Послѣ нея снова, то мужчины, то женщины вертѣлись и пѣли:

„Саваоѳъ чудо творилъ
„Съ сыномъ божьимъ говорилъ:
„Ужъ ты сынъ ли мой, сынокъ,
„Ты мой ясный соколокъ.
„Ты Сіонская гора
„Съ неба на землю пора.
„Изволь вселенну утѣшать,
„На Алгофъ-гору поспѣшать;
„На Алгофъ-тебя пошлю,
„Ризы бѣлыя сошью.
„Изволь ризы надѣвать,
„Пречисту кровь проливать.

„Искупитель не стерпѣлъ,
„Золотъ орелъ полетѣлъ,
„Всю вселенну исходилъ,
„Темну стѣну побѣдилъ,
„Жало-лѣпость умертвилъ.
„А страданіемъ своимъ
„Вереи вѣчны сломилъ,
„Очищаетъ грѣхи міръ.
„Агнецъ божій наречеся....
„Агнецъ ты животворящій
„И женихъ происходящій!
„На всѣхъ вѣрныхъ оглянулся,
„На крестѣ богъ встрепенулся.
„Страшный громъ загремѣлъ;
„Земля, небо ужаснулись,
„Звѣзды съ неба сокатились,
„Всѣ престолы подвигнулись,
„Архангелы ужаснулись.
„А архангелъ Михаилъ
„Въ золотыхъ крылахъ предсталъ,
„Страху, трепету достоинъ,
„И въ Сенатѣ онъ сенаторъ,
„И на небѣ губернаторъ,
„Много разуму имѣетъ,—
„Доложить христу не смѣетъ;
„Судьбу божью исполняетъ,
„Архангеловъ собираетъ,
„Христа на крестъ убираетъ.
„А Илья пророкъ пророчитъ,
„Что воскреснуть христосъ хочетъ.
„Давидъ въ гусли заигралъ,
„Заскакалъ онъ, заплясалъ;
„Ковчегъ божій предъ нимъ скачетъ,
„Петръ апостолъ горько плачетъ,
„Много ревности имѣетъ,—
„Доложить христу не смѣетъ;
„Востру саблю свою точитъ,
„Распинаться съ христомъ хочетъ.
„А Кузьма, сударь, Демьянъ
„Съ христомъ въ страстяхъ ликовалъ;
„Кандалы всѣмъ расковалъ,
„У христа въ гостяхъ гостилъ,
„Съ темницъ вѣрныхъ отпустилъ.
„Ай Флоръ, сударь, Лаверъ
„И коней своихъ подвелъ,
„Колесницы закладаетъ,
„Христа на крестъ убираетъ;

„Огонь-пламя утушилъ,
„Змѣя люта побѣдилъ.
„Николай-то чудотворецъ,
„Чудеса онъ тутъ творилъ:
„Седьмо небо оттворилъ,
„Ко христу часто ходилъ,
„Христа на крестъ снарядилъ.
„Сама матушка-царица,
„Прилетѣла райска птица,
„Христа на крестъ убирала,
„Сама смертью умирала,
„Саваоѳа упросила,
„Сына божья воскресила.
„Богу слава и держава
„Во вѣки вѣковъ. Аминь.“

Послѣ того запѣли:

„Благослови, нашъ искупитель,
„Сударь батюшка родимой,
„Колоколъ твой зазвонити,
„Птицу райскую сманити,
„Про твои страды велики,
„Горючи слезы пролити;
„Какъ тебя, нашъ искупитель,
„Били, мучили Юдеи,
„А все злые фарисеи,
„Не дали мѣста въ Россеи.
„На твою пречисту плоть,
„Налетали черны враны,
„Надѣлали многи раны,
„Отослали въ дальни страны,
„Во Иркутскую губернію.....“

Страшенъ былъ видъ этихъ экзальтированныхъ людей, освѣщаемыхъ тусклымъ свѣтомъ нагорѣвшихъ восковыхъ свѣчъ. Паръ валилъ отъ нихъ столбомъ, потъ струился съ нихъ ручьями, а они всё вертѣлись и пѣли, подтирали смокшій отъ пота полъ полотенцами и снова вертѣлись и пѣли. Ихъ мертвенныя, блѣдно-желтыя лица, оживляемыя какой-то дикой, не человѣческой радостію, глаза, горѣвшіе по истиннѣ адскимъ пламенемъ, прерывистое дыханіе, охрипшіе голоса, бѣлая раздувавшаяся, въ родѣ савановъ, одежда, все это придавало сборищу видъ чего-то могильнаго, ужаснаго..... И лишь на зарѣ умол-

кло ихъ гробовое пѣніе, и гости оставили домъ Богдашева.

Тоже самое происходило, подъ большіе годовые праздники, и у Ларіонова, Подкатова, Пахомова, Миткалева, Копылова и нѣкоторыхъ другихъ скопцовъ. У всѣхъ у нихъ были моленныя, хотя и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ у Богдашева.

Богдашевы и Подкатовы находились кромѣ того въ прямыхъ сношеніяхъ съ Суздалемъ. Чрезъ монахиню Паисію они получали отъ Андрея Иванова просфоры, сухарики и другіе предметы для своего мнимаго причастія, письма и посланія, которыми самозванецъ благословлялъ вновь проявлявшихся лже-пророковъ, открывавшіяся моленныя и т. п. Къ нимъ же Паисія, именемъ Андрея, присылала своихъ прозелитокъ, для наставленія въ правилахъ ереси и помѣщенія на ихъ ленточныхъ фабрикахъ [82]).

Домы же Ларіонова, Ивана Іонова, Егора Яковлева и нѣкоторыхъ другихъ скопцовъ служили мѣстами оскопленія вновь совращаемыхъ и лечебницами оскопленныхъ. Операціи совершали самъ Ларіоновъ, Іоновъ и Яковлевъ и нѣкоторые другіе скопцы изъ солдатъ [83]). Многіе изъ новѣйшихъ Московскихъ скопцовъ получили оскопленіе въ этихъ домахъ, хотя по суду оскопителями ихъ признаны совершенно другія личности.

Дальнѣйшая исторія указанныхъ мною Московскихъ скопческихъ домовъ слѣдующая.

По смерти Богдашевыхъ домъ и состояніе ихъ, фабрики и т. п., достались прикащику ихъ, упомянутому выше скопцу Алексѣю Герасимову Солодовникову и его брату скопцу же Михаилу Герасимову Солодовникову.

---

[82]) Показаніе Будылина. Дѣло № 74315 т. 5. Актъ обыска у Богдашева въ 1829 г. и вѣдомость жильцамъ Богдашева, Подкатова и др. Ibidem, т. 2 и 5. Журналъ Московской Уголов. Палаты 28 августа 1829 г. въ дѣлѣ № 76240. Показаніе Холуйкова и др. въ дѣлѣ о Холуйковѣ и др. 1835 года.

[83]) Тотъ-жъ журналъ Московской Уголов. Палаты и показанія Будылина.

Солодовниковы оскоплены около 1820 года. При слѣдствіи въ 1829 году они показали о своемъ оскопленіи такъ. Около 1812 года, когда имъ было близъ 10-ти лѣтъ отъ роду, крестьянинъ сосѣдней съ ними деревни Алексѣй Филатьевъ (умершій за долго до слѣдствія) заманилъ ихъ въ лѣсъ. Здѣсь, съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ, Филатьевъ повалилъ ихъ на землю и оскопилъ. При этомъ онъ запретилъ имъ и бѣжать, и кричать. Когда же кровотеченіе унялось, то Филатьевъ, отпуская ихъ домой, взялъ съ нихъ клятву никому объ этомъ не говорить. Они ушли домой и никому не говорили о своемъ оскопленіи до самаго слѣдствія, т. е. семнадцать лѣтъ. Оскоплены они каждый порознь [84]). На основаніи этихъ показаній Солодовниковы были освобождены отъ суда и записались въ Московское купечество. Получивъ потомъ въ восемьсотъ сороковыхъ годахъ всѣ богатства Богдашовыхъ, они составили себѣ милліонное состояніе, удостоились почетныхъ званій и орденовъ. Алексѣй Солодовниковъ умеръ въ 1869 году. Братъ же его мануфактуръ совѣтникъ Михаилъ Солодовниковъ умеръ въ 1871 г. Нѣсколько лѣтъ назадъ, на дворѣ Богдашова, Солодовниковы устроили женскую богадѣльню, извѣстную подъ именемъ Солодовниковской [85]).

Подкатовскій домъ, состоящій во 2 кварталѣ Серпуховской части, достался прикащику скопца Пахомова скопцу же, крестьянину Подольскаго уѣзда, деревни Троицкой (живущему и теперь) Ѳедору Алексѣеву. Въ этомъ домѣ проживаютъ обыкновенно двѣ-три старухи ленточницы и отъ пятнадцати до двадцати дѣвушекъ, работающихъ на этихъ старухъ ленты, бахрому и т. п. [86]). Ѳедору же Алексѣеву досталась и большая часть состоянія Пахомова.

---

[84]) Показан. Солодовниковыхъ. Дѣло Будылина т. 5.

[85]) Есть свѣдѣнія, что въ эту богадѣльню помѣщались и скопчихи, о чемъ и производится слѣдствіе.

[86]) Алексѣевъ и его дѣвушки состоятъ подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ принадлежности къ скопческой ереси.

Представителемъ дома Чумаковыхъ служитъ нынѣ скопецъ Московскій мѣщанинъ Дмитрій Емельяновъ Чумаковъ, двоюродный племянникъ умершихъ скопцовъ Ѳеопемпа и Антона Чумаковыхъ. Онъ оскопился всего около пяти лѣтъ назадъ, за годъ или полтора до смерти дяди своего Антона Чумакова, послѣ котораго и получилъ въ наслѣдство его дома и капиталы.

По смерти скопца Миткалева, его состояніе, домъ и моленная въ 3 кварталѣ Серпуховской части у Конной, достались его дочери Василисѣ Васильевой Миткалевой. Миткалева жила, окруженная нѣсколькими дѣвушками-ленточницами, и умерла въ шестидесятыхъ годахъ, завѣщавъ все свое имущество жившей у нея дѣвушкѣ же, Московской мѣщанкѣ Марьѣ Ивановой Якуниной, племянницѣ скопца Якунина. Якунина проживаетъ въ Миткалевскомъ домѣ и теперь съ тѣми же дѣвушками, которыя жили при Миткалевой.

На томъ мѣстѣ, гдѣ были дома скопцовъ Іонова и Яковлева, въ Петропавловскомъ переулкѣ, жили послѣ скопцы: прикащикъ Солодовниковыхъ Алексѣй Семеновъ Волковъ и Московскій мѣщанинъ Родіонъ Тимофеевъ Холуйковъ.

Въ Копыловскомъ домѣ, въ тупикѣ по Дворянской улицѣ, проживаетъ старуха-дѣвушка Аксинья Кондратьева. При ней находится нѣсколько дѣвушекъ-бахромщицъ. Въ томъ же тупикѣ и до настоящаго времени находится скопческій Сигитовскій домъ, которымъ владѣютъ скопецъ Максимъ Сигитовъ и мѣщанка Анна Ульянова Сигитова (ум. въ 1871 г.). У нихъ тоже находится нѣсколько дѣвушекъ-бахромщицъ[87]).

---

[87]) Михаилъ Солодовниковъ и Анна Сигитова умерли въ концѣ 1871 г., а Подкатовскій домъ проданъ скопцамъ же Соловьевымъ.

VIII.

Теперь я постараюсь охарактеризовать систему правительственныхъ мѣропріятій съ 1800 по 1835 годъ.

Апрѣля 12-го 1806 года, скопецъ крестьянинъ Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда Сергѣй Михайловъ Салтыковъ, о которомъ говорено выше, формально заявилъ Московскому военному губернатору Беклешову о насильственномъ оскопленіи своемъ въ моленной Масона и при этомъ не только открылъ всѣ скопческіе притоны, но и раскрылъ тайны ереси.

Губернаторъ всеподданнѣйше донесъ о томъ Императору Александру Павловичу, на что и послѣдовалъ, 8 іюня 1806 года, отъ министра внутреннихъ дѣлъ отвѣтъ. Указывая, что ересь скопцовъ имѣетъ два вида или двѣ степени, графъ Кочубей писалъ: «Первая (степень) состоитъ въ мысленномъ только заблужденіи, другая въ практическомъ поведеніи сего рода людей, или въ оскопленіи.... Оставляя первый подъ общимъ правиломъ терпимости, признано было нужнымъ изыскать способы, чтобы остановить распространеніе втораго..... Для сего предположено было привлечь довѣріе и откровенность главныхъ секты сей начальниковъ и, посредствомъ ихъ внушеній, дѣйствовать на прочихъ. Мѣра сія столь успѣшное имѣло здѣсь (въ Петербургѣ) дѣйствіе, что начальники сей секты, удостовѣрясь, что правительство не желаетъ ихъ преслѣдовать, допустили людей къ сему употребленныхъ въ ихъ моленную и убѣжденіями и кроткимъ съ нимъ обхожденіетъ приведены были къ тому, что не только дали обѣщаніе впредь не дозволять оскопленія, но и другимъ внушали, что время къ сему уже прошло и что сіе средство не должно быть болѣе употребляемо. Послѣдствіемъ того было то, что, въ продолженіе двухъ лѣтъ, по всѣмъ наблюденіемъ, дѣйствительно здѣсь оскопленій болѣе не происходило». Сообщая все это, князь Кочубей

рекомендовалъ и Московскому губернатору такой же способъ дѣйствій относительно скопчества. Неизвѣстно, поручалъ ли генералъ Беклешовъ кому либо снискать довѣріе главъ Московскаго скопческаго корабля, но изъ предъидущаго разсказа мы видѣли, какъ горько ошибался князь Кочубей относительно дѣйствительности указанныхъ мѣръ противъ развитія скопчества въ Петербургѣ. Такъ ли, иначе ли, а Московскіе скопцы остались безъ всякаго преслѣдованія[88]).

Десять лѣтъ спустя, Московскій мѣщанинъ Иванъ Чернышовъ тоже формально обнаружилъ предъ начальствомъ какъ руководителей секты, такъ и способы, которыми они совращали въ ересь другихъ, и указалъ лицъ вновь оскопленныхъ. Это заявленіе подтвердилъ крестьянинъ Ефремъ Сакулинъ, имѣвшій съ Пороховымъ общія дѣла по подрядамъ. Произведено было слѣдствіе. Указанныя заявителями лица были освидѣтельствованы и оказались оскопленными, въ чемъ и сознались сами. Дѣло поступило на разсмотрѣніе судебныхъ мѣстъ и окончилось въ 1822 году слѣдующимъ образомъ: скопцы, хотя и признаны виновными въ добровольномъ оскопленіи себя, но за силою манифеста 1814 года отъ всякаго наказанія избавлены; Сакулинъ же, по особому приговору, сосланъ на поселеніе, а Чернышовъ отданъ въ солдаты.

Вслѣдъ затѣмъ скопецъ Иванъ Матусовъ, заявляя о своемъ насильственномъ оскопленіи, обнаружилъ всѣ тайны секты, указалъ ея притоны и оскопленныхъ людей. Произведенное по этому поводу слѣдствіе было представлено къ 1-й Департаментъ Московскаго Уѣзднаго Суда, но оттуда похищено и не найдено. Тогда Матусовъ, въ 1825 году, повторилъ свое показаніе уже въ 1-мъ Департаментѣ Московскаго Магистрата, дополнивъ его новыми весьма обстоятельными свѣдѣніями. Указанія Матусова вполнѣ оправдались при слѣдствіи: одни изъ оговоренныхъ имъ сознались и подтвердили его показанія, у другихъ найдено поличное, у иныхъ захвачена переписка, вполнѣ изобличавшая ихъ какъ въ распространеніи

---

[88]) Дѣло о скопцахъ 1806 г. № 185/98 Моск. Губ. Арх.

ереси, такъ и въ сношеніяхъ съ Суздалемъ. Въ 1829 году Московская Уголовная Палата рѣшила дѣло. По приговору ея, сорокъ скопцовъ присуждены къ отдачѣ въ рекруты, а въ случаѣ негодности на поселеніе. О пятнадцати положено произвести вновь слѣдствіе. Женщины, какъ физически не оскопленныя, присуждены были къ отдачѣ подъ надзоръ полиціи. Въ такомъ видѣ приговоръ Палаты поступилъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. Іюля 15-го 1830 года состоялось рѣшеніе и въ Комитетѣ. Рѣшеніемъ этимъ всѣ безъ исключенія подсудимые скопцы освобождены отъ всякаго суда и слѣдствія съ тѣмъ лишь, чтобы полиція имѣла стожайшій за ними надзоръ, чтобы тѣмъ положить преграду дальнѣйшему распространенію скопчества.

Между тѣмъ доносъ Матусова не прошелъ ему даромъ. Скопцы заманили его къ Пороховому, страшно избили и, затолкавъ иму въ платье серебрянныхъ вещей и сторублевую ассигнацію, связали и представили въ Арбатскую часть. Здѣсь, при помощи квартальнаго надзирателя Долгова, они обвинили Матусова въ вымогательствѣ у нихъ этихъ вещей и денегъ, для членовъ и секретаря Магистрата и въ намѣреніи присвоить ихъ себѣ. Матусова тотчасъ заключили подъ стражу и предали суду, и онъ счелъ себя въ высшей степени счастливымъ, когда Палата оставила его лишь въ подозрѣніи [89]).

Въ 1827 году снова поднято было въ Москвѣ дѣло о скопцахъ. На этотъ разъ доносителемъ явился человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный. Это былъ извѣстный скопецъ дезертиръ Василій Ивановъ Будылинъ. Онъ происходилъ изъ крестьянъ Нижегородской губерніи, Арзамасскаго уѣзда, села Выѣздной Слободы, по профессіи былъ садовникъ и большой грамотѣй. Въ 1816 году онъ сданъ былъ въ рекруты и поступилъ въ отдѣльный Грузинскій корпусъ. Здѣсь, по распоряженію генерала Ермолова, Будылинъ назначенъ былъ смотрителемъ казенныхъ и частныхъ садовъ, но, сдѣлавъ два побѣга, былъ переведенъ

---

[89]) Ibidem. Журналы Москов. Уг. Палаты на 28 августа 1829 г. и 30 сентября 1830 г. и др. докум. Дѣла № 3224 и 76240.

въ Георгіевскъ гандлангеромъ. Здѣсь сошелся онъ съ рядовымъ скопцомъ Никитою Калмыковымъ. Калмыковъ соблазнилъ Будыгина на оскопленіе и самъ совершилъ надъ нимъ эту операцію. За это Будылина назначили въ Тобольскъ. Слѣдуя въ Тобольскъ, Будылинъ дошелъ до Тамбова и здѣсь, вѣроятно неслучайно, поставленъ былъ на квартиру въ скопческій домъ. Это обстоятельство измѣнило всю дальнѣйшую судьбу его. Тамбовскіе скопцы уговорили его скрыться и при первомъ удобномъ случаѣ приписаться по фальшивому документу въ какое либо городское общество. Это было въ концѣ 1825 года. Съ этой поры началась двухлѣтняя скитальческая жизнь Будылина. Отъ одного скопца онъ переходитъ къ другому, изъ одного скопческаго селенія въ слѣдующее такое же. Такимъ образомъ обошелъ онъ не одинъ разъ многія селенія Тамбовскаго, Усманскаго, Моршанскаго, Козловскаго, Раненбургскаго, Воронежскаго, Елецкаго, Старобѣльскаго и Суздальскаго уѣздовъ. Во многихъ селеніяхъ этихъ уѣздовъ Будылинъ нашелъ скопческіе корабли и множество скопцовъ, которые принимали его, поили, кормили и укрывали. Перезнакомился онъ со всѣми ихъ учителями, учительницами, пророками и пророчицами, перебывалъ на многихъ скопческихъ сборищахъ, два раза посѣтилъ Москву и ея моленныя. Въ Москвѣ Будылинъ сочинялъ и переписывалъ прошенія, подававшіеся на Высочайшее имя въ коронацію Государя Императора Никола Павловича, въ уѣздныхъ городахъ занимался ходатайствомъ по дѣламъ скопцовъ, въ деревняхъ и селахъ шилъ сапоги и т. п. Наконецъ 23 декабря 1827 года Будылинъ былъ задержанъ въ Козловскомъ уѣздѣ волостнымъ писаремъ Протасовымъ и представленъ въ Козловъ. Оттуда препроводили его въ Тамбовъ, Моршанскъ и Москву. Тотчасъ по задержаніи, Будылинъ откровенно разсказалъ всѣ свои похожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ все, что̀ зналъ о скопцахъ. А зналъ онъ слишкомъ много. Тотчасъ поднялось нѣсколько громаднѣйшихъ дѣлъ о скопцахъ. Пошли аресты, допросы и очныя ставки. Будылинъ безпощадно уличалъ скопцовъ. Дѣла тянулись до 1835 года. Въ этомъ году они поступили на окон-

чательное рѣшеніе Комитета Министровъ. Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ дѣла эти, опять освободилъ отъ всякаго суда и слѣдствія всѣхъ оговоренныхъ Будылинымъ скопцовъ. Самъ же Будылинъ не дождался этого рѣшенія: судьба избавила его отъ этого разочарованія, пославъ ему заблаговременно смерть.

Скопцы же зажили спокойно, продолжая умножать свою секту и вѣрить, что государь-батюшка искупитель Петръ Ѳедоровичъ вовсе не умеръ, а живъ. Живетъ онъ по ихъ убѣжденію замурованный въ каменной стѣнѣ въ Суздалѣ. Но придетъ его время: загремятъ живогласныя трубы, явится онъ въ Москву, зазвонитъ въ Успенскій колоколъ, соберутся къ нему дѣтушки, полки полками, и возсядетъ онъ на престолѣ, и всѣ цари и короли сложатъ къ ногамъ его свои короны. Тогда-то настанетъ вѣчное царство скопцовъ, и будетъ рай блаженный на землѣ!

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

ЛИЦЪ БЫВШИХЪ ПОДЪ СУДОМЪ ЗА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КЪ ХЛЫСТОВСКОЙ ЕРЕСИ ВЪ 1745—1752 г. (по уѣздамъ).

		челов.
Изъ	Алатырскаго уѣзда монастырскихъ деревень: Миронокъ, Ичихи, Мишуковъ, Солдатской. . .	36
—	Арзамасскаго уѣзда помѣщичьей деревни Чернухи	2
—	г. Владиміра и Владимірскаго уѣзда монастырскихъ деревень: Воскресенской, Захаровки, Разлукской, Лукьянской и помѣщичьей Нѣжнаго.	25
—	Вологодскаго уѣзда вотчины Ростовскаго архіерея городка Шленскаго.	1
—	Галицкаго Костромской губерніи изъ монастырскихъ деревень Каменокъ и Паисіева монастыря и помѣщичьихъ села Сосновки и деревень Воскресенской, Соколова и Черницова.	10
—	Городецкаго уѣзда вотчины Конюшенной Канцеляріи.	1
—	Дмитровскаго уѣзда синодальнаго села Игнатьева монастырской деревни Хотьковой, вотчины помѣщика Кайсарова и деревни Рычино. . . .	4
—	Зарайскаго уѣзда вотчины Рязанскаго архіерея деревни Луковкиной.	1
—	Кашинскаго уѣзда монастырской деревни Торбаево и помѣщичьей Кимры	7
—	Калязинскаго уѣзда Каблуковскаго Николаевскаго монастыря слободы Никольской. . . .	10
—	Костромскаго уѣзда помѣщичьихъ деревень Лихарева и Михалей.	3

— Коломенскаго уѣзда деревни князя Долгорукаго Короваевой 2
— Московскаго уѣзда монастырскихъ деревень: Грайворона, Кутниковъ, Кирошкина, Никольской-Перервинской, Путинкова, Рожествина, Филипскаго и села Карачарова; дворцовыхъ селъ и деревень: Алексѣевскаго, Гольянова, Домодѣдовскаго, Коломенскаго, Мячковскаго, Мещоры, Островскаго, Покровскаго, Холопова (Пахрин. вол.) и помѣщичьихъ селъ и деревень: Оболдина, Поливановки, Арбузова, Абакумова, Исаева, Крюкова, Жукова, Подмалинокъ, Пахомова, Челпанова и Троицкой 100
— самой Москвы: старцовъ, старицъ, бѣлицъ, купцовъ, солдатъ, матросовъ и дворовыхъ людей. 140
— Нижегородскаго уѣзда села Павлова и Ворсмы (нынѣ Горбатовскаго уѣзда) княгини Марьи Юрьевны Черкасской 7
— Переяславля-Залѣсскаго уѣзда 2
— Пронскаго уѣзда (Рязанской губерніи) села Перевлѣсья. 1
— Романовъ-Борисоглѣбскаго уѣзда (Ярославской губерніи) деревни Оборневой 1
— Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи монастырской деревни Комаровой и помѣщичьей Лаврентьевой 2
— Рузскаго уѣзда (Московской губерніи) . . . 1
— Саранскаго уѣзда села княгини Черкасской Жадимірова 2
— города Углича и Углицкаго уѣзда изъ монастырской деревни Пустолѣсья 3
— Ярославскаго тогдашняго уѣзда изъ монастырскаго села Козлова и деревень Данильцова и Никольской и помѣщичьихъ деревень Посераловой, Поздѣевки, Мышкина, Перфильевой, Михальцевой и Новаго 20
— самаго города Ярославля 2
— неизвѣстныхъ мѣстностей 33

Итого. . . 416

II.

ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА

ЛИЦЪ БЫВШИХЪ ПОДЪ СЛѢДСТВІЕМЪ ЗА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КЪ СЕКТѢ ХЛЫСТОВЪ ВЪ 1745—1752 ГОДАХЪ (ПО ГОРОДАМЪ, ДЕРЕВНЯМЪ И СЕЛАМЪ).

		чел.
1.	Изъ Арбузова, сельца Московскаго уѣзда. . .	1
2.	— Абакумова.	1
3.	— Алексѣевскаго.	2
4.	— Владиміра, губернскаго города	2
5.	— Вотчины Конюшенной Канцеляріи Городецкаго уѣзда	1
6.	— Воскресенскаго, села Владимірскаго уѣзда.	2
7.	— Воскресенскаго, села Галицкаго уѣзда . .	1
8.	— Гариковой, деревни Московскаго уѣзда. .	1
9.	— Грайвороны, деревни Спасо-Симоновскаго монастыря Московскаго уѣзда	2
10.	— Гольянова, подмосковнаго сельца дворцоваго.	18
11.	— Домодѣдовскаго, дворцоваго села Московскаго уѣзда	8
12.	— Засѣкина, князя Андрея вотчины Ярославскаго уѣзда	3
13.	— Захаровки, деревни Владимірскаго дѣвичьяго монастыря	1
14.	— Исаевой, деревни Московскаго уѣзда . .	2
15.	— Игнатьева, синодальнаго села Дмитровскаго уѣзда	1
16.	— Комаровой деревни Ростовскаго уѣзда Борисоглѣбскаго монастыря.	1
17.	— Кутниковъ, деревни Чудова монастыря Московскаго уѣзда	2

18. Изъ Козлова, монастырскаго села Ярославскаго уѣзда 2
19. — Кирошкиной, деревни Угрѣшскаго монастыря Московскаго уѣзда 3
20. — Карачарова, села Спасо-Андроньевскаго монастыря Московскаго уѣзда 2
21. — Каменокъ, деревни Фатѣева монастыря Галицкаго уѣзда 1
22. — Кашина, уѣзднаго города 2
23. — Кимры, деревни Кашинскаго уѣзда . . . 3
24. — Коломенскаго, дворцоваго села 20
25. — Кайсарова, помѣщика вотчины Дмитровскаго уѣзда 1
26. — Лаврентьевой, деревни Ростовскаго уѣзда . 1
27. — Лихарева, деревни тогдашняго Костромскаго уѣзда 2
28. — Лукьяновской, монастырской деревни Владимірскаго уѣзда 9
29. — Луковкиной, деревни Зарайскаго уѣзда вотчины Рязанскаго архіерея. 1
30. — Мячковскаго, дворцоваго села Московскаго уѣзда 1
31. — Мещоры, дворцовой деревни Московскаго уѣзда 1
32. — Миронокъ, Ичихи, Кувакиной, Ивлей, монастырскихъ деревень Алатырскаго уѣзда. 30
33. — Москвы тогдашней (въ томъ числѣ около 25 монастырскихъ крестьянъ и служителей и около 65 старцевъ, старицъ и бѣлицъ). 140
34. — Мышкина, деревни тогдашняго Ярославскаго уѣзда 1
35. — Михалей, деревни тогдашнаго Костромскаго уѣзда 1
36. — Михальцевой, деревни тогдашняго Ярославскаго уѣзда. 1
37. — Никольской, подмонастырской слободы Николаевскаго монастыря. 10
38. — Никольской, подмонастырской слободы Николаевскаго подмосковнаго Перервинскаго монастыря. 4

39. Изъ Никольской, монастырской деревни Ярославскаго уѣзда. 4
40. — Новаго, сельца тогдашняго Ярославскаго уѣзда 1
41. — Нѣжнаго 1
42. — Оболдина, села тогдашняго Московскаго уѣзда 11
43. — Оборнева, деревни Романов. Борисоглѣбскаго уѣзда 1
44. — Островскаго, дворцоваго села Московскаго уѣзда 1
45. — Подгородной. монастырской деревни Алатырскаго уѣзда 3
46. — Покровскаго дворцоваго села Московскаго уѣзда 3
47. — Павлова и Ворсмы, селъ княгини Черкасской Горбатовскаго уѣзда. 7
48. — Посераловой, деревни тогдашнаго Ярославскаго уѣзда 3
49. — Поздѣевки (idem) 3
50. — Перфильевой (idem). 1
51. — Пустолѣсья, монастырской деревни Углицкаго уѣзда 1
52. — Паисіева монастыря вотчины Галицкаго уѣзда 1
53. — Путинковой, деревни Чудова монастыря Московскаго уѣзда 1
54. — Поливановки, деревни Московско-Подольскаго уѣзда 17
55. — Подмалинокъ, деревни Московскаго уѣзда. 1
56. — Пахомовой, деревни Московскаго уѣзда дворцовой Домодѣдовской волости. 1
57. — Рычина, деревни Дмитровскаго уѣзда . . 1
58. — Разлукской, монастырской деревни Владимірскаго уѣзда, Спасо-Златоверхаго монастыря 12
59. — Рожественской, монастырской деревни Московскаго уѣзда Чудова монастыря. . . 2

60.	Изъ	Солдатской, монастырской деревни Алатырскаго уѣзда	5
61.	—	Сынкова, деревни Галицкаго уѣзда. . .	1
62.	—	Соколовой, деревни Галицкаго уѣзда. . .	2
63.	—	Сосновки, села того же уѣзда	1
64.	—	Торбаевой, монастырской деревни Кашинскаго уѣзда Спасо-Новаго монастыря . .	1
65.	—	Троицкой, деревни Московскаго уѣзда . .	1
66.	—	Холоповой, дворцовой деревни Московскаго уѣзда	4
67.	—	Хотьковой, монастырской деревни Николаевскаго Пѣсношсскаго монастыря Дмитровскаго уѣзда	1
68.	—	Филиповскаго, монастырскаго села Московскаго уѣзда Чудова монастыря	2
69,	—	Черницова, села Галицкаго уѣзда. . . .	1
70.	—	Шленскаго, городка Вологодскаго уѣзда вотчины Ростовскаго архіерея	1
71.	—	Ярославля, губернскаго города	2
72.	—	неизвѣстныхъ мѣстностей.	33
		Итого	416

III

СПИСОКЪ.

СВЯЩЕННИКОВЪ, ДІАКОНОВЪ, СТАРЦОВЪ, СТАРИЦЪ И БѢЛИЦЪ, БЫВШИХЪ ПОДЪ СЛѢДСТВІЕМЪ ЗА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КЪ СЕКТѢ ХЛЫСТОВЪ ВЪ 1745—1752 ГОДАХЪ (ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ НЕПРИВЛЕЧЕННЫХЪ КЪ СЛѢДСТВІЮ).

1. Московской Воскресенской церкви, что́ въ Барашахъ, попъ Петръ Васильевъ.
2. Владимірскаго уѣзда села Воскресерскаго попъ Григорій Васильевъ.
3. Владимірскаго Успенскаго монастыря діаконъ Ѳедоръ Андреевъ.
4. Московскаго Казанскаго собора пономарь Дмитрій Ефимовъ.
5. Владимірскаго уѣзда села Воскресенскаго дьячокъ Прохоръ Васильевъ.
6. Владимірскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря дьякона Андрея сынъ Ефимъ Андреевъ.
7. Алатырскаго уѣзда деревни Миронокъ попъ Петръ Ивановъ (бѣжалъ).

Чудова монастыря:

1. Старецъ Варлаамъ Ѳедотовъ, іеромонахъ.
2. — монахъ просвирникъ Варлаамъ (Василій Шишковъ).
3. — іеродіаконъ Пахомій Ѳедоровъ.
4. — монахъ Прохоръ Григорьевъ.

Богословской пустыни:

1. Строитель іеромонахъ Дмитрій (Данило Гусевъ).

Троицко-Сергіевой Лавры:

1. Іеромонахъ Меѳодій Лукьяновскій.

Ивановскаго женскаго монастыря:

1. Старица Катерина Ларіонова
2. — Иринарха Никитина
3. — Аѳонасья Иванова
4. — Александра Никитина
5. — Аѳонасья Никитина
6. — Періида Ѳедорова
7. — Евпраксія Петрова
8. — Антрипелагея Прокофьева
9. — Надежда Леонтьева
10. — Дороѳея Антонова
11. — Евстолія Иванова
12. — Ирина Иванова
13. — Елена Петрова
14. — Иринарха Степанова
15. — Павла Иванова
16. — Агаѳья Иванова
17. — Анѳиса Родіонова
18. — Устинья Лукьянова
19. Бѣлица Аксинья Яковлева
20. — Татьяна Андреева
21. — Матрена Матвѣева.
22. — Матрена Аѳонасьева.
23. — Матрена Васильева.
24. — Марѳа Андреева.
25. — Авдотья Тимофеева (бѣжала).

Варсонофьевскаго монастыря:

1. Игуменья Иринарха Михайлова.
2. Старица Афросинья Панфилова.
3. — Ироида Андреева.
4. — Александра Васильева.
5. — Елизавета Пименова.
6. — Евпраксія Иванова.
7. — Серафима Іудина.
8. — Назарета Іудина.
9. — Есѳирь Игнатьева.
10. — Досифея Никитина (бѣжала).

11. Старица Софья Андреева (бѣжала).
12. — Магдалина Карпова (бѣжала).
13. — Софья Карпова (бѣжала).
14. — Фланида (бѣжала).
15. — Ѳеона (бѣжала).
16. — Дороѳея (бѣжала).
17. — Анѳиса (бѣжала).
18. — Анна Михайлова (бѣжала).
19. — Марья Иванова Шигина (бѣжала).
20. Бѣлица Акулина Родіонова.
21. — Настасья Макарова.
22. — Настасья Максимова.
23. — Настасья Наумова.
24. — Агаѳья Дмитріева (бѣжала).
25. — Акулина Григорьева (бѣжала).
26. — Анна Васильева (племянница Афросиньи Панфиловой).
27. — Ирина Андреева.

Никитскаго женскаго монастыря:

1. Старица Максимилла Борисова.
2. — Аграфена Анисимова.
3. — Вѣра Григорьева.
4. — Евдокія Григорьева.
5. — Аѳанасія Ѳедорова.

Рождественскаго монастыря:

1. Старица Таиса Акинфіева.

Егорьевскаго монастыря.

1. Старица Ксенофонта Иванова.
2. Бѣлица Марѳа Иванова.

Страстнаго монастыря:

1. Бѣлица Пелагея Иванова.

Итого бѣлаго духовенства. . . 7 человѣкъ.
Старцевъ, старицъ и бѣлицъ. . 68 —

Итого 75.

IV.

АЛФАВИТНЫЙ

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ИСТОРІИ СЕКТЫ СКОПЦОВЪ.

1. *Алексинъ.* Скопцы съ 1800-хъ годовъ.
2. *Атмановъ уголъ,*—село Моршанскаго уѣзда. Здѣсь скопчество появилось съ 1810-хъ годовъ. Въ 1825 году были скопители Ѳома Гавриловъ, Игнатъ Ивановъ, скопительница Авдотья Фролова.
3. *Андреевка,*—Раненбургскаго уѣзда Рязанской губерніи. Скопчество извѣстно здѣсь со временъ Будылина, т. е. съ 1825 года. По показанію Будылина здѣсь была тогда и скопительница Настасья Степанова Невѣрова.
4. *Бѣлевъ,*—у. г. Тульской, губерніи. Скопцы появились здѣсь въ 1830 годахъ.
5. *Брасово,*—село Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи. Родина Андрея Иванова и скопчества.
6. *Богдановка,*—село Орловскаго уѣзда. Здѣсь Андреемъ Ивановымъ оскоплены 13 человѣкъ крестьянъ и въ томъ числѣ Ѳедоръ Еремѣевъ Лопатинъ, Василій Матвѣевъ, Савелій Потаповъ и др.
7. *Булатниково,*—село Подольскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь скопчество появилось въ 1790 годахъ.
8. *Байгора Верхняя,*—село Усманскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Скопчество извѣстно съ 1803—1805

годовъ. Основателями его здѣсь были Алексѣй Трубниковъ, Михаилъ Чулковъ. Въ 1825 годахъ, по показанію Будылина, здѣсь принадлежали къ ереси изъ женщинъ Дарья Григорьева, Устинья, Марья и Авдотья Михайловы, и были скопители Калина Егоровъ и Гаврила Петровъ.

9. *Буриново,*—село Тарусскаго уѣзда Калужской губерніи. Въ 1810 году былъ здѣсь скопитель Парѳенъ Васильевъ, которымъ, между прочими, оскоплены крестьяне Филиппъ и Семенъ Васильевы. Отсюда родомъ Московскій скопецъ, прикащикъ купцовъ Солодовниковыхъ, Серпуховской мѣщанинъ, Алексѣй Семеновъ Волковъ.

10. *Березовка,*—село Лихвинскаго уѣзда Калужской губерніи. Отсюда родомъ Московскіе скопцы унтеръ-офицеръ Андрей Ефимовъ Сухановъ и оскопившійся гораздо позднѣе его мѣщанинъ Гаврила Климовъ Тихомировъ.

11. *Веневъ,*—Тульской губерніи. Отсюда родомъ Московскій скопецъ, прикащикъ Соболевыхъ, Григорій Сыровъ и другіе.

12. *Воронежъ,*—здѣсь скопчество извѣстно со временъ Будылина, т. е. съ 1825 года. Будылинъ указывалъ здѣсь скопителей Карпа Дмитріева, Мартына Александрова и Ефросинью Петрову Малахову; учителей Дементія Андреянова, Дарью и Авдотью Карповыхъ.

13. *Васильевское,*—село Орловскаго уѣзда. Скопчество извѣстно здѣсь съ 1798 годовъ. Былъ скопитель Василій Шишкинъ, скопцы Антонъ Романовъ, Семенъ Максимовъ, Кузовковъ, Грачевъ и другіе.

14. *Вышенки,*—деревня Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи. Здѣсь скопчество извѣстно съ 1806 года Тогда были скопцы: Ефимъ Яковлевъ, Аверкій Степановъ, Авдѣй Кондратьевъ, Миронъ Савельевъ, Романъ Самойловъ, Михаила Авиловъ, и другіе числомъ 21 человѣкъ. Отданы были въ 1807 г. въ солдаты.

15. *Власьево,*—деревня Подольскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь скопчество извѣстно съ 1805 года. От-

сюда родомъ умершіе Московскіе скопцы Никита Якунинъ, Василій Миткалевъ, Михаилъ Похомовъ и др.

16. *Ганино,*—село Суздальскаго уѣзда. Здѣсь скопчество извѣстно съ 1820 годовъ.

17. *Грязновка,*—село Раненбургскаго уѣзда Рязанской губерніи. Здѣсь скопчество съ 1805 г.

18. *Дольная Плота,*—деревня Ливенскаго уѣзда Орловгуберніи. Скопчество здѣсь съ 1798 годовъ. Изъ скопцовъ былъ тогда Пименъ Лаврентьевъ.

19. *Дубовое,*—село Раненбургскаго уѣзда Рязанской губерніи. Скопчество здѣсь съ 1805 г. По показанію Будылина, въ 1825 годахъ здѣсь былъ учитель Степанъ Васильевъ. Отсюда родомъ Московскій скопецъ Абрамъ Сергѣевъ Антоновъ.

20. *Дегтянка,*—село Моршанскаго уѣзда. Здѣсь скопчество съ 1820 годовъ.

21. *Добронивка,*—деревня Волоколамскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь скопчество основано въ 1800-хъ годахъ двумя Орловскими скопцами.

22. *Ефремовъ,*—у. г. Тульской губерніи. Скопчество съ 1820 годовъ. Въ 1825 г. былъ скопитель Ѳедоръ Степановъ.

23. *Елецъ,*—Орловской губерніи. Скопчество съ 1825 г.

24. *Истобное,*—село Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Здѣсь въ 1815 годахъ былъ скопецъ Трофимъ Соболевъ, отецъ Московскаго скопца Соболева.

25. *Кашира,*—у. г. Тульской губерніи. Скопчество появилось въ 1820 гг.

26. *Кромы,*—у. г. Орловской губерніи. Скопчество изстари.

27. *Казань,*—по указанію Будылина, здѣсь въ 1825 году были скопцы, и между ними чиновникъ Василій Ивановъ.

28. *Каблуковская,*—волость Калязинскаго уѣзда Тверской губ. Здѣсь скопчество изстари укоренено и сильно распространилось

29. *Кудинова,*—деревня Мценскаго уѣзда Орловской губерніи. Здѣсь еще въ 1810 годахъ была скопческая моленная и совершались радѣнія и оскопленія.

30. *Козловъ,*—у. г. Тамбовской губерніи. Въ 1825 годахъ были тутъ скопцы Харитонъ Долговъ и др.

31. *Кленское-новое,*—Козловскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Скопчество съ 1805 г. Основателемъ былъ Аксентій Честныхъ.

32. *Кленское-старое,*—село Раненбургскаго уѣзда Рязанской губерніи. Скопчество съ 1805 г. Основателями были однодворцы: Семенъ Антоновъ Парамоновъ, Трофимъ Никитинъ Духанинъ, Василій Парамоновъ. По показанію Будылина въ 1825 году здѣсь были скопческими лже-учителями: Гаврила Матвѣевъ и Мавра Васильева Насѣдкины, Домна Арефьева, Авдотья Семенова.

33. *Кривополяны,*—село Раненбургскаго уѣзда Рязанской губ. По показ. Будылина въ 1825 году былъ лже-учителемъ Иванъ Карповъ.

34. *Колыбельское,*—село того же уѣзда. Въ 1825 г. былъ лже-учителемъ Василій Васильевъ.

35. *Каменный Бродъ,*—скопчество съ 1820 годовъ.

36. *Климово,*—село Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи. Скопчество здѣсь издавна.

37. *Крюково,*—село Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь скопцы появились около 1815 года.

38. *Ламки Правые и Лѣвые,*—село Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Скопчество здѣсь съ 1775 года. Главнымъ лже-учителемъ былъ до 1830 годовъ Иванъ Ѳедоровъ Дробышевъ. Скопителями были Иванъ Филатовъ, Иванъ Финогеновъ; изъ скопцовъ 1800—1825 гг. извѣстны Егоръ Дробышевъ, Ѳедоръ Егоровъ Кузнецовъ, Иванъ Девятовъ, Василій Шигнѣевъ, Иванъ Прибытковъ, Веденей Панидовъ, Аѳонасій Осиповъ, Андрей Меркуловъ, Архипъ и Антонъ Прибытковы и многіе другіе.

39. *Луковецъ,*—село Ливенскаго уѣзда Орловской губерніи. Съ 1800 гг.

40. *Ломовое,*—село Раненбургскаго уѣзда Рязанской губерніи. Скопчество съ 1805 годовъ. Скопцы Ефимъ Ѳедоровъ Путятниковъ, Иванъ Семеновъ и др.

41. *Лытное,*—село того же уѣзда. Скопчество 1805 г. Основатель скопецъ Матвѣй Варфоломеевъ Есиповъ.

42. *Мещевскій,*—уѣздъ. Отсюда многія Московскія скопчихи.

43. *Малоархангельскъ,*—Орловской губерніи. Скопчество съ 1798 года.

44. *Малоярославецъ,*—у. г. Калужской губерніи. Изъ Малоярославецкаго уѣзда родомъ нѣкоторые Московскіе скопцы.

45. *Москва,*—скопчество здѣсь съ 1790 года.

46. *Маслово,*—село Каширскаго уѣзда Тульской губерніи. Скопчество издавна. Родина Александра Шилова.

47. *Малиновка,*—деревня Балашевскаго уѣзда Саратовской губерніи. Здѣсь скопчество съ 1802—1805 годовъ. Основателемъ были скопцы Козьма Ретяевъ, Аксенъ Алексѣевъ, Иванъ и Леонтій Кузьмины, Игнатъ Ивановъ.

48. *Маклиниха,*—деревня Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи. Скопчество основано здѣсь около 1803 года Васильемъ и Григорьемъ Ивановыми, Филипомъ Аѳонасьевымъ и другими.

49. *Моршанскъ.* Здѣсь скопчество существуетъ изстари.

50. *Мышнево,*—деревня Калязинскаго уѣзда Тверской губерніи. Здѣсь скопчество возникло въ средѣ хлыстовъ.

51. *Новосиль,*—у. г. Тульской губерніи.

52. *Орелъ.* Здѣсь скопчество существуетъ изстари. Здѣсь его родина. Мѣсто жительства Акулины Ивановны.

53. *Петербургъ.* Здѣсь скопчество съ 1790-хъ годовъ.

54. *Рига.* Здѣсь оно съ 1785 года. Основателями его были чиновникъ Михаилъ Антоновъ Пищулинъ, купецъ Иванъ Васильевъ Мацковъ; мѣщане Дегтяревъ, Емельянъ Пахомовъ, Яковъ Яковлевъ, унтеръ-офицеръ Савелій Казуткинъ и др.

55. *Ревель.* Скопчество съ 1790-хъ годовъ.

56. *Русское,*—село Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи. Около 1825 года была скопительница Меланья Иванова.

57. *Романово,*—село Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи. Около 1825 года была учительницей Катерина Максимова.

58. *Раненбургъ,*—у. г. Рязанской губерніи. Скопчество здѣсь съ 1805 годовъ. Основателями его были однодворцы Гаврила и Сергѣй Копыловы, Петръ Тимофеевъ Рыбкинъ, Яковъ Ивановъ Юмашевъ. Около 1825 года во главѣ скопческаго корабля здѣсь находились: Максимъ, Иванъ, Василій, Марья и Екатерина Максимовы Кожушкины.

59. *Суздаль.* Скопчество основано Елянскимъ около 1810 года. Во главѣ корабля до 1830-хъ годовъ находились монахиня Паисія и Левъ, Анна и Матрена Биркины.

60. *Сосновка,*—сего Моршанскаго уѣзда. Здѣсь скопчество прочно было утверждено еще Андреемъ Ивановымъ.

61. *Стежки,*—село Козловскаго уѣзда Тамбовской губерніи. Въ 1820 годахъ здѣсь были лжеучителями Ѳока Лаврентьевъ и дѣвка Лукерья.

62. *Симбирскъ.* По показанію Будылина здѣсь около 1825 года былъ скопецъ чиновникъ Алексѣй Ивановъ.

63. *Саратовъ.* Здѣсь открытъ былъ цѣлый скопческій корабль.

64. *Тамбовъ.* Около 1825 года, по показанію Будылина, здѣсь былъ скопителемъ солдатъ Романъ Орѣховъ, а во главѣ скопцовъ находились Иванъ Бабанинъ, Прасковья Муромцева, Петлины, Калашниковы, Мармалаевъ, Макѣевъ и др.

65. *Тула.* Здѣсь скопчество было со временъ Андрея Иванова.

66. *Талежи,*—деревня Серпуховскаго уѣзда Московской губ. Скопчество проникло сюда изъ Москвы въ 1815—1825 годахъ. Здѣсь была и моленная у скопца Петра Сидорова.

67. *Усмань,*—у. г. Тамбовской губерніи. По показанію Будылина скопцы были здѣсь около 1825 года. Скопителями же были рядовой Трофимъ и жена его Татьяна Баевы и дѣвка Надежда Иванова.

68. *Ѳоминская,*—деревня Подольскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь былъ оскопитель Хрѣновъ еще въ 1790-хъ годахъ.

69. *Ѳедотово Верхнее,*—село Кромскаго уѣзда Орловской губерніи. Скопчество основано здѣсь еще Орловскими первооскопленниками Андрея Иванова.

70. *Ѳедотово Нижнее,*—того же уѣзда, idem.

71. *Ѳедотово новое,*—idem.

72. *Херсонъ.* Здѣсь около 1805 года былъ оскопленъ матросъ Черноморскаго флота Григорій Григорьевъ.

73. *Царицыно,*—подмосковное дворцовое село. Сюда скопчество проникло еще въ 1790 годахъ. Основателями его были: Иванъ и Василій Сорокины, Данила Алексѣевъ, Степанъ и Яковъ Кузьмины и другіе.

74. *Чернолѣсное,*—село Елецкаго уѣзда Орловской губерніи. Здѣсь были скопцы еще около 1825 года.

75. *Ченисары,*—деревня Тамбовскаго уѣзда. Скопчество около 1825 года.

76. *Чухлома,*—у. г. Здѣсь были скопцы уже въ 1820 годахъ.

77. *Юсово,*—село Раненбургскаго уѣзда Рязанской губерніи. Отсюда Московскіе скоцы Сигитовы.

78. *Яблоновское,*—село Кромскаго уѣзда Орловской губерніи. Скопчество занесъ сюда около 1798 года Василій Шишкинъ, оскопившій здѣсь крестьянина Алексѣя Игнатова и отставнаго матроса Осипа Ѳедорова.

79. *Шуя,*—у. г. Владимірской губерніи. Здѣсь были скопцы уже въ 1820 годахъ.

V.

СКОПЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ:

«ГЛАСИТЪ ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА».

Что у насъ съ неба готовится
Про нашего живаго бога-отца,
Что надо ждать страдамъ его конца.
Господь Саваоѳъ своего сына прославитъ,
Всѣ тюрмы и темницы отставитъ
И вновь всѣ законы уставитъ.
— Скоро буду съ своимъ сыномъ вторымъ —
Самъ Господь Богъ владать
И новыя губерни и города закладать,
Гдѣ изволилъ сынъ мой возлюбленный
Много лѣтъ страдать.
Заложу соборы чудные,
Иконы напишу премудрыя
И чудотворныя,
А свѣчи къ нимъ поставлю соборныя
И пудовыя,
Да все его трудовыя;
Еще заложу приходскія церкви.
А вы, возлюбленные, всему вѣрьте.
Еще заложу не простые монастыри.
Въ то время всякой себѣ большую вѣру бери.
Буду навѣшивать звонкіе и дивные колкола,
Эта судьба сойдетъ не мала!

Весьма чудесъ много будетъ,
Второй Христосъ страшенъ судъ засудитъ.
Какой пойдетъ по новой Россіи звонъ,
Илья-Пророкъ многихъ выгонитъ
Изъ старой Россіи вонъ,
Которыхъ отдастъ въ полонъ.
Илья пророкъ *новой* и *второй*
Такъ будетъ гремѣть громко,
И звонари небесные звонить будутъ звонко, —
Да все по небесному!
Всѣ колкола про страды Христовы заговорятъ,
Да много чудесъ сотворятъ!
Еще вторые колокола съ неба снесутся,
Отъ которыхъ много душъ снова спасутся.
Эти небесные пророки,
Станутъ разбирать всякіе пороки;
Что, гдѣ за кѣмъ есть,
Станутъ вездѣ чисто месть,
Чтобы, батюшки родимаго,
Святую и многострадавшую икону живую —
На всѣ чистыя мѣста принесть
И на всѣ златые престолы.
Это чудеса Христовы.
Царь нашъ воцарится,
Никого не убоится,
Во пречистомъ своемъ тѣлѣ;
Это всѣ пророки въ небѣ запѣли,
Что *Христосъ вживѣ* на землѣ прославится
И всѣ страданія его явятся,
Вся сила безплотная удивляется,
Столѣтнему на страдахъ отцу.
А дѣло идетъ къ концу!
Слава его будетъ велика.
Какъ поставится его пречистое и пречудное живое лико —
На всѣхъ сооруженныхъ.
И Богомъ благословленныхъ —
Престолахъ.
Во всѣхъ мѣстахъ

И во пречистыхъ устахъ —
Будетъ трубушка трубить
Во весь бѣлый свѣтъ,
Что не спадающій страдательной первой цвѣтъ,
Что таковыхъ цвѣтовъ и на землѣ нѣтъ!
Никто такимъ цвѣтомъ не цвѣлъ,
Какъ нашъ родимой батюшка расцвѣлъ.
По страдамъ и цвѣту будетъ слава
Дастся скипетръ и держава;
Всей Россіи будетъ править,
Всѣ цари и короли —
Будутъ втораго бога и великаго страдальца славить;
А колокола зазвонятъ по небесному;
Какъ прошелъ родимой батюшка,
Всѣ пути тѣсные;
Весьма, очень, звонко,
А громы загремятъ очень громко.
Тутъ страшный судъ начнется,
Вся вселенная кочнется!
Отъ великаго и сильнаго грому
Многіе побѣгутъ изъ своего явнаго дому,
Пойдутъ отъ суда страшнаго прятаться,
Многимъ придется до сыта наплакаться —
Отъ своихъ дѣлъ!
А кто находилъ въ Богѣ предѣлъ,
Этимъ откроется отрада;
Вся вселенная будетъ рада,
Да и всѣмъ будетъ отрада!
Всему этому великому дѣлу
Твориться надо!
Время скоро приближается,
А небо вышнее унижается,
Сила Божія собирается,
Съ неба на землю скатается.
Многіе вельможи за втораго Христа ухватятся.
И пойдутъ за нимъ во слѣдъ!
А кто слѣпъ,
Оставайся въ своихъ мѣстахъ.
Строгой глаголъ будетъ,

У родимаго батюшки —
Въ его пречистыхъ устахъ;
Оставайся слабой Божій родъ!
А займутъ мѣста міръ-народъ.
Пойдутъ души на спасенье
И узнаютъ второе воскресенье,
Весьма горячо приступятъ
И дорого оцѣнятъ,
А слабыхъ и старыхъ слугъ повянитъ,
Какъ дешево «*божество*» цѣнили
И Христа повинили!
Теперь *слабымъ* сказано
И по дѣламъ будутъ наказаны,
Что: «подите прочь,
Въ темную ночь,
Вы свѣтъ Христовъ проспали!»
Отвратитъ Господь свое лико;
А праведнымъ милость велика —
Съ ними буду бесѣдовать,
И говорить,
И чудеса творить!
Наберу себѣ вельможъ и господъ,
Да со мной будетъ самъ Господь —
При всей моей славѣ.
Кто въ хорошей исправѣ,
Того и допущу.
Вотъ я за время вѣщу.
Теперь многова не ищу;
А то придетъ пора, время,
Я сильнаго пророка
На «*Кругу Божьемъ*» пущу
На все свое собранье.
Пойдетъ пророкъ искать,
Не дастъ въ соборѣ спать,
Всѣ дѣла разберетъ
И всякаго жизнь.
Тутъ пророкъ скажетъ:
«Хошь въ гробъ ложись, —
«А я не спущу,

«А всѣ дѣла ваши отыщу,
«Чья жизнь не чиста,
«Вы замучили втораго Христа».
Пророкъ, по приказу отца сотворшаго,
Поведетъ и за дверь:
Вотъ этому слову всякой вѣрь.
Пророкъ пошлется весьма грозенъ и строгъ,
Будутъ отъ суда его иные падать съ ногъ.
А вставши куда пойдетъ?
Это время скоро подойдетъ—
На *праведныхъ* красно солнышко взойдетъ,
А *слабый* прочь отъ свѣта пойдетъ —
Ему назначено мѣсто.
О, заступи, царица небесна,
За всѣхъ ты за насъ сиротъ!
А судъ Божій у нашихъ душевныхъ воротъ:
Вотъ, какъ смерть за плечомъ!
Ну, любезныя дѣтушки,
Не останьтеся кто не при чемъ!
О возлюбленныя дѣтушки!
Теперь я вамъ всю правду открою,
Что я искупитель родимой батюшка
Впередъ устрою,
Кого за какую жизнь и службу
Чѣмъ удостою;
Кому царство растворю,
А кого раемъ подарю,
А кого за вѣру поблагодарю:
Я за хорошу службу —
Всѣмъ дамъ спокой вѣчный,
Кто служилъ чистосердечно.
Еще пророкъ проглашу,
Въ честь васъ попрошу:
Попомните этотъ *Божій судъ*
Поживите хорошенько тутъ!
Не скажу вамъ и не порадую,
Что жить на землѣ много годовъ,
Или мѣсяцовъ,
А скажу—на одни часы;

Я скоро снесу съ неба —
Справедливые вѣсы:
Тутъ вся правда и жизнь обозначится,
«А иной горько наплачется
«И пойдетъ отъ вѣсовъ прочь
«Въ свою темную ночь».
О любезныя дѣтушки!
Поживите построже.
Многіе вельможи
Займутъ ваши мѣста,—
Это глаголютъ пророчески уста.
Постарайтесь ради душъ спасенья,
Примите новое пѣнье;
Это не его хотѣнье,
А Божія воля.
Дожидайде, что скоро растворится неволя,
Ждите съ часу — на часъ,
Какъ бы милосердной батюшка, живой спасъ,
Не открылся бы вдругъ у васъ.
Вотъ, пророкъ, повѣщаю вамъ впередъ;
Ведите чисто свой чередъ,
Будьте смирны, кротки,
То не сядете на лодкѣ,
А помѣщу на свой корабль.
Кто будетъ Богу радъ,
Тотъ и приметъ Божіе ученье.
Вспомните родимаго батюшки нашего мученье.

Аминь.

VI.

ПѢСНЯ ПРО РОЖДЕНІЕ

АНДРЕЯ ИВАНОВА.

1.

А свѣтъ, наше красно солнышко,
Государь родимый батюшка,
Пребывалъ на Сіонской на горѣ.
Сіонъ гора превысокая.
Наша матушка-государыня
Акулина, свѣтъ, Ивановна,
Духотворная, чудотворная,
Къ Саваоѳу помолилася,
Ко престолу поклонилася,
Св. духомъ разблажилася,
Во злату трубу раструбилась,
Утробушкой растворилася.
Вознежненное мое дитятко,
На бѣлыхъ ручкахъ явилося.
Наша матушка-сударыня
Горючими слезами залилася,
Весьма она удивилася:
Хорошо дитя родилося,
Всей вселенной пригодилося,
Вся вселенна покорилася,

Земля-небо обновилися,
Сила божья помолилася,
Стѣна ада повалилася.
Не устояли адски крѣпости,
Чтобы не было уже *лѣпости* [1]),
Чтобъ избавилъ богъ отъ слѣпости.
По его свѣта рожденіи,
Много было его похожденія.
Наша матушка-государыня,
Акулина, свѣтъ, Ивановна
Саваоѳу помолилася,
Съ благодарностью поклонилася,
Весьма она удивилася,
Вся вселенна перекрестилася.

---

[1]) Подъ „лѣпостью“ скопцы разумѣютъ половыя стремленія.

VII.

ПѢСНЯ О ПОЯВЛЕНІИ

АНДРЕЯ ИВАНОВА И О ПРЕСЛѢДОВАНІИ СКОПЧЕСТВА.

Унасъ нонѣ, други,
Чудо сотворилось:
Съ сѣверной сторонки
Солнце засвѣтилось.
Это нашъ спаситель
Батюшка-искупитель,
Царь силы небесной
Во раю явился.
Свѣтъ его господній
Во тмѣ засвѣтился.
Человѣческій родъ
Отъ сна пробудился.
Всѣ пошли, поѣхали
Свѣту поклониться,
Живой тамъ водицы,
Безсмертной напиться,
Глаголу господню
Изъ устъ научиться,
Ото всѣхъ недуговъ,
Скорбей излѣчиться.
Экая радость
Къ намъ съ неба явилась!

Земля и всё небо
Нынѣ обновились,
Благодать господня
Въ людяхъ разродилась;
Какъ быстрая рѣчка
По землѣ разлилась;
Древа всѣ поблёкли.
Она орошала,
Коренья засохши
Въ древахъ воскрешала
И бѣлыя ризы
На нихъ надѣвала.
Всему злому аду
Рѣка досаждала,
Такъ что адски слуги
Сильно застонали,
Противъ благодати
Христовой возстали,
Злыхъ себѣ помошниковъ
Они набирали,
Разнымъ оружіемъ
Злые воружались,
По градамъ и селамъ
Они ополчались.
Съ агнцемъ брань творити,
Дѣтей его бити,
Лестью обольщати,
Отъ Бога отвращати,
А кто не послушаетъ,
Мукамъ предавати
И нигдѣ имъ мѣста
Здѣся не давати.
Всѣ соборы вѣрныхъ
Сталъ врагъ раззоряти
И въ дальнія страны
Сталъ ихъ высылати—
Въ Сибирскія земли
И въ края Кавказски,
Въ хладный Туруханскій,

На островъ Аланскій,
Гладомъ тамъ морити,
Работой трудити,
За истинну вѣру
Законъ христіанскій.
Видно такъ изъ вѣку
На землѣ творится:
Кровь пророковъ праведныхъ
На сей землѣ льется.
Злые такъ и ноньче
Чрезъ властей воюютъ.
Вы же, Богомъ избранные,
Все здѣсь претерпите,
Христово оружіе
И знамя берите;
Любовь, крестъ, терпѣнье
Всегда, вы, имѣйте;
Тѣмъ-то вы избранные
Злобу предолѣйте,
И сколько есть силы
Съ врагами боритесь,
Умереть за господа,
Вѣрны, не страшитесь.
Тѣмъ-то имя Божье
На землѣ, вы, славьте;
По себѣ, вы, память
Вѣчную оставьте:
Взирайте, какъ прежде
Святые скончались,
На страдахъ за господа
Славою вѣнчались:
Зато-то имъ нынѣ
Честь, церковное пѣнье.
И вамъ тоже будетъ
За подвигъ терпѣнья—
Напишутся книги
Про ваше похожденья!
Христосъ-батюшка воскресъ,
У насъ нова радость есть

Святой духъ намъ поетъ пѣснь,
Отдавайте ему честь.
У матушки во соборѣ
Вся сила ея въ разборѣ,
На святыхъ ея кругахъ
Во блаженніихъ духахъ.
Сама матушка пошла,
Всѣ дѣла наши нашла.
Илья батюшка пророкъ
Печетъ сладкій намъ пирогъ
И начиночку кладетъ,
Съ нимъ [1]) по всѣмъ сердцамъ пойдетъ
Свою сладость разносить,
Да и въ честь будетъ просить.
А вы сладостью сладитесь,
Ко престолу всѣ садитесь:
Святымъ духомъ доходите,
Тѣмъ матушкѣ угодите;
Она судитъ судъ глубокій.
Ея дѣвственное око.
Окомъ матушка взираетъ,
Яко солнышкомъ сіяетъ,
Обогрѣетъ теплотой.
Въ ней премудрый духъ святой.
Онъ бесѣдуетъ, живётъ
И корабликомъ плывётъ.
Корабельщикъ громовъ сынъ,
Онъ отъ батюшкиныхъ силъ;
Саваоѳъ его избралъ,
Чтобъ вездѣ грѣхъ изодралъ.....

---

[1]) Съ пирогомъ.

VIII.

ЖИЗНЬ АНДРЕЯ ВЪ ИРКУТСКѢ

Во прежнее было время,
Звѣзда въ небѣ возсіяла,
Наша матушка родная
Сына божьяго принимала,
На рукахъ своихъ качала,
Его въ ризу облачала,
На главу вѣнецъ надѣла,
На добра коня сажала
Въ путь-дорожку снаряжала.
Покатилъ наша надежа
На мученья, на страды.
Приступилъ наша глава
Ко распятому кресту.
Чистоту онъ возлюбилъ,
Адски сѣти всѣ рубилъ,
Вѣрнымъ-праведнымъ трубилъ:
«Подержитесь, сироты,
«Вы телѣсной чистоты.
«Хоть примаю я печали,
«Корабли ваши причалю.
«Ни въ чемъ я васъ не оставлю,
«Кораблю мачты поставлю.
«Слышу ваши голоса,
«Подниму всѣ паруса.

Невѣрные Юдеи
Его мучили, избили,
А съ нимъ ангелы тутъ были,
Надъ главой вѣнецъ держали,
Въ небеса съ собой прошали.
Не прося у творца сроку,
Покатилъ онъ въ дальну дорогу,
Во Иркутской, сударь, градъ;
Претерпѣлъ много досадъ.
И онъ тамъ нашъ государь
Разводилъ зеленый садъ.
Изыскалъ онъ чисто древо,
Положилъ престольно дѣло.
Предъ нимъ птица гласомъ пѣла:
«О престольно наше семя!
«Пришло число тебѣ—время,
«Полно мучиться, страдать,
«Изволь престоломъ владать.
«Покатишь, наша отрада,
«И до Питера до града
«Полетишь, ты нашъ орелъ,
«Къ вѣрнымъ-праведнымъ въ соборъ
«Ты вкатишь въ явной Сенóтъ,
«Отвѣтишь за всѣхъ сирòтъ;
«Сиротамъ принесешь ты долю,
«Освободишь вѣрныхъ на волю,
«Отопрешь ты всѣ темницы,
«Запоютъ предъ тобой птицы;
«Тебя будутъ прославлять,
«На престолѣ поздравлять.
«Здравствуй, батюшка отецъ,
«Милосердный богъ отецъ!
«Ты откуда, красно солнце,
«Прикатилось со лучами?»
Отперъ батюшка родимый
И темницы всѣ ключемъ.
Приступили къ нему—свѣту
И всѣ вѣрны человѣки;
Пропустили слёзъ какъ рѣки;

Прижимали къ сердцу руки,
Припали къ самому порукѣ,
Отъ него брали науки.
О нашъ свѣтлый виноградъ
Прикатился въ Питеръ градъ.
Проглаголывалъ Ісусъ
Изъ пречистыхъ своихъ устъ,
Показалъ намъ чистый слѣдъ
Засвѣтилъ онъ мѣстный свѣтъ;
Разослалъ своихъ гонцовъ,
Отыскалъ онъ всѣхъ дѣльцовъ,
Увѣрилъ многихъ слѣпцовъ,
Далъ небѣльмный онъ всѣмъ взоръ.

IX

АНДРЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Господи Боже, царю милосердый!
Мы тобой, владыка,
Очинно довольны:
Были мы во плѣнѣ,
Теперича вольны.
Нутетка, братцы,
Пора намъ собраться
Къ батюшкѣ родному,
Гостю дорогому
Ко Питеру-граду,
Получить отраду,
Съ Творцомъ повидаться,
Манной напитаться;
Къ батюшкѣ родному
Подъ началъ отдаться:
Твори, нашъ кормилецъ,
Надъ нами свою волю;
Орелъ, ты нашъ бѣлой,
Что тебѣ угодно,
То съ нами и дѣлай.
Въ твоей, сударь, власти
Ты нашъ страдатель!

Всегда избавляешь
Отъ бѣдъ и напастей.
Хотя и бываетъ
Надъ нами тревога:
Твои, нашъ заступникъ,
Велики помоги.
Хотя и попали
Въ Юдейскія руки
И тутъ не видали
Никакой мы муки.
Думали: не будетъ
Намъ съ тобой свиданья—
Съ батюшкой роднымъ,
Гостемъ дорогимъ.
Еще, ты заступникъ,
До насъ умилился:
Съ покровомъ явился,
Своею молитвой,
Укротилъ Содомы
Покрылъ наши домы.
Приносимъ благодарность
Тебѣ государю,
Батюшкѣ родному,
Гостю дорогому,
За твою къ намъ милость,
Котора къ намъ грѣшнымъ
Отъ тебя явилась.
Слава тебѣ, боже,
Жить съ тобою гоже:
Будемъ распѣвати
Херувимски пѣсни.
Похрани, кормилецъ,
Насъ къ будущей вéснѣ
Отъ огня, отъ пламя,
Отъ моровой язвы!

ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ СКОПЧЕСТВА И ССЫЛКА

АНДРЕЯ ИВАНОВА ВЪ СУЗДАЛЬ ВЪ 1820 ГОДУ.

А свѣтъ ты нашъ прославленный Питеръ-градъ,
Ты прибѣжище Христу былъ вертоградъ,
Расцвѣталъ въ тебѣ зеленый райскій садъ.
Въ этомъ саду райска птица пѣлъ соколъ,
Жалко звонилъ во небесный колоколъ.
Возрастали всё тамъ дрѐвеса,
На древичькахъ ароматная роса.
Сотворилися велики чудеса.
Саваоѳомъ насаждены древеса,
Политъ садикъ искупителемъ-христомъ,
Купно-слезно со всей троицей святой,
Чистосердечной своей теплотой.
Открылъ прежде всего тайну—святой кругъ,
Чтобъ присутствовалъ въ сердцахъ святой духъ.
Во вторыя далъ знать всѣмъ царскимъ родамъ,
Всѣмъ вельможамъ, сенатòрамъ, господамъ.—
Среди Питера устроенъ былъ домъ,
Самому христу было прибѣжище въ немъ;
Протекалъ тамъ живой воды тихой Донъ,
Разливалася тамъ Сладимъ-рѣка;
На стражѣ были евангелисты Марка и Лука,
Стритъ.... всему дому мастера,
Тамъ написаны были златыя литера;
Подъ названіемъ святой храмъ.
Сходились, соѣзжались со всѣхъ странъ,

Не боялись Юдеевъ-черныхъ вранъ.
Въ лаврѣ были бѣлосвѣтскіе скопцы [1]),
А садовнички все были духовные дѣльцы,
Торговали иноземные купцы.
Это было злато время и пора,
Къ намъ явилась благодатная гора,
Просвѣщала благоутрення заря.
Искупитель назвалъ Питеръ «Сіонъ-градъ».
Пресчастливы, преблаженны тѣ года:
Приходили къ нему царскіе рода,
Всѣ со страхомъ покоряли сердца,
Прославляли искупителя-отца.
Со престолу онъ трубою къ нимъ гласилъ,
Съ умиленьемъ царя агнецъ нашъ просилъ,
Со слезами пророчески слова рекъ:...
«О счастливо это время-златой вѣкъ,
«За васъ на землѣ страдаетъ Богъ во вѣкъ.
«Я избранныхъ въ свое сердце заключу,
«Слабыхъ, грѣшныхъ судомъ божьимъ обличу.
«Не повѣрили небеснымъ чудесамъ,
«Дали волю своимъ тѣлесамъ,
«Разбѣжались работнички по лѣсамъ,
«Оставляли садовнички зеленъ садъ,
«Оставался несозрѣлый виноградъ,
«Тѣмъ надѣлали творцу много досадъ»!
Оставался несчастливый Питеръ-градъ.
Затужили иноземные купцы,
Убоялися духовные дѣльцы,
Ослабѣли бѣлосвѣтскіе скопцы
И не стали тѣмъ товаромъ торговать [2])....
Удивлялись всѣ вельможны господа
Что избранны не несутъ божьева труда.
Припечалился саваоѳъ-богъ нашъ творецъ
Сотворилъ Богъ-свѣтъ велики чудеса:
Покатилися къ Сенату колеса

---

[1]) Тутъ можно разумѣть развѣ тотъ исключительный случай, что въ Лаврѣ временно проживалъ польскій каммергеръ Елянскій, впослѣдствіи оскопившійся.

[2]) Ревностно распространять скопчество.

Скоро и успѣшно ко Сіонскимъ воротамъ,
Неизвѣстно—всѣмъ спящимъ сиротамъ [1]),
Страшно ударили въ колоколъ.
Отпирается искупительскій дворецъ.
Подходили ко престольному лицу,
Говорили искупителю-отцу,
Всё со страхомъ предлагали отцу рѣчь:
«Что не умѣли тебя дѣтушки беречь,
«Видно время орлу бѣлому летѣть?»
И нейдутъ къ нему сироты поглядѣть,
Только жалко зазвонили въ колоколъ —
Укатится птица райска, нашъ соколъ!
Скоро дали изъ Сенату царю вѣсть:
Захотѣли искупителя увезть,
Такъ по царскому указу въ Суздаль-градъ.
Александръ царь получилъ много досадъ.
Онъ печально затужилъ,
Что изъ Питера жива бога проводилъ:
«Не прогнѣвался-бъ мой батюшка творецъ;
«Я оставлю сего царствія вѣнецъ;
«Видно скоро я во слѣдъ твой покачу,
«Безъ него на землѣ жить не хочу».
Слезно плакалъ и головушкой качалъ,
Что оставилъ ему великую печаль.
Онъ ко батюшкѣ день и ночь тайно кричалъ:
«Посадили во оградушку отца,
«Не забуду тебя, свѣтъ мой, до конца,
«И гдѣ получу душевныхъ я отрадъ;
«Скоро вслѣдъ пошлю гонца
«Въ Суздаль-градъ по отца».
Слезно плачутъ избранныя сироты,
Что тебя взяли, свѣтъ нашъ, на страды.
Видно исполнились искупительски суды!
А, вы, слушайте гласъ архангельской трубы
И во вѣки вѣковъ, Аминь.

---

[1]) Сирота значитъ скопецъ.

[2]) Здѣсь скопцы по своему разказываютъ о ссылкѣ Андрея Иванова при Императорѣ Акександрѣ Павловичѣ въ Суздаль.

XI.

АНДРЕЙ ИВАНОВЪ ВЪ СУЗДАЛѢ.

Ай свѣтъ наше красно солнышко,
Государь ты нашъ,
Родимый батюшка,
Укатило красно солнышко,
Что за горы за высокія,
За лѣса оно за темные.
Укатился сударь-батюшка
Онъ во дальнюю сторонушку.
Оставлялъ онъ сударь-батюшка
Свой духовной зеленъ-садъ,
Покидалъ родимый нашъ
Свой любимый Питеръ-градъ
И мѣста всѣ райскія,
И палаты, свѣтъ нашъ, царскія.
Оставлялъ онъ золотой престолъ.
Встрепенулся золотой орелъ,
Полетѣлъ онъ высоко и далеко.
Оглянулся золотой орелъ
На любимо свое мѣстечко
И на тёплое на гнѣздышко.
Пожалѣлъ государь-батюшка
Духовныхъ своихъ дѣтушекъ,
Со слезами проглаголывалъ:
«Оставайтесь, мои дѣтушки,
«Всѣ вы съ божьею со милостью,
«Съ благодатью, со св. духомъ,
«Со любовью, со покровомъ небеснымъ.

Залетѣлъ золотой орёлъ
Онъ до Суздаля-города,
Ужъ и сѣлъ поднебесный нашъ соколъ
Онъ во тѣсную во клѣточку
И запѣлъ соловеюшко
Въ небо жалобную пѣсенку,
Къ родимому своему батюшкѣ,
Къ саваоѳу богу вышнему,
Ко царю-свѣту небесному
И св. духу блаженному,
Ко родимой своей матушкѣ,
Пречистой св. богородицѣ
И царицѣ силы небесныя:
«Государь, ты мой батюшка
И родимая матушка,
Ужъ и что это сотворилося?
Со ночной темной со сторонушки
Поднимались вѣтры буйные,
Вылетали враны черные,
Раззоряли тепло гнѣздышко.
Мнѣ тамъ не дали мѣстечка
И спугнули моихъ дѣтушекъ».
Проглаголывалъ ему батюшка
И родимая его матушка:
«Ты не плачь, агнецъ божій,
Не рыдай, изобранный божій сынъ,
Мы очистимъ тебѣ мѣстечко
Совьемъ въ Питерѣ гнѣздышко;
Прилетятъ къ тебѣ дѣтушки
Со всѣхъ дальныхъ сторонушекъ,
И польютъ всѣ сады зеленые
Со древами кипарисными,
Съ виноградомъ большимъ, вишеньемъ.
За твое, *агнецъ*, страданіе,
За безвинное терпѣніе
Преклоню я небо вышнее,
Утвержу я золотой престолъ;
Будетъ тебѣ на землѣ просторъ.
Не печалься сударь, сынъ божій,

Будетъ воля и свободушка,
Разметается дороженька;
Прикатятъ гонцы скорые,
Отопрутъ двери крѣпкіе,
По приказу творца вышняго,
По указу, свѣтъ, вашему царскому!»

XII.

МНИМОЕ НОВОЕ ЯВЛЕНІЕ АНДРЕЯ ИВАНОВА.

Духъ святой съ неба гласилъ.
Саваоѳъ сына просилъ:
Раствори свою неволю,
Выкатай, агнецъ, на волю.
Ты возвелся святымъ духомъ,
Спусти жалкій гласъ въ округу,
И вся сила небесная
Вострепещетъ во крылахъ.
Возливайте изобранны
Въ сердцахъ своихъ божій страхъ.
Загремитъ труба небесна
И по дальнимъ сторонамъ,
По Иркутскимъ островамъ.
Изъ тайнаго кабинета
Изъ истиннаго, святаго
Во тотъ славный Суздаль-градъ,
Во Спасской тайной дворецъ [1])
Посланъ былъ царемъ гонецъ
Во тотъ Спасской во дворецъ,
Гдѣ нашъ батюшка-отецъ
Утѣшалъ своихъ овецъ.
Прочиталъ указъ гонецъ:
«Ты, нашъ батюшка-отецъ,
«Всѣмъ страдамъ твоимъ конецъ.

---

[1]) т. е. во дворецъ „Спаса“. Спасомъ скопцы называютъ Андрея Иванова.

«Ты, владыка, царска роду,
«Кати, агнецъ на свободу».
А нашъ батюшка родимый
Воспѣваетъ жалкой гласъ:
«Саваоѳъ мнѣ волю дастъ.
«Скоро будетъ моя воля,
«Моимъ дѣтушкамъ свобода,
«Страды свои прекрачу,
«Тайно обитать хочу.
«Указъ съ неба получу,
«Растворю свою неволю
«Отъ премудрости ключа
«Засвѣчу во всѣхъ избранныхъ,
«Благодать живымъ ручьемъ,
«За распятой крестъ и страсти,
«Покорятся земны власти;
»Вострубитъ пророкъ Илья—
«Будетъ волюшка моя;
«А дѣтушкамъ вѣрна вѣсть:
«Понесите, вы, мой крестъ.
«Какъ буетъ Богу угодно,
«Моимъ дѣтушкамъ свободно.
«Придетъ время и пора:
«Выкачу Сіонъ-гора;
«Покачу я къ царю прямо,
«Покажу я бѣло знамя,
«Утушу я огонь-пламя—
«Сокращу царской Сенотъ.
«Постоитъ царь за сиротъ
«Живой образъ мой явленной.
«Дамъ царю я повелѣнье...
«Крѣпку двери растворять,
«Сиротъ моихъ собирать,
«По заслугамъ разбирать,
«Кандалы всѣмъ разбивать.
«Такъ дѣтушкамъ Богъ велитъ,
«Еще слезушки пролить.
«За царя молить Бога,
«Пополнѣ сосудъ налить.

«На то всякой будь готовъ
«Мой вамъ, дѣтушки, покровъ;
«За страды низкой поклонъ.
«Я откроюся въ иномъ градѣ:
«Мои дѣтушки мнѣ рады.
«А царь себя помиритъ,
«Всѣ неволи растворитъ
«За безвинныя страды
«Будетъ батюшку благодарить.
«Всей вселенной потрясенье,
«А царю будетъ веселье.
«А всѣмъ праведнымъ отрада—
«Богъ небесная ограда!»

XIII.

МНИМО-ГРЯДУЩЕЕ ВТОРОЕ ПРИШЕСТВІЕ

АНДРЕЯ ИВАНОВА.

Ай у батюшки, у родимаго,
У спасителя-искупителя,
Ай у матушки, у помошницы
И у Александра-свѣтъ Ивановича,
У всей троицы нераздѣльныя,
Собиралася тайная бесѣдушка,
И всѣ ангелы солеталися
Съ херувимами, серафимами,
И апостолы, со пророками.
Ужъ и вся сила-свѣтъ небесная.
Собрались въ царску палатушку,
Вострубили въ трубы небесныя,
Во златы гусли во звончатыя,
На святомъ кругу
Преблаженный духъ
Онъ речетъ сударь—проповѣдуетъ
Онъ страды-труды со терпѣн емъ,—
Утѣшаетъ нашего батюшку.
Свѣтъ нашъ батюшка припечалился,
Со всей троицой думу думаетъ,
Думу думаетъ и совѣтуетъ,
Каждый часъ—минуту бесѣдуетъ,
Горючьми слезами обливается
И проситъ просьбою вѣрною

У отца своего сотворшаго
Обо всемъ своемъ объ Израилѣ:
«Ужъ и какъ же мнѣ
Ихъ оставити!
Станутъ горько они,
Слезно плакати».
Речетъ батюшка
Самъ небесный царь:
«О возлюбленный,
Ты мой сынъ Божій,
Даю власть тебѣ свою полную
На сырой земли,
Да и въ будущемъ.
Хотя и трудъ несешь
Со страданіемъ
И со слезнымъ со рыданіемъ,
Тѣсноту и запоры крѣпкіе;
Потерпи еще время малое —
Будетъ волюшка и свободушка.
Придетъ часъ тебѣ,
Пора-времёчко,
Отопрутся замки крѣпкіе,
Сошлю Ангеловъ и Архангеловъ,
И всю силушку—свѣтъ небесную —
Взять тебя къ себѣ въ царствіе.
Теперь батюшка,
Сударь сынъ божій
Погости ты свѣтъ
Еще на сырой землѣ,
Пока вѣрные твои исправятся,
Маловѣрные поувѣрятся,
Маломочные воспокоются:
Тогда судъ будетъ и рѣшеніе.
Сядешь ты, батюшка,
На златой престолъ,
Возьмешь книгу—свое Евангеліе;
И засудишь, свѣтъ, судомъ страшнымъ,
И затрубишь трубою небесною,
Со великою своей славою.

Придутъ вѣрные твои дѣтушки
Ко тебѣ—свѣту со исправою,
А ужъ грѣшные всѣ останутся.
Тогда, батюшка сударь—сынъ божій,
Ты не станешь ждать
Поры-времячка
Ни одного часу, ни минуточки,
Поспѣшать станешь
Въ свое царствіе
А теперя нашъ сударь-батюшка
Жалѣетъ своихъ дѣтушекъ:
На томъ судъ божій совершается

XV.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ШИЛОВЪ.

Какъ сказать ли вамъ
Велику тайну божію
О тридневнимъ праздничкѣ?
Всѣ праведны сожидалися,
Братья, сестры собиралися,
Какъ голуби солеталися.
Прорекали тайну божію
Про родимаго батюшку,
Про Александра
Свѣтъ-Ивановича, —
Про его жизнь, про скончаніе.....
Залился слезами нашъ батюшка родимый,
Разсуждалъ онъ со Апостолами святыми:
«Какъ мнѣ стать,
«Предъ Бога предстать,
«Какъ отвѣтъ держать
«Ко Богу самому за каждую,
«За душу грѣшную».
Какъ отвѣтъ держатъ
Апостолы святые: [1])
«Ты не плачь, не рыдай,
«Нашъ страдатель дорогой,
«Ты учитель преблагой.
«За твои ли за велики за страды,
«Что покрылъ богъ
«Покровомъ пресвятымъ.

---

[1]) Подъ апостолами скопцы разумѣютъ сосновкихъ скопцовъ, первооскопленниковъ Андрея, товарищей Шилова по заключенію.

Сладки яблочки сбирали,
На златое блюдо клали,
Во высокъ теремъ носили,
Родну матушку просили:
«Прими, матушка-государыня,
«Прими гостьица-помошница!»
Матушка принимала,
Честь, поклонъ давала,
На головушку золоты вѣнцы
Воскладывала.

XIV.

СТЕПЕНИ СКОПЧЕСТВА.

Благослови наша надежа,
Сударь-батюшка родной,
Погулять, поутѣшиться
И святымъ полнымъ духомъ
Поувѣриться!
Ай у нашего государя,
Гостя батюшки роднаго,
Ужъ есть молодецъ къ молодцу—
Они вѣрные, вѣрны-праведны.
Они ходятъ, гуляютъ
По сіонскимъ по горамъ.
Они въ трубушки трубятъ,
Во Архангельски гласятъ
Отъ земли до небеси.
Ай у нашего государя-батюшки
Ужъ положено такъ:
Кому ангеломъ быть,
Кому архангеломъ служить,
Ужъ кому быть херувимомъ,
Кому серафимомъ,
Кому быть во пророчествѣ,
Кому—въ мученичествѣ.
Ай у нашей государыни
Гостьи матушки
Есть полки дѣвическіе;
Онѣ ходятъ, гуляютъ
По зеленому по саду,

Завсегда сошлетъ
Къ нимъ Духа святаго,—
Утѣшать будетъ
Сиротъ всѣхъ на землѣ.
Залился слезами
Нашъ батюшка родной,
Призывалъ онъ къ себѣ
Вѣрныхъ-праведныхъ своихъ:
«Вы придите, вырны-праведны мои,
«Приступите изобранныя души;
«Послушайте гласу моего,
«Ужъ, вы, пейте, пейте
«Живую воду.
«Я прощаю во грѣхахъ васъ на свѣту,
«Всюду стану
«Свята Духа посылать.
«Онъ станетъ про меня вамъ прорекать».
Прорекали тайну божію они:
Про родимаго, про батюшку
Про Александрушку
Свѣтъ-Ивановича,
Про жизнь его, про скончанье на свѣту,
Про его, свѣтъ нашъ, вознесеніе.
Укатилъ съ земли нашъ батюшка родной,
Укатилъ съ земли страдатель дорогой.
Какъ узнали тутъ всѣ братья и сестры,
Всплеснули они бѣлыми руками,
Залились они горючими слезами:
Государь ты нашъ батюшка родной,
Не повѣдалъ ты намъ тайны своей,
Что ты хочешь со земли, свѣтъ, укатить,
А мы стали бы у господа просить!

ПОПРАВКИ

стран.	строк.	напечатано	нужно читать.
7	37	въ 1844 г.	въ 1846 г.
7	24	„Сыне Боже нашъ," а не „Сыне Божій"	„Сыне Божій," а не „Боже нашъ"
10	5	Послѣдовалъ соборъ 1666 года, объявившій	Послѣдовали соборы 1666 и 1667 годовъ, объявившіе
11	33	Въ 1700	Къ 1700
16	37	дѣло	дѣла
37	38	Андрея	Андреяна
38	½½	сатое	самое
46	39	Данилова	Денисова
55	29	Матерью	Матерно
56	38	въ кругу	въ кругъ
62	34	сохранялъ	охранялъ
77	36	Маклакахъ	Максакахъ
—	20	Господь и Іисусъ	Господь Іисусъ
84	12	новскаго, безпоповщинскаго	новскаго и безпоповщинскаго
87	8	1733, 1734	1733—1734
—	32	эти	это
88	35	Борщовымъ	Борисовымъ
89	15	Егора Михѣева	Снурочниковой
—	22	Михѣевскій	Снурочниковскій
—	32	сосланнаго	едва не сосланнаго
115	22	Екумовъ	Екушовъ

LBJL'20

ЦѢНА ДВА РУБЛЯ

Получать можно отъ автора въ Москвѣ, близь Спиридоновки, въ Георгіевскомъ переулкѣ, въ домѣ Быкова и на Ильинкѣ (теплые ряды) въ конторѣ нотаріуса Маджугинскаго.

LIBRARY OF CONGRESS
00027292136